

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А.А. ЖДАНОВА

А. Н. БЕРИШТАМ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ГУННОВ

ЛЕНИНГРАД — 1951

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ А. А. ЖДАНОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

А. Н. БЕРНШТАМ

О Ч Е Р К
И С Т О Р И И Г У Н Н О В

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОРДЕНА ЛЕНИНА УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. А. А. ЖДАНОВА
ЛЕНИНГРАД
1951

Ответственный редактор
М. М. Дьяконов

ОТ РЕДАКЦИИ

Книга доктора исторических наук А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов» представляет собой результат многолетних работ автора по этой проблеме на основании изучения многочисленных письменных источников и археологического материала.

Автору принадлежит заслуга открытия и первых публикаций памятников среднеазиатских гуннов, которым он в книге уделяет немалое внимание. Неоднократно автор печатал свои работы, посвященные изучению китайских первоисточников по гуннской проблеме.

Настоящий очерк как бы подытоживает многолетние исследования автора и главное дает ему возможность достаточно ясно сформулировать и аргументировать свою точку зрения на роль и значение гуннских завоеваний в истории народов Центральной и Средней Азии, Восточной и Западной Европы.

Автор, вопреки господствующим взглядам в исторической науке, приходит к выводу, что гуннские завоевания, которые совпали с кризисом рабовладельческой системы, носили объективно-исторически прогрессивный характер. Автор подчеркивает, что речь идет не о прогрессивности культурного развития гуннов по сравнению с оседлоземледельческим населением, а только в плане историко-социальном.

Отмечая разнообразный этнический состав гуннских военно-политических объединений, он отмечает их роль, особенно в условиях Средней Азии, в образовании тюркоязычных народов СССР (киргизы, казахи, туркмены и др.), а в условиях Восточной Европы автор выявляет особую роль в гуннских объединениях славянских племен.

Такая постановка вопроса об объективно-исторической роли гуннского племенного союза, основанная на значительном фактическом материале, едва ли не впервые делается в научной литературе (имеем в виду советскую историческую литературу). В буржуазной литературе, естественно, такой постановки вопроса было бы трудно и ожидать.

Хотя суждения, аналогичные мыслям автора, и проскальзывали в советской исторической литературе (Толстов, Удальцов, Третьяков, Гайдукевич), однако они не имели такой развернутый характер, как это сделано в книге «Очерк истории гуннов».

Несомненно, что такая точка зрения не может не вызывать и вызовет, вероятно, отклики. Будут голоса «за» и «против» предложенной автором оценки исторической роли гуннов.

Мы надеемся, что книга А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов» вызовет творческую дискуссию по этому важному вопросу всемирной истории и особенно истории народов СССР.

«Общепризнано — писал И. В. Сталин, — что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики».¹

Всестороннее критическое обсуждение вопросов, поднимаемых настоящей книгой, и поможет советской исторической науке найти правильное решение этого вопроса. Для развертывания такой творческой дискуссии книга дает достаточно научных оснований, поскольку в ней с исчерпывающей полнотой изложены все основные факты по истории гуннов, особенно центральноазиатских и среднеазиатских, как известных науке, так и вводимых в научный оборот самим автором в тексте «Очерков». Эта сводка фактов важна уже сама по себе для целей подготовки студентов исторических факультетов и для самообразования, как учебное пособие. Этими двумя положениями определяется ценность книги и необходимость ее издания.

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 31.

ОТ АВТОРА

Гуннский племенной союз имел огромное значение во всемирно-историческом процессе и представляет большой интерес для истории народов СССР. Создание сводного очерка давно назрело. Надо, однако, отметить, что разнообразные источники, требующие в ряде случаев специальной подготовки и знания языков (греческие, латинские, китайские летописи, армянские исторические сочинения и, наконец, скандинавские саги и древнегерманский эпос), недостаточный, а главное, слабо изученный, археологический материал — весьма осложняли работу по написанию сводного очерка. В течение многих лет автор вел исследование истории гуннов по самым различным источникам, преимущественно китайским, и по археологическим памятникам, значительная часть которых на территории Средней Азии была им открыта. Результатом этих исследований явились доклады и статьи, опубликованные в советской научной печати и посвященные, главным образом, частным вопросам предмета.

Интерес к гуннам, который естественно возникает при изучении истории народов СССР и всемирной истории, и отсутствие сводного труда, излагающего последовательно историю гуннов, определили желание составить настоящий очерк. Ввиду того, что по рассматриваемой теме может быть рекомендована обширная, но, к сожалению, буржуазная, литература вопроса,¹ автор считал необходимым дать прежде всего основную характеристику проблемы роли гуннов в социально-экономической и политической истории, а также в этногенезе народов Азии и Европы с точки зрения марксистско-ленинской

¹ Из наиболее последних монографий см.: McGovern. The Early Empires of Central Asia. A W. M. Study of the Scythians and the Huns and the part they played in World History with special reference to the Chinese Sources. The University of North Carolina Press, 1939. См. рецензию на указанную книгу: А. Н. Бернштам, ВДИ, вып. 4, 1940; ср. также главы, связанные с историей гуннов. См. также: E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948. — Список принятых сокращений см. на стр. 240—241.

исторической науки. Именно эта тема, а не исчерпывающий очерк истории гуннов, являлась главной задачей автора.

Вместе с тем, хотелось изложить очерк в такой форме, чтобы он мог быть использован в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов, хотя это и не являлось основной целью автора. Вследствие сказанного представилось уместным, для полноты, наряду с оригинальной частью работы по истории восточных и среднеазиатских гуннов, объединить выдержки из письменных источников и критические указания на литературу вопроса по истории западных гуннов. Главы по истории западных гуннов и аваров, не являющейся специальностью автора, имеют характер сводки, не более. Изложение политической истории и в известной степени и вся структура очерка (ссылки на русские переводы первоисточников по наиболее доступным изданиям) продиктованы стремлением придать работе широкий характер и расширить круг литературы, которой пожелает воспользоваться читатель.

Здесь нет полного ответа на все вопросы, которые неизбежно встают перед исследователем и читателем. Это объясняется прежде всего неразработанностью многих вопросов и существовавшим до сих пор односторонним отношением к гуннской проблеме. Автор стремился поставить основные проблемы, хотя бы в их предварительной трактовке. Исключена историографическая часть, что компенсировано, отчасти, подробным научным аппаратом, особенно по восточным гуннам.

Следует также указать, что история восточных и западных гуннов и аваров до VI в. н. э. излагается в узком смысле этого понятия.¹ По ряду причин, в частности в силу той же неразработанности отдельных исторических проблем, сознательно исключены такие разделы, как характеристика племенного состава Восточной Европы в эпоху гуннов и аваров, тем более, что эти сюжеты не являются темами прямой специальности автора. По истории аваров дается основная хронология, так как полный очерк потребовал бы изложения таких вопросов, которые слабо освещены в исследовательской литературе. Таковы, например, взаимоотношения аваров с болгарами и т. п. Эта оговорка делается для того, чтобы читатель не искал в настоящем очерке, являющемся первым опытом в советской литературе, ответа на все вопросы, связанные с эпохой «великого переселения народов». Как первую попытку изложения истории гуннов и характеристику важнейших проблем и предлагает автор настоящую работу.

---

¹ Тесно связано с настоящей работой исследование: А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв. (Восточно-тюркский каганат и кыргызы). Л., 1946.

Основные установки, содержащиеся в книге, докладывались на объединенном заседании Среднеазиатской и Монгольской ассоциаций Института востоковедения Академии Наук и Восточной кафедры Государственной Академии истории материальной культуры еще 16 марта 1935 г. Отдельные вопросы освещались в печати.¹ В основу окончательного текста очерка положены лекции, прочитанные в качестве спецкурса на Историческом факультете Ленинградского государственного университета в 1940/41 уч. г., дополненные результатами изысканий в последующие годы и, в частности, раскопок 1944—1950 гг. в Средней Азии. Эти изыскания были исполнены при неизменном содействии Киргизского филиала Академии Наук ССР, в составе которого автор работал ряд лет.

Считаю необходимым с благодарностью отметить помощь проф. М. А. Тиханозой, проф. М. И. Артамонова и проф. Л. А. Мацулевича, д-ра ист. наук М. М. Дьяконова и В. Н. Казина, взявших на себя труд прочитать рукопись в ее первоначальном варианте и давших ряд ценных указаний, учтенных при окончательной подготовке книги к печати.

Ленинград, октябрь, 1950 г.

---

¹ См. сл. наши работы: Изображения быка в находках из Ноин-улинских курганов. ПИДО, № 5—6, 1935. — Наследственность и выборность у древних народов Центральной Азии. ПИДО, № 7—8, 1935. — К вопросу о социальном строе восточных гуннов. ПИДО, № 9—10, 1935. — Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение. Изв. ООИ, № 4, 1937. — Из истории гуннов I в. до н. э. Хуханье и Чжичжи шаньюи. СВ, I, 1940. — Кенкольский могильник. Гос. Эрмитаж, 1940. См. также ряд замечаний в других работах, ссылки на которые читатель найдет далее.

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине IV в. н. э. на территории Восточной Европы, главным образом в южнорусских степях и на равнинах Венгрии (Паннония), появляется новое объединение кочевых племен, известное под названием гуннов.

В буржуазной исторической науке вопрос о гуннах был поставлен давно. Еще в середине XVIII в. (в 1756 г.) появилась монография французского ученого Дегиня об истории гуннов, тюрков и монголов.¹ Этим годом можно датировать начало широко развившейся дискуссии о происхождении европейских гуннов. Первой проблемой, вставшей с той поры перед наукой, было установление тождества азиатских гуннов, известных из китайских источников, с гуннами европейскими. Устанавливая это тождество, буржуазная наука поставила вопрос о гуннском нашествии в Европу. Второй проблемой явилась этническая принадлежность гуннов. Она вызвала наиболее ожесточенные споры. Предполагали, что гунны этнически были либо тюрки, либо монголы, либо финны, либо славяне. В этой связи привлекались лингвистические данные (анализировались сохранившиеся в китайской транскрипции гуннские слова), археологические (устанавливалась связь с скифами), антропологические и данные письменных источников. Всеми этими данными пользовались и для доказательства передвижения гуннов с Востока на Запад. Были установлены четыре основных теории происхождения гуннов: «монгольская», «турецкая», «финская» и «славянская». Главными

---

¹ Deguinges. Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, 4 тома (5 книг), Paris, 1756—1758; нем. пер.: I. G. Dähert, Greiswald, 1768. Еще раньше Дегинь издал работу: Mémoire sur l'origine des Huns et des Turcs. Paris, 1748. О Дегине как ученом см. в энциклопедическом словаре «Biographie universelle ancienne et moderne», XVIII, 1857, стр. 126 и сл. За свои работы Дегинь получил от королевского правительства пенсию, которая была оставлена за ним и после Великой французской революции; см.: Biographie..., стр. 126, 127. О работе Дегиня см.: К. А. Иностранцев. Хунну и Гунны. ЛИЖВЯ ГТС, 1926, стр. 6 сл.

представителями первой являются: П. Паллас, Тунман, Ф. Бергман, И. Шмидт, И. Бэр, Н. Я. Бичурин, К. Нейман, Х. Хоуорс, отчасти Ам. Тьерри; представителями второй — Абель Ремюза, Ю. Клапрот, Ф. Мюллер, Жирар-де-Риалль, В. В. Радлов, Н. Аристов, Ф. Хирт, И. Блейер, В. Панов, Л. Нидерле, Е. Паркер, Ф. Шварц, отчасти А. Жардо, К. Риттер, Н. Толль. Сторонниками третьей теории являются: М. Кастрен, Коскинен, Вивьен де-Сен-Мартен, Уйфальви де-Мезо Ковешд, П. К. Услар. Сторонников славянской теории было немного: Д. Венелин, А. Вельтман, А. Погодин, Д. И. Иловайский. Некоторые буржуазные ученые (например Ю. Клапрот) считали центральноазиатских гуннов одного происхождения, а европейских — другого. Все эти теории с формальной стороны разобрал К. А. Инностранцев.¹

История кочевых народов Центральной и Средней Азии, равно как и Восточной Европы, начиная с эпохи так называемого «Великого переселения народов», разработана очень слабо. Упомянувшийся французский ученый Дегинь первый поставил во всей широте вопрос о кочевых народах, начиная с гуннской эпохи. Ему, исследователю китайских источников, принадлежит первое обоснованное мнение о перемещении кочевых народов, и раньше всего гуннов, из степей Центральной Азии. Дегиня повторяли и повторяют до наших дней. Теоретической базой для его последователей служила буржуазная теория миграций, основой которой является идеализм и формализм. Основным материалом для установления пути миграций являлось сходство племенных названий, запечатленных на Востоке китайскими летописями, на Западе — сочинениями греческих и латинских авторов. Сходство племенного названия китайского «сюнну» и античного «хуни» было достаточно для утверждения об идентичности этих двух народов, хотя история первых была закончена в начале III в. н. э., а первые достоверные упоминания о вторых появились в конце IV в. Промежуток между III—IV вв. был дан гуннам для перехода с Востока на Запад. Материала для подтверждения этой миграции не имелось, — это была догадка. Только в самом конце XIX в. появляются работы, в которых отдельными новыми фактами пытались подкрепить колебавшуюся иногда теорию Дегиня. Основным пороком теории миграций являлось то, что не учитывался среднеазиатский этап истории гуннов и игнорировалась роль племен, входивших в состав гуннского племенного союза по пути его движения. Конкретные материалы по этому вопросу добыты советскими исследователями, и они помогают точнее раскрыть смысл скупых

---

¹ См.: К. А. Инностранцев, ук. соч.

известий письменных источников. Тем не менее, в 20-х годах XX в. в связи с загниванием идеологии империалистического мира наблюдаются попытки создать особую науку — кочевниковедение, главным содержанием которой является исследование миграций кочевых народов. Усиленно работали в этом направлении Н. Савицкий, Н. Толль и другие.¹ «Духозным отцом» этих теорий явился ярый миграционист и реакционер М. Ростовцев.

При всем разнообразии доказательств, а также формально блестящей методике исследования и известной оригинальности доводов (например Ф. Хирт), буржуазная наука (не говоря уже о «кочевниковедах») исходит из мертвых, метафизических положений. Отсутствие всякого интереса к внутреннему строю кочевых обществ, ориентация на изучение только внешних явлений, игнорирование единства исторического процесса (да и непонимание его вообще) приводит к тому, что формально иногда хорошо исполненные работы по исследованию отдельных фактов ни в какой степени не могли пролить свет на действительную историю кочевого мира гуннского периода.

Советской исторической наукой (Г. Сосновский, К. Тревер, С. Толстов, Л. Мацулевич, М. Тиханова, М. Левченко, М. Артамонов, С. Киселев, А. Бернштам и др.) вопрос о гуннах ставится совершенно иначе. Гунны и гуннское общество прежде всего рассматриваются нами как политическое образование определенного этапа исторического процесса и выясняется их конкретная историческая роль в этногенезе народов нашей страны. Советские историки стремятся понять процесс общественного развития, который совершался в гуннское время. Это был период, когда масса разрозненных кочевых племен, в том числе многочисленные обитатели восточной части Советского Союза, оказались включенными в гуннский союз, что способствовало их объединению и более быстрому историческому развитию. Вместе с тем гуннский племенной союз в целом не имел еще прочной экономической базы и был весьма слаб в военно-административном отношении. Он даже не достиг той степени, на которой находились империи рабовладельческого или средневековых периодов Кира и Александра Великого или Цезаря и Карла Великого и о которых И. В. Сталин говорил, что они «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти

---

¹ См. А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII вв. (Восточно-тюркский каганат и кыргызы). Л., 1946, стр. 4 сл.

империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки».¹

В восточногуннском племенном союзе происходил процесс дальнейшего формирования тюркских языков. Я имею в виду процесс объединения многочисленных тюркских диалектов и наречий прежде всего Центральной Азии, Южной Сибири и на Востоке Средней Азии, т. е. на территориях, которые были охвачены воздействием гуннского племенного союза. Несомненно, что тюркоязычным был и правящий или, точнее, правящие гуннские роды типа Хуянь, Лань, Сюйбу и другие, из которых происходили гуннские князья (шаньюи). В связи с тюркоязычностью правящего рода была обеспечена «победа» тюркских языков среди этих племен, объединенных к тому же известной общностью экономики (преобладание кочевого скотоводства).

Тем самым в этот период происходило также активное распространение тюркских языков среди восточной части племен, входивших в состав гуннской «империи», которые, выражаясь словами И. В. Сталина, «имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки. История говорит, что языки у этих племен и народностей были не классовые, а общенародные, общие для племен и народностей и понятные для них.

«Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности».² В известной степени эта формулировка И. В. Сталина о положении языков в подобного типа империях применима к характеристике гуннов. Если в покоренных гуннами областях оставались свои языки (китайский, маньчжурские и т. д.), то среди этнически близких тюркоязычных племен, правящих родов и племен, происходил процесс сближения диалектов и наречий. Во всех племенах (о которых речь идет далее), составлявших этот союз, шел быстрый процесс образования классов и примитивных форм государственного строя. Этот этап общественного развития определен Ф. Энгельсом как высшая ступень варварства.

Первую попытку дать марксистскую характеристику исторического развития кочевых народов в советской историче-

---

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

ской литературе мы имеем в работах С. П. Толстова.¹ Основной мыслью в них является положение, что все кочевые народы в своем развитии прошли рабовладельческую формацию. Этот этап исторического развития кочевники на разных территориях проходили в разное время, и, например, туркмены еще накануне русского завоевания находились в стадии рабовладельческой военной демократии. Для Центральной Азии первыми носителями рабовладельческих отношений были гунны, для Средней Азии последними — туркмены. С. П. Толстов предполагает, что рабовладельческая формация, открываемая им в военной демократии, является основой для генезиса феодализма у кочевников. Исследования этого автора, посвященные истории кочевых обществ, имели большое методологическое значение. Они резко повернули внимание советских историков к изучению внутренних процессов истории кочевых народов, прежде всего к исследованию их социально-экономического строя. Его работы побудили советских исследователей к совершенно иному рассмотрению социальной природы и политической истории кочевников. Свидетельством сказанному является значительное количество трудов, вышедших особенно в последнее десятилетие.

Теоретические вопросы поднимались как в специальных исследованиях, посвященных истории древнетюркских народов (Толстов, Бернштам), алтайцев (Потапов), якутов (Окладников), казахов (коллектив авторов «Истории Казахской ССР»), узбеков (Тревер, Якубовский), таджиков (Гафуров), так и в специальных теоретических выступлениях. Укажу в этой связи на доклад И. П. Петрушевского «И. В. Сталин об истории народов Советского Востока в средние века», где докладчик, развивая положения товарища Сталина о кочевых и полукочевых народах Востока, отмечал их роль «как завоевателей и организаторов государств — конгломератов стран и народностей, в которых, как показывают источники, верхушки завоевателей — представители военной знати кочевых племен, — присвоив себе разными путями земли с прикрепленными к ним оседлыми крестьянами, превращались в феодальных эксплуататоров этих последних».²

Тезис С. П. Толстова о связанности понятий «рабовладельческая формация» и «военная демократия» в свое время вызвал дискуссию и привлек внимание исследователей к истории кочевых народов на времени военной демократии, которая

---

¹ С. П. Толстов. Военная демократия и проблема «генетической революции». ПИДО, № 7—8, 1935; ср. доклад: С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, № 103, 1934.

² Тезисы доклада, ЛГУ, 1949.

представляет собой зачатки рабовладельческих отношений. Однако следует учитывать, что в рассматриваемую пору кочевые общества (в том числе и гунны), как правило, представляют «варварскую» периферию крупных рабовладельческих центров. Большое значение сохраняют патриархальные отношения. В силу этого, кочевые общества дотюркского периода, т. е. до создания государства VI—VIII вв., играют по отношению к древним государствам (Китай, Средняя Азия, Иран, античное Причерноморье, Средиземноморская античность) *прогрессивную* роль, разрушая рабовладельческую формацию и способствуя быстрому вызреванию новых, более прогрессивных, феодальных отношений.

Напомним, что Ф. Энгельс рассматривал германское общество накануне завоевания Римской империи как общество типа военной демократии;¹ напомним противопоставление Ф. Энгельсом общества германцев обществу античного Рима;² напомним, наконец, аргументацию Ф. Энгельса в том, что общество древних германцев является обществом, стоявшим на ступени доклассовых отношений.³ В то же время известны попытки буржуазных историков представить древнегерманское общество как общество классовое. Модернизация, стремление найти категории буржуазного общества у древнейших германцев — обычное явление в буржуазной науке.

Так же, как и Ф. Энгельс, И. В. Сталин противопоставляет «варваров», в том числе и германцев, античному Риму. Разве не явствует это из замечания И. В. Сталина по поводу отношений Рима и варваров: «...не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с промом опрокинули Рим».⁴ И. В. Сталин расширяет по сравнению с Ф. Энгельсом понятие варварской периферии, относя к ней совокупность всех племен, а не только германцев. И. В. Сталин рассматривает «варваров» и античность как разные системы общественных отношений. Совершенно ясны эти указания Ф. Энгельса и И. В. Сталина.

Остановимся подробнее на указаниях Ф. Энгельса, посвященных истории этого периода, ибо последующее изложение истории гуннов есть, по существу, анализ социально-экономических явлений последнего этапа первобытно-общинного строя.

Известно, что по Ф. Энгельсу, давшему развернутое определение, возникновению классового общества предшествовал

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 109 сл.

² Там же, стр. 126 сл.

³ Там же, стр. 133.

⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 432.

длительный период развития и сложения класса непосредственных производителей и форм его эксплуатации. Сложение класса непосредственных производителей и их экспроприация (первой формой которой является рабство) вызывают развитие классовых противоречий, неизбежно приводящих к возникновению государства. Появление рабства есть закономерное начало этого процесса.

Возникновение патриархальных отношений, в связи с развитием рабства и скотоводства, приводит, по заключению Ф. Энгельса, к новой ступени общественных отношений, к «высшей ступени варварства».

Характеризуя германцев перед завоеванием Рима как варваров, Ф. Энгельс особо отмечает роль их родового строя как систему социальных отношений и учитывает расслоения германского общества уже в ту эпоху. Классовое расслоение приводит к возникновению государства. Государство у германцев возникает окончательно из синтеза доклассового, варварского и античного обществ. В этом синтезе происходит процесс возникновения государства, возникает и народность с общей территорией. Процесс трансформации старых первобытно-общинных отношений в классовые Ф. Энгельсом резюмирован следующими словами:

«Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа. Военачальник народа — *rex*, *basileus*, *thiudans* — становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его еще не существовало. Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность у народов, которым приобретение богатства представляется уже одною из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем упорный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех

же семейств мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс) и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным лишь раба, более униженным, чем грабеж».¹

Эти слова Ф. Энгельса показывают процесс нарастания противоречий, приводящий к возникновению государства, о чем он в другом месте говорит: «Родовой строй отжил свой век. Он был разрушен разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Он был заменен государством».²

Военно-демократические объединения варварских племен возникают как закономерный антипод рабовладельческих государств. Мы не знаем рабовладельческих государств без варварской периферии. И когда в Китае формируется рабовладельческое государство времени Чжоу и Ханьских династий,³ то в это время в степях Центральной Азии складывается племенной союз скифского типа, а затем гуннский союз, как варварская периферия рабовладельческого Китая. Территориально расширяющиеся гуннские объединения в Средней Азии организуют варварскую периферию среднеазиатской античности, хотя эта варварская периферия возникла еще задолго до появления гуннов и гунны ее лишь активизировали. Роль гуннов в конечном счете завершилась в Средней Азии созданием эфталитского государства. В пределах Европы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 139—140.

² Там же, стр. 144.

³ Л. В. Симоновская. Вопросы периодизации древней истории Китая. ВДИ, вып. 1, 1950.

гунны сыграли не последнюю роль в разгроме античного Причерноморья и, в известной степени, Римской империи в целом, причем завершили эти процессы, подобно эфталитам в Средней Азии, в Восточной Европе древние славяне и авары.

Хорошо резюмирует этот процесс С. П. Толстов, в следующих словах: «Общий кризис рабовладельческого мира, опрокинувший Римскую империю и разрушивший государство древнего Китая, не миновал и Средней Азии. В V в. кушанское царство падает под ударами варварских племен, выступающих здесь под тем же именем, что в IV в. в Китае и в IV—V вв. в Европе — под именем гуннов».¹ В согласии с этой точкой зрения мы писали о роли гуннов в истории античного мира.²

История гуннов, западных и восточных, не перестает интересовать и современных исследователей как специально, так и в связи с другими сюжетами.

Из последних советских исследований следует прежде всего отметить монументальный труд С. В. Киселева,³ во второй части которого под названием «Гунно-сарматское время» автором уделено немало места гуннской проблеме. Автор включает в этот раздел рассмотрение культуры Пазырыкских курганов, относимых другими исследователями к предшествующему «скифскому» периоду, и тыштыкские памятники Енисея.

Обращая главное внимание на развитие культуры, автор подчеркивает, что «впервые в Центральной Азии слагалось варварское государство племенной аристократии, опиравшейся на богатство и силу, созданные применением рабского труда и примитивной эксплуатацией соплеменников. Впервые создавалась политическая система, впоследствии надолго ставшая характерной для истории Центральной Азии. Войны и добыча ослабляли на время глубокие противоречия, развивавшиеся внутри великой «империи» хунну. Но это же предопределяло конечное ее падение. Вместе с тем неизбежная военная активность обуславливала быстрое расширение «империи шаньюев» до фантастических пределов. А это означало включение в одно целое самых разнообразных областей с различными общественными и культурными особенностями. Несмотря на условность централизации, отличавшей «импе-

---

¹ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, вып. 1, 1938, стр. 187.

² А. Н. Бернштам. Из истории гуннов I в. до н. э., СВ, I, 1940, стр. 76—77.

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1949. См. рецензии Арциховского и Федорова: Вопросы истории, VII, 1949. См. также: А. Монгайт, Вестн. Акад. Наук, X, 1949. А. Бернштам, ВЛУ, IV, 1950. Ср. второе издание, М., 1951.

рию» хунну, не могло не происходить слияния этих особенностей и образования на их основе новых форм культуры и общественных связей». ¹

Анализ не только материальной и культурной основы, но и социально-экономических противоречий в гуннском обществе составляет характерную черту советских исследований. ² Именно эти положения и вызывают злобный протест со стороны буржуазной, прежде всего националистической, профашистской турецкой историографии. Турецкая историография, «отуречивая» все кочевые общества Востока, стремится представить их как гармоничные образования, где идиллическое соглашение аристократии с рядовыми кочевниками служило базой величия «предков», основой «несокрушимой» силы завоевателей, якобы способных, в силу природных, расовых качеств, держать мир в повиновении.

В этом духе изготовляется продукция турецких «историков», в этом плане развивается их «критика» трудов советских исследователей, с новыми материалами которых даже они не могут не считаться. Характерны, например, такие слова из одной рецензии на мою работу о гуннах ³ Абдулькадира Инана: «Этот этюд Бернштама, если отбросить в сторону рассуждения, которые он выдвигает для выявления наличия «классовой борьбы» у гуннов (курсив наш, — А. Б.), весьма важен и является произведением, помогающим изучению истории гуннов». ⁴

Абдулькадир Инан не хочет понять, что только анализ социальных противоречий и дал мне возможность разъяснить причины раскола гуннов на две группы, северных и южных, что и помогает «изучению истории гуннов». Таким образом, наиболее «объективные» референты советской науки на страницах турецкой печати обрабатывают наши труды, безнадежно пытаясь искоренить все то, что составляет основу, «душу» советских исследований. Не случайно, именно они, довольно часто почти слово в слово переводя наши работы, как бы незаметно вставляют перед нашими этническими наименованиями древних культур эпитет *kök türk*, т. е. «голубые тюрки», не только «отуречивая» древние этнические массивы Средней

¹ С. В. Киселев, ук. соч., стр. 177.

² В общем труды советских исследователей достаточно широко известны за границей (см. например: Y. Werner, Ein hunnischer Lager der Nan-Zeit in Transbaikalien, Sinica, 1939, стр. 193—196, многочисленные рефераты Х. Фильда в «Antiquities», «American Journal of Archeology» и т. д.) и несмотря на это они довольно часто замалчиваются.

³ Из истории гуннов I в. до н. э. Хуханье и Чжичжи шаньюи. СВ, I, 1940.

⁴ Belleten Türk Tarih Kurumu, VII, вып. 28, Ankara, 1943, стр. 379.

и Центральной Азии, а «уточняя» их мнимую турецко-малозападную принадлежность.

Интерес к гуннскому вопросу и сейчас сохраняется (пожалуй даже возрос) в буржуазной литературе Европы и Америки. Нам уже доводилось отмечать монографию Мак-Говерна по этому вопросу. Известна и недавно вышедшая в Англии монография Е. Томпсона «История Аттилы и гуннов»,¹ где все чаще и чаще, не без влияния трудов советских исследователей, ставятся (но не решаются) вопросы экономики и социального строя, которые весьма далеки от рассмотрения всей сложной совокупности проблем, привлекающих внимание советских исследователей.

Советские исследователи не полемизируют о методе, они не расходятся в оценке общей исторической перспективы. Мы не упрощаем проблем «отбрасыванием» в сторону решающих, основных положений, как это «рекомендуют» Абдулькадир Инаны, а ставим их в основу своих исследований.

Характерно, что лейтмотивом современной англо-американской буржуазной научной прессы является активная борьба против связи восточных гуннов с западными и стремление видеть в западных гуннах, сложившихся на территории Восточной Европы, только разрушителей европейской «цивилизации». Такова точка зрения упомянутого Е. Томпсона в Англии, Отто Мэнчэн Хэлфэна в Америке.² Этот интерес и своеобразная трактовка исторической роли гуннов имеют в работах буржуазных авторов определенный политический смысл: — Азия всегда была врагом Европы.

Совершенно естественно, что говоря о прогрессивности движения гуннов, мы меньше всего предполагаем противопоставлять культуру гуннов кочевников культуре земледельцев. Гунны были и оставались «варварами», которые в процессе завоевания разрушали большое количество производительных сил оседлых, земледельческих районов, уводили в плен и обращали в рабство множество людей, не говоря уже об уничтожении населения в результате военных набегов.

Неправильным было бы приукрашивать эту историческую деятельность. Суть прогрессивности заключается в другом. Гуннское завоевание, которое часто отождествляется с аналогичными завоеваниями кочевниками оседлой полосы, например с монгольским завоеванием, объективно исторически было иным. Монголы действовали в совершенно другой исто-

¹ E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948. Несмотря на цитирование трудов Л. Моргана и Ф. Энгельса, автор все же скатывается на идеалистические позиции.

² E. Thompson, ук. соч. — Otto Menchen Helfen. Huns and Hsiung-nu. Byzantion, XVII (1944—1945), Baltimore, 1945, стр. 222—243.

рической обстановке. Они разрушали молодой, тогда прогрессивный феодальный строй, они возвращали общество в исходные, давно уже пережитые отношения, они топили население завоеванных стран в потоках крови — это было «иго кровавого болота».

Гуннское завоевание проходило в принципиально отличных исторических условиях, в условиях разложения рабовладельческих отношений, в условиях длительного и затяжного кризиса рабовладельческой системы производства. В этих условиях варварское завоевание было едва ли не главным толчком, определившим крушение рабовладельческого строя и генезис феодальных отношений. Уже в самом акте завоевания и установления дани рождались примитивные формы феодальной зависимости, более прогрессивные, чем эксплуатация раба. Это «обновление» Европы буржуазные ученые приписывали германским племенам. Мы считаем, что эта роль была выполнена прежде всего племенами, объединенными в гуннском племенном союзе. Среди них видную роль играли племена Средней Азии и Восточной Европы и прежде всего славянские. В значительной степени славянские племена и определили рост культуры завоевателей гуннов, выходцев из Средней Азии.

Культура гуннов на разных этапах их развития была различной. Культура оседлого населения была всегда выше и сильнее и культура славянских племен в значительной степени победила культуру гуннов Средней Азии. К сожалению, эта тема весьма мало разработана и, следовательно, общая картина западногуннского племенного союза еще остается неполной.

Гуннский племенной союз в Средней Азии играл еще и ту положительную роль, что он способствовал объединению кочевых племен Средней Азии и подготовлял сложение таких народностей, как киргизы, казахи, в известной мере и туркмены. В этом отношении он логически продолжает ту линию исторического развития, которая наметилась со времени образования скифских племенных союзов. К тому же и скифские и гуннские племенные союзы развивались, во-первых, в сходных исторических условиях рабовладельческой формации, во-вторых, в родственной этнической среде, в-третьих, в тесном взаимодействии с теми местными племенами, роль которых была исключительно велика, хотя и слабо отразилась в письменных источниках из-за внимания древних авторов к истории только господствующих племен. В этом плане значение археологического материала особенно велико и ему принадлежит будущее в окончательной разработке этого вопроса.

В настоящей работе главное внимание посвящено истории

гуннов и послегуннских образований (до тюрков) на Востоке и затронута история западных гуннов и аваров, в основном, в Восточной Европе. История аваров в Западной Европе освещена в минимальной степени. Эфталитской проблеме, заслуживающей специального внимания, уделено внимание постольку, поскольку она связывает историю восточных и западных гуннов.

На доступном материале мы попытаемся проследить, как отдельные части распадающегося восточногуннского племенного союза откочевывали из Центральной Азии на запад, как они скрещивались с местными племенами и постепенно достигли южнорусских степей и Западной Европы.¹

Вне учета роли местных племен, вливавшихся в состав гуннского племенного союза, история последнего не может быть восстановлена.

Предлагая вниманию читателей настоящую книгу, автор видит основную задачу ее в том, чтобы привлечь внимание исследователей к обсуждению прежде всего общеисторических проблем, связанных с временем «великого переселения народов». Если творческая дискуссия на основе изучения фактического материала, в свете идей марксизма-ленинизма, даст возможность выработать общее отношение советской исторической науки к этой большой и важной проблеме, то задачу, которую поставил перед собой автор, выпуская настоящую книгу, он будет считать выполненной.

---

¹ Этот вопрос затронут в упоминавшейся уже работе: А. Н. Бернштам. Из истории гуннов I в. до н. э.

Часть первая

ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ ГУННОВ

Глава I

ГУННЫ, ИХ ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОИ

Сложение гуннского общества на Востоке относится к концу III в. до н. э. Однако некоторые исследователи предполагали, что гуннское общество существовало еще в XXIII в. до н. э. Ф. Хирт, специально изучавший китайские источники, относил возникновение гуннов к периоду между XXIII и XIX в. до н. э.¹ Хиртом были смешаны вопросы происхождения имени «жун» — «гунн» и племен, позднее влившихся в состав гуннского союза, с историей последнего.

По данным китайских летописей и археологических раскопок, возникновение кочевых племен, вошедших в состав гуннского общества, рисуется следующим образом. Уже в первом тысячелетии до н. э. на территории Центральной и отчасти Северной Азии, в частности в Минусинской котловине и на Алтае, возникают первые кочевые скотоводческие общества. Процесс образования предпосылок первого крупного общественного разделения труда, заключающегося в выделении пастушеских племен из остальной массы «варваров», прослеживается по археологическому материалу на обширной территории.

Для Минусинской котловины процесс смены одной формы хозяйства другой может быть установлен достаточно четко благодаря долголетним и многочисленным раскопкам. Здесь сложение обществ, одновременных гуннам Центральной Азии, происходило в несколько особых условиях. Возникшее и развивавшееся скотоводство было в сильной степени связано с

---

¹ См. его: *The Ancient History of China*, New-York, 1908, стр. 13; такого же мнения и Де Гроот (J. J. M. De Groot). Ср.: O. Franke. *Beiträge aus Chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Zentralasiens*. Berlin, 1904, стр. 4 сл. Вопрос о связях гуннов со скифами, а последних через гуннов с тюрками затрагивал еще X. Вамбери: H. Vambery. *Das Türkenvolk*. Leipzig, 1885.

земледелием, в то время как в монгольских степях гуннское общество в качестве подсобного промысла знало не столько земледелие, сколько охоту.

Для юстальных районов Северной, Средней и Центральной Азии мы не всегда располагаем вещественными археологическими данными, которые представляли бы единую цепь развития общества. Сложение скотоводческих племен на Алтае документируется материалами из раскопок курганов Пазырык, Шибе, Катанда. Для Казахстана, равно как и для Монголии, имеется лишь незначительный и в ряде случаев разрозненный материал.¹

Прежде чем перейти к характеристике собственно гуннов, следует рассмотреть, как протекал процесс образования кочевых племен гуннов и их культуры в Северном Китае.

Уже с глубокой древности намечаются здесь две линии общественного развития. С одной стороны, в провинциях Хэнань и Ганьсу открыта неолитическая культура земледельцев, представленная культурой трипольского типа так называемой Яньшао;² с другой — в степных районах, к северу от Хуанхэ, ей современна микролитовидная культура,³ своими корнями уходящая в степную культуру Монголии, Забайкалья и степей Средней Азии.⁴ В соответствии с этими двумя комплексами в эпоху бронзы также намечаются две линии развития культуры Китая. Так, в Хэнане в Ганьсу развивается культура типа Шан и Инь (1766—1122),⁵ а в степях и за пределами Великой китайской стены складывается культура бронзы, находящая себе аналогии на обширном материале южной Сибири.⁶ Как бы связывают эти два комплекса культурных явлений ранние

---

¹ Все эти материалы подытожены Г. П. Сосновским и нами в: ИС, ч. 3—4.

² См. отчеты Ж. Андерсона (Andersson), указатель которых помещен в ВМЕА, I, стр. 105 сл.—Т. Агне. Painted Stone Age Pottery from the Province of Honan. PS, I, вып. 2, Peking, 1925.—Н. G. Creel. Studies in Early Chinese Culture. Baltimore, 1927.

³ Namio Egami and Seiichi Mizuno. Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. Tokyo and Kyoto, 1935.

⁴ См.: Сб. «Северная Монголия», II, Л., 1927, стр. 47—48. Наглядную характеристику этапов культуры Монголии см.: С. В. Киселев, Монголия в древности. Изв. ОИФ, IV, вып. 4, 1947.

⁵ См. издание вещей: P. Pelliot. Bronzes Antiques de la Chine appartenant à C. T. Loo. Paris et Bruxelles, 1924. Геометрическая тематика орнамента абсолютно господствует в культуре Шан и Инь. В этом отношении характерны Аньянские памятники. См., например, статьи К. Карлбек. Anyang Moulds, ВМЕА, VII.—Он же. Anyang Marble Sculptures (там же). Обзор работ в Аньяне см.: ОЗ, вып. 1—2, 1932.

⁶ N. Egami a. S. Mizuno, ук. соч., ср.: G. V. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926.

формы звериного стиля, прослеженные еще на пиктограммах Иньской бронзы.¹

С эпохи Чжоу (с 1122 г. до н. э.) выявляются резкие различия в развитии указанных смежных комплексов. В то время как в Хэнани и Ганьсу один комплекс представлен такими выразительными находками, как ранняя чжоуская бронза так называемого архаического стиля (1122—650 гг. до н. э.), связываемая по орнаменту с культурой Яньшао,² в центрально-азиатских степях складывается культура с типично карасукскими формами бронзы, в основном происходящая из Ордоса.³ В степях эта культура слагается, видимо, не без воздействия южной Сибири, с ее классическими формами звериного стиля.⁴

В VII в. до н. э. наряду с параллельным развитием двух комплексов культуры, происходящих из оседлоземледельческих и кочевых обществ, появляются характерные скрещенения. Так, из Северного Китая происходит значительная группа вещей, имеющая явный скифский облик. Укажем на характерные формы кинжалов с перекрестием в виде опущенных усиков, поясные пряжки с крючком, ножи и кинжалы, украшенные скульптурными изображениями зверей. При этом весь данный комплекс тесно увязывается с предшествующими карасукскими формами.⁵ Под влиянием карасукской, а затем скифской культуры наблюдается ряд изменений в классиче-

---

¹ Sowerby. *Animals in Chinese Art*, JNCBRAS, LXVIII, 1937. Иньскую бронзу см.: В. Карлгрен. *Jin and Chou in Chinese Bronzes*. ВМЕА, VIII, Ср.: В. Карлгрен, там же, XIII и XVI. Ср.: Новую работу о китайском искусстве Б. Денике и О. Глухаревой (Музей восточных культур, М., 1949).

² Chou Chao Hsiang. *Pottery of the Chou dynasty*. ВМЕА, I, Классификацию стилей чжоуской бронзы см.: В. Карлгрен. *New Studies on Chinese Bronzes*. ВМЕА, IX. Более ранние культуры карасукского облика, связанные еще с неолитоидными формами, см. в памятниках Бицзуву (*Prehistoric Sites by the River Pi-liu-ho, South Manchuria, Tokyo, 1929*). Раскопки проводились под руководством И. Харада и К. Хамада (*J. Harada u. K. Hamada*). Более ранние памятники были раскопаны в местности Даньдучзу, синхронные с культурой типа Яньшао, и поселение у Гаолихай с культурой позднекарасукского облика и времени перехода к железу.

³ J. Andersson. *Hunting Magic in the Animal Style*, ВМЕА, IV.

⁴ См.: P. Reinecke. *Ueber einige Beziehungen der Alterthümer China's zu denen des skythisch-sibirischen Völkerkreises*, ZE, 1897. Автор сопоставил изображения вещей чжоуского времени из издания Цзиньшису с вещами, происходящими из южной Сибири. Южносибирский материал этого времени см.: С. Теплоухов. *Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края*. МЭ, IV, вып. 2, Л., 1929. — С. Киселев. *Тагарская культура*. ТСА РАНИОН, IV.

⁵ См.: J. Andersson, *ук. соч.* Ср.: Г. Сосновский. *Ранние кочевники Забайкалья*. КСИИМК, № 8. См. также: J. Andersson. *Der Weg über die Steppen*. ВМЕА, I. — Он же. *Selected Ordos Bronzes*. ВМЕА, V.

ской китайской бронзе чжоуского времени. Отмечается появление звериных элементов в геометрической орнаментике архаической и средней бронзы (1122—950 и 950—650 гг. до н. э.); что позволяет выделить соответствующий стиль Хуай (650—200 гг. до н. э.¹), из которого вырастает своеобразное искусство Ханьского Китая. Важным фактом является также и то положение, что культура скифского типа проникает в глубь Китая. Так, помимо Ордоса можно отметить пункты в провинции Хубэй (культура Сюаньхуа) и около Пекина (культура Люанбин).² Это взаимоотношение культур достигает своего наивысшего выражения в памятниках южной Маньчжурии V—III вв. до н. э., они отражают процесс скрещения кочевой и оседлой культуры. Отметим поселение Муянчэн,³ имеющее облик оседлой земледельческой культуры. С культурой этого поселения перекликаются несколько более поздние погребения, в Наньшаньли,⁴ сложенные из кирпича, в которых были найдены глиняные модели домов с черепичными крышами. Этим комплексам соответствуют грунтовые могилы у поселения Муянчэн,⁵ содержащие характерную керамику в виде мисок, сферических круглодонных сосудов, сосудов рюмковидной формы с конусовидным, иногда прорезным поддоном. Особо отметим черешковые костяные и бронзовые стрелы. Муянчэнские поселения и могилы, равно как погребения в Наньшаньли, характеризуют два варианта хозяйства — оседлого и кочевого, сосуществующих в это время. Это последнее проявление синкретизма двух хозяйственных укладов. С конца III в. намечаются уже резкие различия в культуре степей и земледельческого Китая.

Прослеженные изменения в культуре Китая и кочевников позволяют несколько иначе рассмотреть известия письменных китайских источников, которые обычно воспринимаются как лишенные исторической правды.⁶

¹ В. Karlgren, ВМЕА, IX. Ср. статью: Birgit Vessberg. Un bronze du style Houai, découvert a Rome, ВМЕА, IX.

² Т. Arne. Die Funde von Luan P'ing und Hsuan Hua. ВМЕА, I.

³ Joshito Nagada and Kazuchika Komai. Mu-Jang-Ch'êng, Han and pre-Han Sites at the Foot of Mount Lao-T'ieh in South Manchuria, АО, II. Tokyo, 1931. Памятники ханьского времени типично оседлого населения см. в работе: Osamu Morigi и Hiroshi Naito, Jang-Ch'êng-tzu, Report upon the Excavations of the Han Brick-tomb with Fresco Paintings, etc. near Chin Mu-ch'êng-j. South Manchuria. Tokyo, 1939.

⁴ Kosaku Hamada and Sadahiko Shimada. Nan-Shan-li, Report upon the Excavation of the Brick Tomb of the Han Dynasty at the Foot of Mt. Lao-t'ieh, near Port Arthur South Manchuria. Tokyo, 1933.

⁵ Joshito Nagada и Kazuchika Komai, ук. соч.

⁶ Приводимые здесь и далее исторические факты опубликованы в переводе с китайского многими авторами, в том числе И. Бичуриным, Де Гроотом и другими.

Северокитайские племена времени легендарных императоров Тан и Юй (2357—2255 гг. до н. э.), а именно шаньчжун, сяньюн и хуньюй, связываются по своему происхождению с Китаем. Последний государь эпохи Ся умер в 1764 г. до н. э. И вот указывается, что его сын Шуньвэй ушел в степи и стал кочевником. Уходы в степи «бывших» земледельцев, например, «попечителя земледелия» Гунлю, неоднократно. Эти легенды как бы являются отзвуком реально происходившего процесса отделения первых скотоводов от земледельцев, что соответствует для третьего-второго тысячелетия до н. э. смене культуры Яньшао и позднего неолита — ранней бронзой степей.¹ Китайские источники отмечают, что еще в 1140 г. до н. э. северные племена — кочевники жун и ди представляют дань по названию «хуанфу» и имеют тесные связи с земледельцами. Эта связь документируется иньскими изображениями зверей в пиктограммах,² являющимися своеобразным проявлением «скифского» звериного стиля на китайской почве.

Однако с первого тысячелетия до н. э. после удачных войн государства Чжоу с кочевниками гуаньжунами, у которых тотемами были волки и олени (ср. скульптурные изображения этих животных на ножах карасукского и скифского типа), связь между кочевниками и земледельцами обрывается.

Кочевые племена, обособленные от Китая в течение трех-четырех веков, развивают свою кочевую культуру и мало на него влияют. Этой эпохе — на археологическом языке «карасукской» — соответствует местный китайский стиль, так называемой архаической и средней бронзы конца II до середины I тысячелетия до н. э.

Главнейшие кочевые племена, окружавшие Китай, следующие: в районе Ганьсу — племена гуньчжу, гуаньжун, дивань; в Ордосе икюй и лэуфань, и, наконец, в Маньчжурии дуньху и шаньжун. О всех этих племенных группах китайцы сообщают: «Каждое (из поколений) было рассеяно по краям горных долин. Они имели предводителей и старейшин, часто

---

¹ Мы рассматриваем культуру Яньшао и неолитоидную культуру Внутренней Монголии, Восточного Туркестана (см. например, публикации: A. Stein, *Innermost Asia*, I, Oxford, 1928, стр. 85, где описаны эти материалы, по неверному определению Стейна названные памятниками «палсолитической оккупации» пустыни Такламакан) и Южной Маньчжурии (см. упоминаемое на стр. 23 сн. 2 указание на раскопки в Даньдуцзу), как две параллельные и, быть может, независимые области культурного развития.

² Элементы звериного стиля, по существу, вообще не исчезают из китайской бронзы, лишь принимая временами исключительно геометризованные формы.

собирались до 100 с лишним (семейств) жунов, но все не могли соединиться».¹

С VI—V вв. начинается наступательное движение кочевников на Китай. Среди икюйских жунов было уже 25 «городов», т. е. укрепленных поселений (чэн). Китайская правительница Сюаньтайхэу находится в браке с одним из предводителей жунов. Эти факты связи жунов с Китаем, продолжающейся до III в. до н. э., и объясняют появление памятников типа Муянчэн и Наньшаньли, и сложение в чжоуской бронзе стиля Хуай.

В 307 г. до н. э. китайский полководец Улян разбивает племена линьху и лэуфань и начинает от Иньшаня строительство «Великой китайской стены». Заканчивается первый этап разделения кочевников и земледельцев, тянувшийся тысячелетие. С одной стороны, начинается объединение Китая при династии Цинь (221—206 гг. до н. э.), с другой — достаточно созревшие классовые отношения у кочевников ведут к созданию их объединения, вначале в рамках военно-демократического строя. Племена жун играют здесь господствующую роль. С этнонимом последних явно связано и название племенного союза Центральной Азии — «гунны». Ускорило процесс консолидации сил кочевников жунов строительство «Великой китайской стены», о чем мы уже писали в другом месте.²

Прежде чем перейти к изложению основных данных китайских летописей и археологического материала о гуннах, следует отметить отдельные находки «гунно-китайского» происхождения, из области Ордос. Здесь для гуннской эпохи характерны предметы искусства, в сильной степени связанные с типами предшествующей эпохи бронзы и так называемой культурой скифского типа.³ Таковыми памятниками, в частности, являются прорезные бляхи, на которых нередко можно встре-

---

¹ ШЦ, гл. 110; ЦХШ, гл. 94, л. 4а. Ср.: А. Н. Бернштам. Из истории гуннов I в. до н. э. СВ, I, стр. 53.

² СВ, I.

³ Т. Арне. Die Funde von Luan P'ing und Hsuan-Hua. ВМЕА, т. V. Сводку литературы см.: R. Grousset. Histoire de l'Extrême Orient. Paris, 1929, стр. 175 сл. — М. Гапет. La civilisation chinoise, Paris, 1929. Авторы труда «Внутренняя Монголия» (АО, сер. В., I) отмечали (стр. 12), что если в южной России скифы знали железо, в восточной России — железо и бронзу, в Сибири — главным образом бронзу, то суйюаньская культура скифов и ранних гуннов исключительно связана с бронзой. В последнее время Б. Карлгрен выдвинул теорию, по которой гунны, связанные якобы с эпохой Инь, ведут истоки своей культуры с Аньяна, и звериный стиль через посредство кочевников проникает на Запад; см.: В. Carlgren. Some Weapons and Tools of the Jin Dynasty. ВМЕА, XVII, 1945.

тить изображение людей. Так, например, на одной пряжке изображена сцена проводов: у двухколесной повозки стоит мужчина, рядом с ним женщина, быть может жена, которая прощается с его собакой. В скупой на детали сцене выступают характерные черты быта северокитайских кочевников, т. е. южных гуннов; наглядно об этом говорит прежде всего одежда. В ханьский период в искусстве Северного Китая ярко сказывается появление в орнаменте и объемных изображениях новых сюжетов. Домашние животные — конь, бык — все чаще и чаще выступают в орнаментике и украшениях.¹ Скульптурные изображения лошадей, очевидно имеющие здесь ритуальный характер, появляются и в надмогильных памятниках. Скульптура заменяет живую лошадь, которую в более ранних погребениях убивали и клали в могилу (например, в кургане Пазырык).² Звериный стиль гуннов реалистичен. Фантастики почти нет; фантастика и абстрактность в искусстве развиваются в более поздний период и вызваны сложением нового типа социальных отношений. Искусство северокитайских кочевников оказало сильнейшее влияние на Китай, в котором, в противовес, например, сухому геометрическому орнаменту чжоуской эпохи — в ханьское время возникает, не без влияния кочевников, реалистический стиль, появляются такие сюжеты, как реалистическое изображение животных, рыб, всадников и т. д.

В гуннских могильниках мы встречаем много китайских вещей: зеркала, монеты, ткани, лакированные чашечки и др. Особенно многочисленны китайские вещи в наиболее богатых

¹ Alfred Salmony. Sino-Siberian Art. Paris, 1933, табл. X, XI, XX и стр. 46, 55.

² Carl Hentze. Les influences étrangères dans le monument de Нооо-К'iu-Ping. AA, 1925, 1, стр. 31 и сл., см. рис. на стр. 33 и 35. Впрочем, скульптуру лошадей и барельефы на могилах в Китае мы встречаем и в более позднюю эпоху — Танскую, например на могиле императора Тайцзуна (умер в 649 г. н. э.) в провинции Шанси, см.: Ed. Chavannes. Mission Archéologique dans la Chine Septentrionale. Publication de l'école française d'Extrême Orient, Paris, 1909, табл. CCXXXIII, № 440 и табл. CCXCIV. Любопытна к этом отношении работа Ф. Хирта. F. Hirth. Ueber Fremde Einflüsse in der Chinesischen Kunst. München — Leipzig, 1896. Автор полагает, что искусство Шан-Ии и Чжоу не было реалистичным и изменения наступают только под влиянием гуннов (стр. 11). Однако он рассматривает все развитие искусства с древнейших времен по 115 г. до н. э. как период «спонтанного» развития китайского искусства; время с 115 г. до н. э. по 67 г. н. э. — как период греко-бактрийских влияний и, наконец, период с 67 г. н. э. как начало буддийского влияния (стр. 1). Помимо бронзы весьма любопытны изделия из нефрита, в которых также можно проследить характерные для эпохи Хань (по сравнению с Чжоу) изменения стиля. См., например: P. Pelliot. Jades Archaiques de Chine appartenant à C. T. Loo. Paris — Bruxelles, 1925.

могилах (например, VI ноинулинский курган). По некоторым найденным предметам или даже отдельным остаткам крупных предметов вооружения, а также таким вещам, как, например, колесницы, можно восстановить вещи китайского происхождения. Для этого достаточно сравнить вещи из Китая эпохи Хань с вещами, добытыми из ноинулинских курганов.¹ Изображение «варваров» (вероятно гуннов) имеется на ханьских резных изображениях в Шаньдуне и других провинциях.² Культурное влияние Китая на кочевников (и обратно) было весьма сильным.³ О культурных связях кочевников не только с Китаем, но и с Кореей можно судить по археологическому материалу.⁴ Концентрация вещей китайского происхождения в наиболее богатых курганах заставляет предполагать общественное значение гуннских шаньюев, которые удерживали в своих руках основную массу не только подарков, но и дани.

Археологический материал, который мы будем излагать, следует сопоставить с данными китайских летописей, дающими красочную картину быта кочевого общества, форм его социальных и хозяйственных отношений.

Характеристика гуннов, даваемая китайскими источниками в «Исторических записках» (Шицзи) Сымацяня и в «Истории

---

¹ См., например, помимо тех вещей, которые будут описаны далее, сосуд в виде лошади (С. Trever, Excavations in Northern Mongolia, Leningrad, 1932, табл. 30) и черную статуэтку лошади в музее Чернуши: Н. D. Ardenne de Tizac, Chinesische Tierplastik und Tierbilder Berlin, табл. VIII и IX (наосники на двухколесной арбе).

² Ed. Chavannes, Mission..., I—VII, XXII, XXIV, XXVIII, XXXIX и др. см. у него же изображение приношения дани от подданных Восточного Туркестана на памятнике Улян (120 г. н. э.) и Сютяньшань (167 г. н. э.), где, по предположению Э. Шаванна, изображены варвары Севера (гунны?). — Ed. Chavannes, La sculpture sur pierre en Chine au temps des deux dynasties Han. Paris, 1893, табл. V, XXXVIII, стр. 76. Исследованию этих барельефов посвящена работа: Berthold Laufer, Chinese Grave-Sculptures of the Han Period. Paris, 1911, стр. 26, табл. VII и др.

³ См. также нашу статью: Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, вып. 5, 1940. Из последних находок любопытно раскопанное М. Грязновым на Алтае погребение с китайскими вещами. См.: Сообщ. Гос. Эрмитажа, I, 1940, стр. 17 сл.

⁴ См., например, многочисленные работы в Корее японских археологов Козуми, Номори, Умехара, Канда, Каямото, Аримидзу, Саито и др. Наиболее интересные для нас результаты работ опубликованы на японском языке: Отчет об археологических исследованиях 1924—1931 гг. Киото, 1931—1932. — Отчет о раскопках могил Кинрей дзука и Сиокури дзука в г. Гендю. Прекрасное воспроизведение вещей см.: A Royal Tomb «Kinkan Tsuka» or the Gold Grown Tomb at Keishu and its Treasures. Special Report of the Service of Antiquities, III, Gouvernement General of Chosen, 1927, ч. 2 (ч. 1 нам не удалось достать). Интерпретацию этих находок см. в статье: С. Hentze, Schamanenkronen zur Hanzeit in Korea. OZ, 1933, вып. 5. Ср.: AA, III, вып. 2/3, 1930—1932.

династии Хань» (Ханьшу), носит отпечаток трафаретности, присущий китайским известиям о кочевниках.¹ Однако приведенное «Историческими записками» описание гуннского общества находит подтверждение в археологическом материале. Характеристика гуннов по Шицзи следующая:

Рис. 1. Китайское изображение гунна (Июйгочжи, XIV в.).

«Обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по при-

¹ См.: В. В. Бартольд. Китайские известия о гуннах (рецензия на Гроота). *Анналы*, III, П., 1922. Автором Ханьшу был Баньгу (умер в 27 г. н. э.). Сымацянь умер в 87 г. до н. э. Свое сочинение он довел до 99 г. до н. э. Частичный перевод Сымацяня см.: Ed. Chavannes, *Mémoires historiques*, V, Paris, 1900—1905 (гуннам посвящена гл. 110 его сочинения); см. В. В. Бартольд, *ук. соч.*, стр. 261—267. См. мелкие поправки перевода Гроота: E. Von Zsch. *Einige Verbesserungen zu De Groot, die Hunnen der Vorchristlichen Zeit*, AM, I, вып. 1, январь 1924, стр. 125—133. По поводу транскрипции Гроота Цах заявляет, что «транскрипция не имеет значения, точнее прямо фальшива» (стр. 133). Сведения об источниках Шицзи и Цяньханьшу см.: A. Wylie. *Notes on the Chinese Literature*. London, 1867. А. Вайли дал переводы китайских текстов о гуннах. См.: A. Wylie. *History of the Heung Noo in their Relations with China*. JAI, V.

волю в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия, но у каждого есть отдельный участок земли. Письма нет, а законы словесно объясняются. Мальчик, как скоро может сидеть верхом на баране, — стреляет из лука

Рис. 2. Китайское изображение гунна из китайской энциклопедии Тушицзичэн (XVII в.).

пташек и зверьков; а несколько подросши, стреляет лисиц и зайцев и употребляет их в пищу. Могущие владеть луком все поступают в латную конницу. Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевой охотой и тем пропитаются (в этом находят свое пропитание, — А. Б.), а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги. Таковы суть врожденные их свойства. Длинное (поражающее дальнюю цель, — А. Б.) оружие есть лук со стрелами, короткое (для рукопашной битвы, — А. Б.) оружие — меч и копье. При удаче идут вперед; при неудаче отступают, и бегство не поставляют в стыд себе. Где видят жорысть, там ни благоприличия ни справедливости не знают. Начиная с владельцев, все питаются мясом домашнего скота, одеваются кожами его, прикрываются шерстяным и ме-

ховым одеянием. Сильные едят жирное и лучшее; устаревшие питаются остатками после них. Молодых и крепких уважают, устаревших и слабых мало почитают. По смерти отца женятся на мачехе; по смерти братьев женятся на невестках. Обыкновенно называют друг друга именами; прозваний и проименований (прозвищ? — А. Б.) не имеют».¹

С родоначальником гуннов времени Ся связывается и описание образа их жизни. Однако существование династии Ся относится к XXIII—XIX вв. до н. э., и возникает вопрос, могут ли претендовать на достоверность для более поздних эпох (III—II вв. до н. э.) рассказы летописи, относящиеся к столь далекому времени? Поэтому общие описания необходимо проверять при помощи археологического материала. Скорее всего вышеприведенное упоминание «гуннов» надо связывать с племенами жун, к которым фактически оно и относится.²

Характеристика гуннов, данная китайскими летописями, в значительной степени совпадает с результатами археологических исследований. Трудно распределить археологический материал по векам, но общую оценку социально-экономических отношений племен гуннского союза по этому материалу дать можно. Для выполнения этой задачи следует привлечь в первую очередь материал из датированного и бесспорно гуннского могильника Ноин-ула, раскопанного в 1924—1925 гг. П. К. Козловым.³

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 2—3. Это традиционное описание кочевников, приводимое китайскими летописями по отношению к легендарным гуннам, предкам кочевых племен жун и ди, повторяется и для более позднего времени.

² См.: De Groot, стр. 2—3. Klaproth. Tableaux historiques de l'Asie. Paris, 1825; описание гуннов (перевод и пересказ источников) имеется, помимо вышеотмеченных работ И. Бичурина, у Майя, Де Гроота, Кордье и др., см. также E. Parker. The Turko-Skythian Tribes. ChR, XX—XXI, 1902; о связях Китая и кочевников; ср.: René Grousset. Histoire de l'Extrême Orient. Paris, 1929. Одна из последних сводок: D. W. Eberhard. Çin'in Şimal Komşuları bir Kaynak Kitabı, Ankara, 1942 (на турецком языке); см. нашу рецензию: ВИ, № 7, 1946, где отмечены другие работы этого автора и дана их критика.

³ Описание см.: К. В. Тревер. Находки из раскопок в Монголии в 1924—1925 гг., СГАИМК, 1931, № 9—10, стр. 40 и сл. Подробного описания вещей по курганам нет (в частности, отсутствует описание керамики). Издание, в основном, предметов искусства см. в уже упоминавшейся работе К. Тревер на английском языке. Excavations in Northern Mongolia; там же библиография вопроса. Отмечу неприведенные К. В. Тревер два издания с публикацией материала Ноин-улы: И. Ходукин. Первые раскопки в горах Ноин-ула. Иркутск, 1926 (в статье И. Ходукина опубликован хранящийся в Иркутском музее материал, добытый Баллодом в 1912 г. Среди вещей обращает на себя внимание украшение платья с изображением спокойно стоящих драконов, опирающихся лапами на грифона, и нефритовые пластинки от панцыря). Второе издание статьи И. Ходукина; Alfred Salmony. Der erste Fund von Noin-Ulla.

Среди многочисленных открытий нашего знаменитого путешественника П. К. Козлова находки в урочище Ноин-ула 1924—1925 гг. занимают одно из выдающихся мест. Справедливо поэтому в юбилейной литературе к Географическому съезду 1946 г. они были неоднократно помянуты.¹ С первых дней своего открытия они привлекли к себе внимание разнообразного коллектива исследователей. Естественно, что первое место по публикации и изучению этих памятников принадлежит советской науке. Успехи историко-археологического изучения памятников были отмечены нами в статье «Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение». В указанной статье мы привели основную литературу, накопившуюся вокруг этих памятников, и пытались на основании сопоставления находок и китайских свидетельств установить точную дату погребения в шестом (наиболее богатом находками) кургане. Наши выводы (см. далее) заключались в том, что в кургане похоронен гуннский шаньюй (князь) Учжунлю (княжил 21 год, с 8 г. до н. э. по 13 г. н. э.), получивший все находившиеся в кургане драгоценности в 1 г. до н. э., во время пребывания в гостях у китайского императора Айди во дворце Шанлинь. Таким образом, найденные П. К. Козловым вещи пролежали в земле 1911 лет, а со времени их изготовления до раскопок П. К. Козлова прошло около 1930 лет.²

Блестящие находки в Ноин-уле широко привлекли внимание зарубежных ученых. Репродукции вещей проникли в спе-

---

Artibus Asiae 1930—1934, № 2/3, стр. 86—92. Отдельные предметы издавались и интерпретировались довольно часто (например: M. Rostovtzeff. The Animal Style South Russia and China. РМАН, т. XIV, 1929, табл. XXXV. Фашистские концепции на материалах Пазырыка и Ноин-Улы развивал И. Стржиговский: J. Strzygowski. Der Amerasiatische Kunststrom, OZ, вып. 5, 1935). Подробное описание внешнего вида ноин-улинских курганов дано К. В. Тревер, поэтому мы здесь его опускаем. Следует отметить, что исследование керамики показывает ее крайнюю примитивность. На ряде фрагментов обнаружены клейма, два из которых, по видимому, с китайскими иероглифами. Возможно, что керамика, равно как и часть тканей, китайских по внешности, изготовлялись в гунском обществе руками китайцев-рабов, уводимых в большом количестве гуннами или перебежавших к ним. См.: А. Н. Бернштам. Рецензия на работу К. В. Тревер «Excavations in Northern Mongolia». ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 226—234. Один из последних откликов см. Myer Prude-nes, A. Reinterpretation of the Noin-Ula embroidered Shoe-Sale, AA, X—XI, 1947, стр. 108—120.

¹ Л. С. Берг. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. М.—Л., 1946, стр. 223—224; ср.: О. А. Баян. Первые исследователи Центральной Азии. М., 1946, стр. 68—69; ср. также предисловие к книге: П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хота. Географ. издат., 1948, стр. 16 сл.

² Ср.: А. Бернштам. Гуннский могильник Ноин-ула..., стр. 963.

циальные исследования буржуазных ученых (Йеттс, Ростовцев, Альфольди и др.) благодаря изданному предварительному отчету 1925 г. В связи с этими находками, как указано выше, А. Сальмони публикует перевод статьи русского исследователя И. Ходукина (Первые раскопки в горах Ноин-ула) ¹ 1912 г. в журнале «Artibus Asiae».²

Вскоре зарубежным ученым удалось ознакомиться с вещами по публикациям и с подлинниками благодаря, во-первых, вышеупомянутому полному изданию коллекций К. В. Тревер и, во-вторых, международным выставкам. Так, широко были представлены находки из Ноин-улы на выставке китайского искусства в Берлине, организованной обществом изучения востоко-азиатского искусства и Прусской академией наук в январе — апреле 1929 г.

Вещи из Ноин-улы воспроизведены в путеводителе (исполненном на очень низком полиграфическом уровне) в мелких фото, тона сепия, под №№ 1216—1272.³

Вторично образцы коллекции из Ноин-улы были на выставке в Лондоне в 1937 г., причем уже с ними могло ознакомиться большинство иностранных востоковедов во время экспозиции находок на выставке в Государственном Эрмитаже к III Международному конгрессу по иранскому искусству и археологии 1935 г. в Ленинграде. На упомянутом конгрессе К. Тревер поставила вопрос о греко-бактрийском происхождении одной группы тканей из шестого кургана ⁴ — тема, продолженная ею в монографии «Памятники греко-бактрийского искусства» (Л., 1940). Помимо М. Ростовцева ноинулинской теме посвятил ряд высказываний Иосиф Стржиговский (Вена),⁵ в обоих случаях с позиций воинствующей миграционистской точки зрения. Интересуется ноинулинскими вещами финская востоковедная наука,⁶ развивающая законополагающую для них теорию миграций. Отмечают ноинулинские находки и в Америке, но крайне поверхностно, на что нам уже приходилось указывать.⁷

Широко входят выдающиеся памятники Ноин-улы в сводные монографии по истории искусства и культуры Китая, на-

¹ Иркутск, 1926.

² За 1930—1934 гг., под названием «Der Erste Fund von Noin-Ulla».

³ Ausstellung Chinesischen Kunst.

⁴ Публикация доклада в «Трудах» конгресса (Л., 1935).

⁵ Asiens Bildende Kunst in stichproben, ihr wesen und ihre Entwicklung. Augsburg, 1930, ср. стр. 120—122. — Он же. Der Amerasiatische Kunstform. Ostasiatische Zeitschrift, вып. 5, 1935.

⁶ См., например: Joachim Wernер. Zur Stellung der Ordosbronzen. Eurasia Septentrionalis Antiqua, IX, Helsinki, 1934.

⁷ McGovern, The Early Empire of Central Asia... The University of North Carolina Press, 1939. Ср. нашу рецензию: ВДИ, вып. 3—4, 1940.

пример Эштона и Грэя (Англия).¹ Интерпретируют ноинулинские находки в связи с раскопками в Корее японцы.² В отличие от буржуазной науки, советские исследователи, широко пользуясь сопоставлениями с памятниками Ноин-улы, ставят вопросы социально-экономической истории гуннов. Благодаря раскопкам гуннских могильников Ильмовой пади (Бурят-Монгольская АССР; Сосновский), того же времени погребений на Алтае и в Минусинском крае (Грязнов, Киселев), а также катакомб северных гуннов на Тяньшане (Кенкол, приток р. Талас и в долине Арпа в Центральном Тяньшане; Бернштам) памятники Ноин-улы снова привлекают к себе внимание.³ Ноинулинские коллекции, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, неоднократно фигурируют в обзорах коллекций Отдела Востока, где они находятся.⁴ Столь же неоднократно интерпретировались они и искусствоведами.⁵ Продолжалось технологическое исследование В. Кононовым тканей, в частности восстановление их первоначальной окраски, что также нашло свое отражение в печати.⁶ Памятники Ноин-улы и порождаемые ими исторические выводы освещены и в «Истории СССР».⁷

Интерпретация ноинулинских находок занимала, таким образом, внимание ученых всех основных востоковедных центров, а сами вещи, прочно вошедшие в золотой фонд уникальных памятников советской и зарубежной науки, хранятся ныне в Отделе истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа в Ленинграде.

В отчете С. А. Теплоухова о раскопках Ноинулинского могильника сказано: «Могильники расположены на трех лесистых полях, Гуджирте, Судзукте и Дзурумте, в горах Ноин-ула в 60 км к северу от Урги (в 10—15 км к востоку от дороги Урга — Кяхта). На могильных полях можно установить

---

¹ Leigh Ashton and Basil Gray. Chinese Art. London, 1936 (3-е изд.), стр. 72, 74, рис. 18а и 19б (шелк); стр. 74, рис. 19а (чашечка с китайской надписью).

² Намори, Канда и Каямото. Отчет об исследовании древних могил у деревни Охри, волости Дагонганмэн, уезда Дагон-гун, провинции Пхен ан Намдо. Сеул, 1935 (раскопки 1930 г.). Публикация на японском языке.

³ См., например: А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Экспедиции Гос. Эрмитажа, вып. 2. Л., 1940. — Г. Сосновский. Раскопки в Ильмовой пади. СА, VIII, 1946.

⁴ См., например: А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Средней Азии. Л., 1940.

⁵ Ср. также статьи В. Чепелева в журнале «Искусство» (4, 1936; 5, 1939).

⁶ В. Кононов. Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-ула, М.—Л., 1937.

⁷ ИС, ч. I—II.

три типа искусственных образований: могилы-курганы, отдельные небольшие холмики и небольшие впадины. Иногда холмики расположены в непосредственной близости от могил-курганов». ¹ Из сообщения П. К. Козлова следует, что всего было отмечено 212 курганов, но их типы не указаны. ²

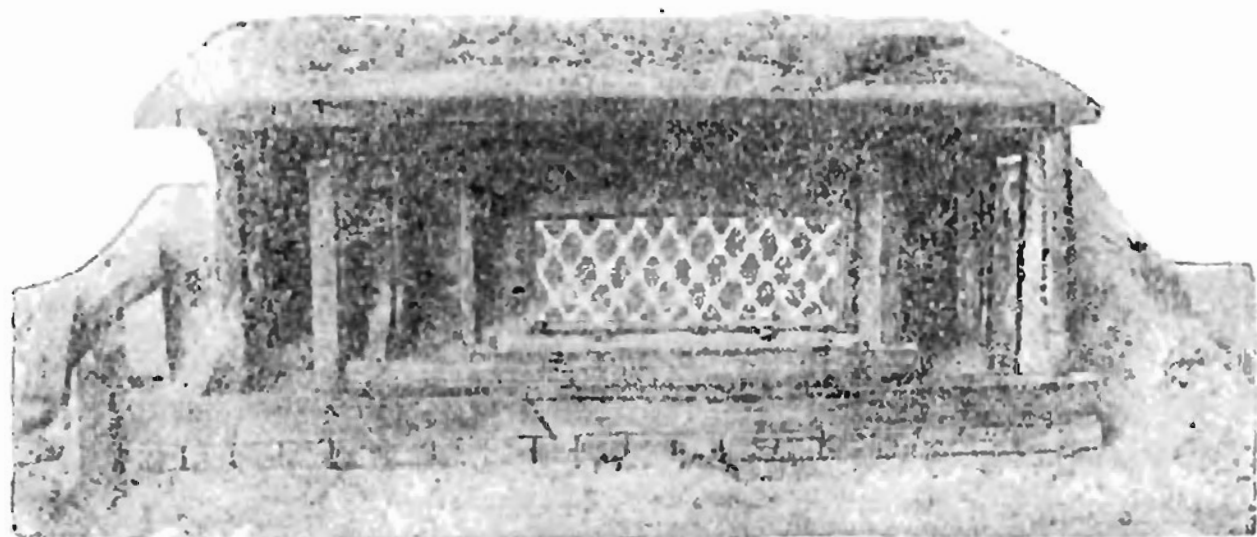

Рис. 3. Макет погребального сооружения в кургане № 6 (Ноин-ула).

Один из курганов (№ 6), давший наибольшее количество находок, представляет собой насыпь, круглую в плане, слегка поднимающуюся (около 1 м) над поверхностью земли. С одной стороны кургана подходил узкий, постепенно поднимающийся до его вершины земляной накат. Сам курган как бы вписан в прямоугольник из невысокого, окружающего весь комплекс (кургана и наката) вала.

Раскопками установлено, что на глубине около 10 м от горизонта, после слоя крупных камней и черного вязкого грунта с остатками недогоревшего дерева находилось погребальное помещение, сделанное из бревен — плах лиственницы. Погребальное сооружение, в свою очередь, состояло из нескольких частей: внешней камеры, внутренней камеры и гроба. Раскопками добыто большое количество тканей, части одежды, металлические изделия, деревянные лакированные чашечки с надписями и датами и т. д. Основным и наиболее ценным материалом являются ткани, которые свидетельствуют о связях гуннского общества с другими странами. Орнаментация ковров (сюжетами звериного стиля) отмечает дальнейшее раз-

¹ См. С. А. Теплоухов. Раскопка курганов в горах Ноин-ула. Сб. «Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии», Л., 1925, стр. 13 сл.

² П. К. Козлов. Современная Монголия — Ноин-улинские памятники. Там же, стр. 1 сл.

витие и продолжение предшествующих форм звериного стиля скифской эпохи. Здесь были найдены ткани китайского, западного (бактрийского) и местного производства. Технологическое изучение установило, что многие ткани сделаны из местного материала и окрашены местными красителями.¹

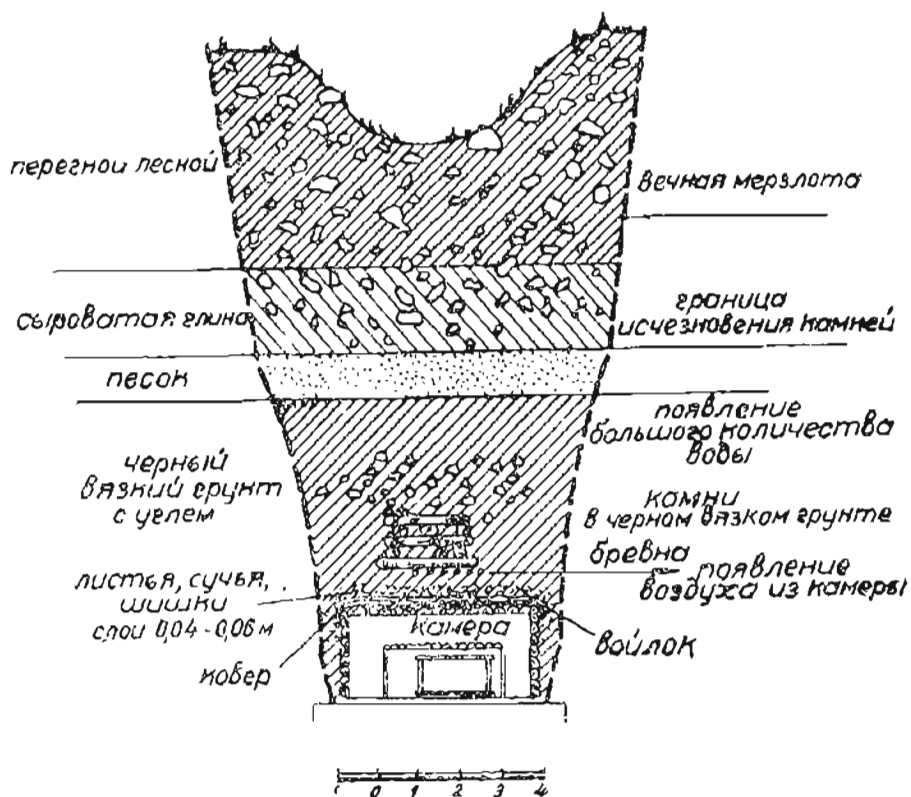

Рис. 4. Разрез по вертикали кургана № 6 (Ноин-ула).

Из исторических известий мы знаем, что много китайцев жило среди гуннов и производило необходимые последним предметы. Для гуннского времени, а особенно для позднейших времен, известны далеко на севере китайские городища с типичными китайскими предметами, изготовленными на месте (найдена, например, бракованная керамика, конечно, местного производства, а не привезенная из Китая). Как будет указано далее, многие китайцы — крестьяне и ремесленники, зависимые и рабы — стремились перебежать к гуннам, где они получали свободу и находились в положении равноправных членов общества. Этим объясняются следы китайской техники в гуннских памятниках, сделанных в гуннских же ставках. С конца I в. до н. э. гунны находились в тесной связи с Китаем, являясь его подданными, почему в их изделиях китайская техника сочетается с ярко выраженным отображением местной техники производства (развитый звериный стиль в виде аппликаций на коврах и т. д.).

¹ Технологический анализ тканей из раскопок в Монголии. ИГАИМК, XI, вып. 7—9. См.: D. Klein. Die frühen Seidengewebe auf China Ausstellung in London. OZ, вып. 3/4, 1936.

Датируется курган не только общим обликом находок, но и более точно надписью на одной лакированной китайской чашечке: «Сентябрь 5-го года Цяньпин, изготовитель Вантаньцзин, живописец украшений Хо, (другой) изготовитель И, наблюдал Бяньбу».¹

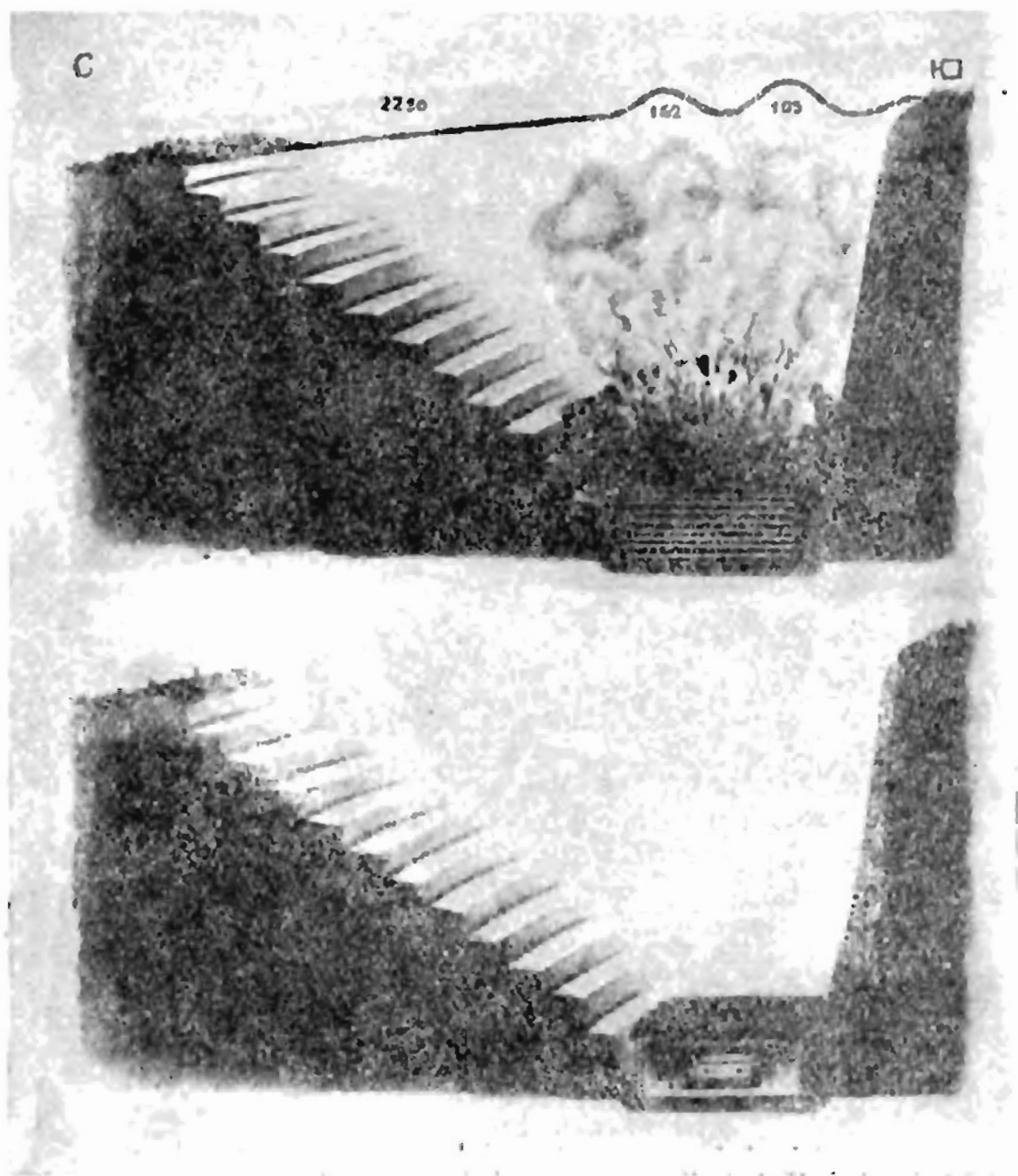

Рис. 5. Реконструкция погребения в кургане № 6 (Ноин-ула).

На дне чашечки была надпись «Шанлинь» — название крупного дворца-парка около китайской столицы Чаньяня. Интересно в этой связи сообщение китайской летописи, что

¹ 5-й год Цяньпин соответствует 2 г. до н. э. К. В. Тревер. Находки из раскопок в Монголии, 1924—1925 г. СГАИМК, № 9—10, 1931, стр. 41. Даваемый здесь перевод несколько расходится с приведенным у К. В. Тревер.

в 1 г. до н. э. гуннский шаньюй Учжулю жоди, который, по выражению источников, еще не снискал доверия народа, был принят «в виноградном дворце в Шанлиньюань с приветствием, из особого уважения к шаньюю. Император пожаловал ему 370 одежд, 30 000 кусков шелковых тканей; с затканным узором, вышитых и простой и гладкой шелковой ткани; 30 000 гиней шелковых хлопков. . .»¹

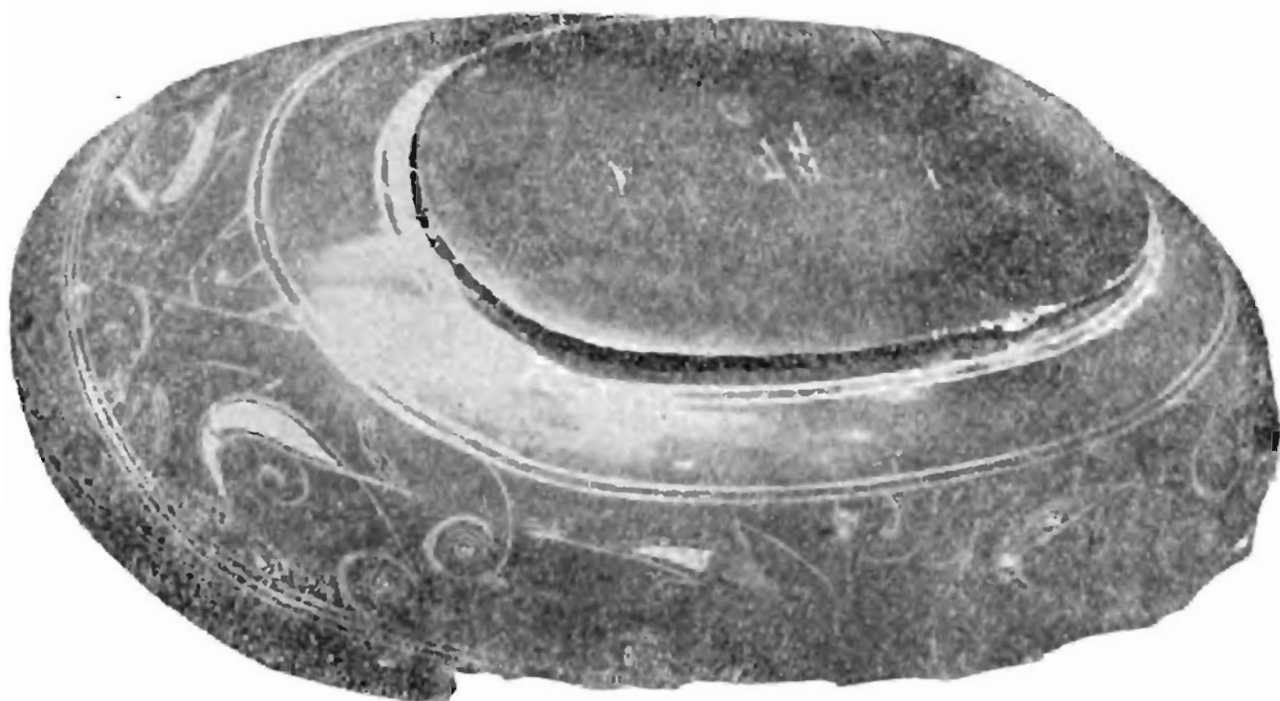

Рис. 6. Китайская чашечка с надписями из кургана № 6 (Ноин-ула), послужившая основой для датировки. Гос. Эрмитаж.

Возникает предположение, что ноинулинские курганы сохранили именно эти приношения китайского двора, а похороненный, возможно, и есть шаньюй Учжулю жоди.² Свидетельством посещения дворца-парка «Шанлиньюань» является чашечка с надписью «Шанлинь». Дата посещения Учжулю жоди этого дворца и дата выделки чашечки почти совпадают: 2 г. до н. э. и 1 г. н. э. Независимо от того, был ли похороненный Учжулю жоди и он ли получил чашечку с надписью «Шанлинь», бесспорно, что большая часть вещей, указанных в летописи, получена как подарок шаньюю за его предательство по отношению к собственному народу.

Возникновение ноинулинских курганов относится примерно к самому началу I в. н. э. В то время китайское государство пыталось всеми средствами склонить на свою сторону гунн-

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 91. Перевод нами несколько уточнен.

² См. нашу статью на эту тему (Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение. Изв. ООИ, № 4, 1937), где дана развернутая аргументация точной датировки кургана № 6.

ских шаньюев, в частности задариванием племенной верхушки гуннского союза. Подарками служили главным образом предметы роскоши: шелковые ткани, вышивки по шелку, китайские лакированные изделия и т. п. Орудий производства не дарили, чтобы не создавать базы для экономического уси-

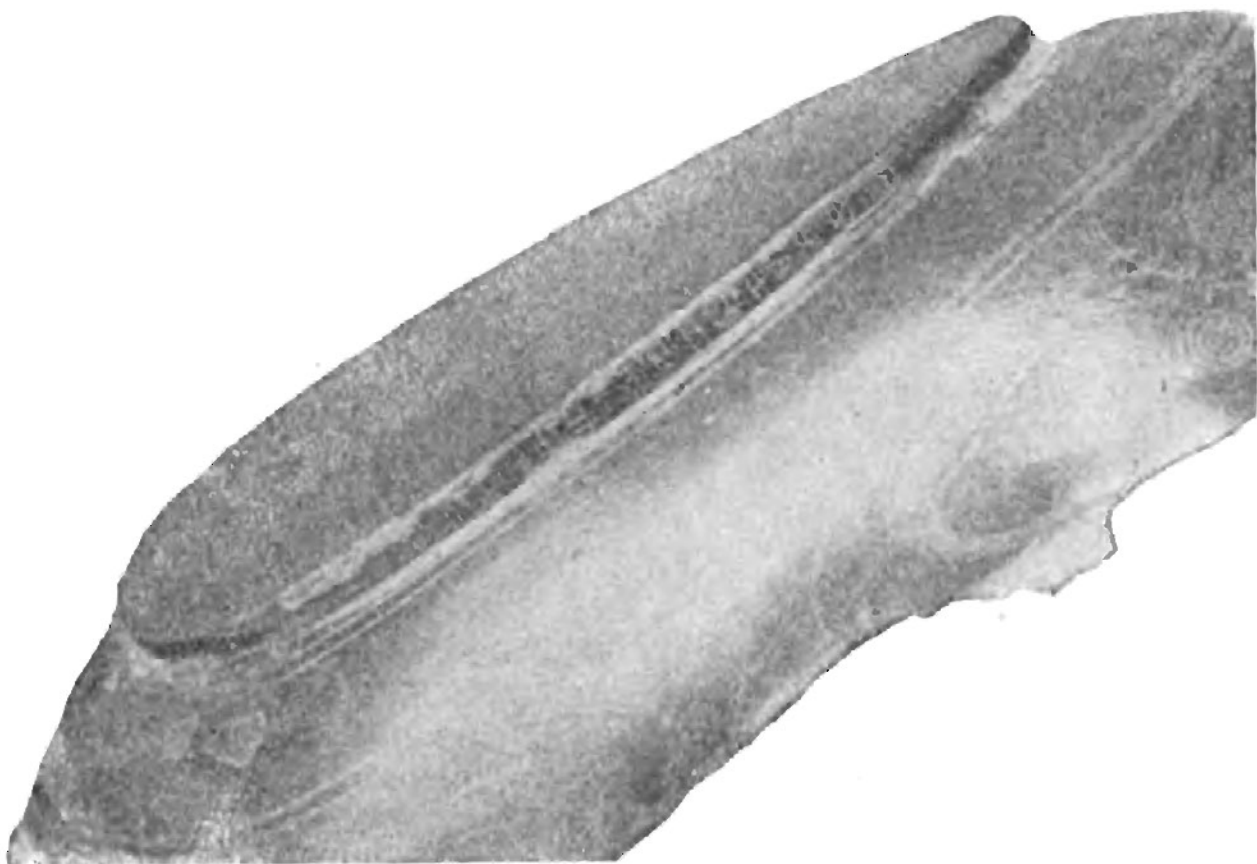

Рис. 7. Деталь китайской чашечки, изображенной на рис. 6.: подпись мастеров и дата.

ления шаньюя; еще менее эти дары служили укреплению социально-экономического строя гуннского общества в целом.

Не лишены интереса нравоучения китайца-перебежчика Чжунсинюе, говорившего гуннскому шаньюю: «Численность хуннов не может сравниться с населенностью одной китайской области: но они потому сильны, что имеют одеяние и пищу отличные и не зависят в этом от Китая. Ныне, шаньюй, ты изменяешь обычаи и любишь китайские вещи. Если Китай употребит только $\frac{1}{10}$ своих вещей, то до единого хунна будут на стороне дома Хань. Получив от Китая шелковые и бумажные ткани, дерите одежды из них, бегая по колючим растениям, и тем показывайте, что такое одеяние прочностью не дойдет до шерстяного и кожаного одеяния. Получив от Китая съестное, не употребляйте его и тем показывайте, что вы сыр и молоко предпочитаете им».¹

¹ И. Бичурин, ч. 1, стр. 27.

Уже из этого следует, что характер даров из Китая ставил гуннов в известную зависимость от него. Надо также отметить, что в более поздний период, в период тюрков VI—VIII вв., когда мы наблюдаем формирование раннефеодальных отношений, тюркский каган Мочжо требует от Китая земледельческих орудий, зерна для посева и т. п. Эта дань совершенно отлична от той, которую платили гуннским шаньюям, так как получение земледельческих орудий и подобных предметов позволило создавать такие отрасли производства, которые в еще большей степени освобождали кочевое скотоводческое общество от зависимости от оседло-земледельческого Китая.

Ограниченная предметами роскоши дань, получаемая от Китая, напротив, все более и более побуждала шаньюев к союзу с императорским двором, привлекала их на сторону последнего и тем самым углубляла социальный разрыв между вождями гуннов и племенным союзом в целом. Богатый инвентарь китайского происхождения из ноинулинских курганов свидетельствует, таким образом, не столько об экономическом подъеме гуннов, сколько о политическом упадке. Находки в Ноин-уле свидетельствуют о стремлении Китая получить себе союзника в лице шаньюев, об отрыве этих вождей от основной массы кочевников, ибо сил, обеспечивающих связь и подчинение гуннских племен своим вождям, еще не существовало.

Часть находок из ноинулинских курганов дает материал для характеристики идеологических представлений гуннов. В кургане № 6, из которого происходит большинство вещей, около гроба найдены две металлических бляхи с изображением быка, стоящего между двумя соснами. Как еще отметил А. Альфöldи, этот сюжет запечатлен в предании об Огуз-кагане, мифическом предке уйгуров.¹ Сосны обозначают мать и отца Огуз-кагана, родившегося среди гор. Огуз-каган родился в виде быка. Представление о связях предков с растениями и животными обычно является тотемическим пережитком. Уйгурская легенда является самой древней из известных тюркских и монгольских записанных преданий.

В изображениях, найденных в ноинулинских курганах, содержание то же, что и в тюркских легендах, записанных в Юаньши, сочинении Джувеини и других авторов, то же представление о происхождении умершего. Повидимому, род гуннских шаньюев связывал свое происхождение с теми же тотемами, воспоминание о которых сохранилось почти у всех кочевых, главным образом тюркских, народов и среди них уйгур-

---

¹ А. Alföldi. Die Geschichtengrundlagen des hochasiatischen Tierstiles, FF 10, VIII, 1931, № 20. См. у: К. В. Тревер, СГАИМК. № 9—10, 1931, стр. 46.

ских. Здесь легенда «изображена» на металлическом барельефе, напоминающем о древнем, знатном происхождении похороненного. Бляхи, на которых изображены эмблемы охоты — лес и скотоводства — бык, свидетельствуют о том, что охота и скотоводство были основами хозяйства гуннов.¹ Найденная в

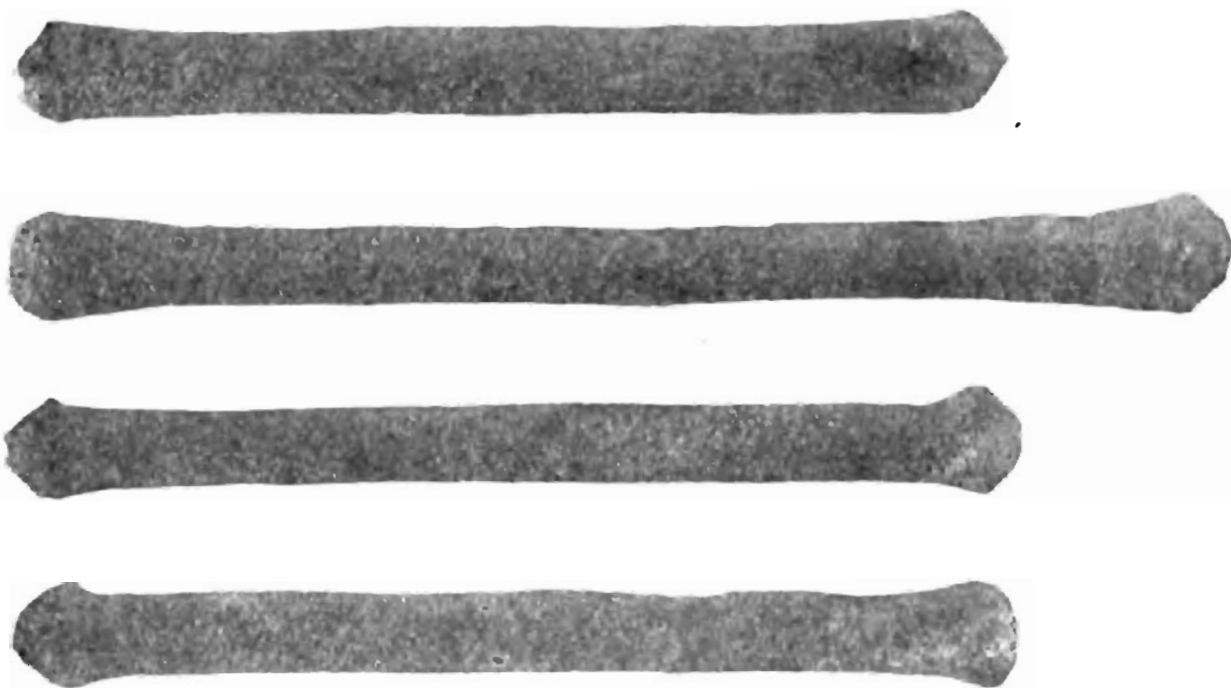

Рис. 8. Бронзовые палицы из ноинулинских курганов. Гос. Эрмитаж.

шаньюйском кургане бляха указывает, что здесь был похоронен крупный представитель гуннского общества. Отсутствие подобных предметов в других могилах может служить доказательством того, что только господствующий род связывал свое происхождение с этим тотемом.

Большое значение имела и война, однако находки вещей, связанных с вооружением гуннов, весьма редки. Посему позволю особо остановиться на одной любопытной находке в курганах Ноин-улы.

При описании гуннов и их законов в «Исторических записках» Сымацяня имеется одно место, перевод которого представляет определенную трудность. Текст этот повторен и в «Истории старших Хань» (Цяньханьшу). Выглядит он следующим

---

¹ Сводку преданий о возникновении уйгуров см. в работе: В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Прил. к XXII тому ЗИАН, СПб., 1893. В связи с бляхами следует учесть легенду, приведенную у Джувейни (В. В. Радлов, ук. соч., стр. 57) и в китайских летописях монгольской династии Юаньши (там же, стр. 63). Общность представлений тюрков и монголов, в частности бурят, и предшествовавших им гуннов о своем происхождении свидетельствует о том, что гуны являются этническими предшественниками и тюрков и монголов (см.: А. Бернштам. Изображение быка в находках ноинулинских курганов, ПИДО, № 5—6, 1935).

образом 其法拔刃尺若死 —чи фа ба чуан чи чжэсы.¹

По поводу этого места один из переводчиков Цяньханьшу, Э. Паркер, писал, что это «трудная фраза»,² и переводил ее следующим образом: *Законы их: смерть тем, кто вытягивает меч против человека*,³ т. е. имеется в виду, вероятно, беспричинное убийство.

Аналогично Э. Паркеру переводил тот же текст и Де Гроот: «*Что касается законов, то было присуждено, кто меч против кого-нибудь достанет*»⁴ и далее указывается наказание — *смерть*. Указанную фразу И. Бичурин переводил следующим образом: «*Законы их: извлечшему острое оружие и фут — смерть*». ⁵ К слову «фут» он сделал соответствующее примечание: «*Футом называется военное железное орудие, имеющее вид палки, длиною около 1,5 фута и короче*». ⁶

Надо сказать, что перевод И. Бичурина оказался наиболее правильным, ибо подтверждается археологическими данными. В комментариях к Шицзи комментатор Иньи, объясняя термин *чуан* и опуская *чи*, говорит:

刃刻其面 — *резать или ранить его лицо*.⁷

Повидимому, на основании этого комментария, в котором отсутствует объяснение иероглифа *чи*, Паркер и Де Гроот вообще опускали перевод иероглифа *чи*. На чем основывал свой перевод И. Бичурин нам неизвестно, ибо никаких указаний у него на сей счет нет ни в печатных, ни в рукописных работах. В Тунцзяньганму, который переводил И. Бичурин и откуда, возможно, он мог взять объяснение к термину *чи*, нами также, несмотря на тщательный просмотр, ничего обнаружить не удалось.

При раскопках Ноин-улы в курганах обнаружены металлические «песты». Они встретились в курганах №№ 12 и 25 группы Судзукту.⁸

¹ ШЦ, гл. 110; ЦХШ, гл. 94А, л. 8а.

² Е. Н. Паркер, ук. соч., XX, стр. 10, прим. 125.

³ Там же, стр. 10.

⁴ De Groot, ук. соч., стр. 60.

⁵ Бичурин, ч. 1, стр. 16.

⁶ Там же, стр. 16, прим. 1.

⁷ В китайском сочинении Цзиньшису (I, тетрадь 2) даны рисунки «чи» разных размеров. На основании этих данных Ф. Хирт и установил размеры «чи». См.: F. Hirth. Bausteine zu einer Geschichte der chinesischen Literatur als Supplement zu Wylie's Notes on Chinese Literature. T'oung Pao, 1897, стр. 100.

⁸ Инв. номера коллекций Отдела Востока Гос. Эрмитажа: 13954¹⁻³ и 14152.

«Песты» представляют собой литую из меди палку с утолщениями по краям. Длина колеблется между 30—36 см, диаметр — от 2.5 до 2.8 см, диаметр утолщений 3.3—3.6 см. Внутри «пестов» проходит железный стержень, четырехугольный в сечении. Сечение сторон до 0.5 см, в разных «пестах» неодинаково. Поверхность «пестов» сравнительно гладкая. Утолщения начинаются незаметно, на пятом сантиметре от края, резко увеличиваясь на третьем. Наличие продольного стержня показывает, что «пест» рассчитан на использование в виде палицы (для удара) и собственно пестом не являлся.

На этих массивных «пестах» отсутствуют какие-либо украшения, которые позволили бы предполагать, что они имеют какое-либо ритуальное значение. Характерно совпадение размера «пестов» с длиной китайского фута. Современный китайский фут равен примерно 35 см. Известно, что *чи* в конце Хань был равен 29¹/₃ см.¹ Можно со всей определенностью утверждать, что в данном тексте имелось в виду именно гуннское оружие, название которого китайцам не было известно, и они его обозначали своим термином *чи*. Название это не случайное, так как оно определяет единственную характерную черту оружия — размер. К месту упомянуть, что в китайско-русском словаре арх. Палладия и П. С. Попова среди биномов имеется следующий бином: *чи ба*—род флейты или кларнета, название, данное по длине, а бином *жэнь чи* переводится как *нож и фут*.²

Мы привели текст, как он выглядит в Шицзи. Характерно, что все переводчики имеют в виду не иероглиф *чуан* со значением *ранить*, а иероглиф *жэнь* со значением *острое лезвие, меч* и т. п. Хотя наличие меча у гуннов и не зарегистрировано раскопками Ноин-улы, но подтверждается находками в других могильниках того времени. Другие издания Шицзи также имеют в этом тексте иероглиф *жэнь*, равно как и Цяньханьшу.

На основании изложенного мы считаем возможным переводить этот текст следующим образом: *Их законы: тех, которые выхватывают (без причины) меч (жэнь) и палицу (чи),—умерщвляют*. Вообще же это выражение — своеобразный вариант известного изречения «взявший меч от меча и погибнет».

Воспринимать *жэнь чи* как бином для обозначения *малого меча — футового меча* — нельзя, так как этому противоречит конструкция. Не может, повидимому, этот бином быть синони-

¹ F. Hirth, Bausteine zu einer Geschichte...

² См.: арх. Палладий и П. С. Попов. Китайско-русский словарь, Пекин, 1888, II, стр. 147.

мом *кинжала*, так как для последнего имеется комбинация *чи-те*. Остается, следовательно, одна возможность — переводить иероглифы *жэнь* и *чи* отдельно, через союз *и*, читая их как обозначения двух типов оружия — меча и палицы.

Ноинулинские «песты» неизвестного назначения следует, повидимому, называть *палицами*, имеющими в китайских текстах, посвященных гуннам, название *чи*.

О хозяйстве гуннов по ноинулинским курганам судить трудно, так как в могилах были, главным образом, вещи, отмечающие положение гуннского вождя как полководца. Для указанной цели следует обратиться к иным могильникам, в которых был найден материал, дающий возможность говорить о главных видах производства у гуннов — охоте и скотоводстве. Исторические и географические особенности отдельных районов способствовали развитию тех или иных отраслей производства. Поэтому следует рассматривать археологический материал по районам. Наиболее северным из них является Минусинская котловина, район динлинов, находившихся под властью гуннов. Основной тип могильника представлен здесь погребениями Оглахты.

Оглахтинский могильник¹ расположен на левом берегу Енисея в 60 км ниже г. Минусинска. Раскопан он был в 1902—1903 гг. А. В. Адриановым. Погребальные камеры на поверхности почти ничем не были отмечены и обнаружены случайно, благодаря провалу потолка одного из погребений. Могила была устроена в виде ямы глубиной в 1 м, стенки которой отделены деревянным срубом (лиственница и сосна). Длина их 1.70—2.40, ширина 1.00—1.65, глубина 0.60—1.60 м. Сверху они прикрывались бревенчатым накатом. Вокруг могила была обложена слоем бересты в 0.18 м толщиной. В камерах часты погребения двух костяков в вытянутом положении. Голова покойника обычно несколько приподнята положенным под нее куском дерева. Черепа почти все трепанированы для изъятия мозга, а трупы мумифицированы настолько хорошо, что, например, у одного костяка полностью сохранилась ступня. На многих костяках сохранились остатки мышечной ткани. По-

---

¹ См. Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 34 сл.; там же см. литературу вопроса. Вообще говоря, Оглахтинский могильник быть может относится к более позднему времени и связан не с гуннами, а сяньбийцами. Об этом далее. О культуре Минусинской котловины помимо указанных работ см.: С. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, вып. 65, 1933. Подробное изложение материала по культуре гуннского периода в Южной Сибири см.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 177 сл.; о таштыкской культуре: стр. 216 сл.

верх лица наложены гипсовые маски, большей частью раскрашенные. Около покойников находилась керамика самой разнообразной формы, среди которой следует отметить характерную кочевническую круглодонную посуду, удобную для подвешивания к седлу и для полевого очага, и плоскодонные чашки (часть из них имеет ручки). В довольно значительном количестве представлена деревянная посуда, форма которой совпадала с формами глиняной керамики. Интересны находки тканей, близко напоминающие по технике изготовления и орнаментации ткани из ноинулинских курганов (перемежающиеся в шахматном порядке ромбы разной окраски). Кроме указанных предметов, в могилах находились остатки китайского лака, куклы, напоминающие человека;¹ из остатков пищи встречались — кости быка, лошади и овцы; из культурных растений — просо. Подобные Оглахтинскому могильнику погребения раскопаны: А. В. Адриановым в 1898—1899 гг. по левому берегу р. Абакана у Абаканской «инородческой управы»; С. А. Теплоуховым в 1924 г. в долине р. Таштык у с. Батеней; Г. П. Сосновским в 1929 г. у д. Чесной на р. Енисее исследовано ямное погребение, аналогичное раскопанному А. В. Адриановым у Думной горы близ с. Луговского. С. В. Киселевым также исследованы подобные могилы. Весь этот комплекс связывается не только с Оглахтинским могильником, но по характеру инвентаря, структуре погребения и т. д. находит себе аналогии с Ноин-улой в Монголии, с Суджинским кладбищем в Забайкалье, с Катандинским на Алтае. Последний могильник, а также Ноин-ула сближаются с некоторыми погребениями Средней Азии, в частности Семиречья (верховья долины р. Талас, Киргизия), раскопанными в 1898 г. Гейкелем² и нами в 1938—39 гг.³ Однако по поводу датировки таштыкского типа могил и их этнической принадлежности можно высказать особое мнение.

В Оглахтинском могильнике найдены частично мумифицированные трупы мужчин и женщин с хорошо сохранившимися на них косами. Подобного типа косы обнаружены и С. В. Киселевым при его раскопках Уйбатских чаатасов.⁴ Этот весьма яркий и своеобразный прием ношения волос

---

¹ Известны в похоронном обряде в недавнем прошлом у кочевников. Ср.: С. Абрамзон. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов. Сб. «Белек» С. Е. Малову, Фрунзе, 1946. Дальнейшее развитие обряда «тул» выявляется в постановке на могилах балбалов.

² A. J. Heikel. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. TE, VII, Helsinki, 1918.

³ Кенкольский могильник. Гос. Эрмитаж, Л., 1940.

⁴ С. Киселев. Саяно-алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. ВДИ, вып. 1, 1939, стр. 254.

появляется на территории Центральной Азии лишь в определенное время и связан с одним только народом, а именно сяньбийцами.

Из китайских источников известно, что племена сяньби — тунгусо-маньчжурской группы, хотя П. Пелльо выдвинул еще ничем не аргументированную теорию, что сяньби — тюркские племена.¹ С племенами сяньби, лишь в конце I в. появившимися на исторической арене, связано ношение кос у кочевников Центральной Азии. По китайским источникам известно, что племена тоба явились «поколением сяньбийских косоплетов» (Сотой).² В 87—91 г. сяньби разбивают гуннов в Монголии и становятся полновластными хозяевами на территории Центральной Азии. Особого расцвета могущество сяньби достигает при их предводителе Таньшихуай, ставшем вождем во время правления китайского императора младшей Ханьской династии Сюаньди (147—167). В период времени от 147 до 156 г. н. э. Таньшихуай производит набеги на север, где сяньби сталкиваются с динлинами. В том же 156 г. сяньби совершают и набег на Китай в области Юнчжун.

Родственные сяньби племена тоба и их правитель Тобагуй в 386 г. завоевывают Китай и создают новую династию Тоба. Когда Тобагуй в том же году вступил на китайский престол, он приказал «в столице и за ее пределами связывать волосы на голове и носить шляпы».³ С этого времени распространяется коса и в Китае.

Со времени господства сяньби и вслед за ними племен тоба возникает в Центральной Азии обычай ношения косы. По приведенным справкам очевидно, что проникновение этого обычая на север может быть датировано временем не раньше середины II в. н. э., когда сяньбийцы столкнулись с племенами динлин — аборигенами Минусинского края.

На наши выводы может быть выставлено возражение, что в более раннем могильнике, например в Ноин-уле, датированном началом I в. н. э.,⁴ обнаружены в большом количестве косы.⁵ Однако в условиях Ноин-улы срезанные с голов косы или имитации кос из конского волоса являлись своеобразным приношением со стороны подчиненных племен в могилу

¹ См. доклад В. Бартольда на 1-м Тюркологическом съезде в Баку. (Баку, 1926, стр. 22).

² Ганму, под 261 г.; ср.: Бичурин, ч. 1, стр. 187.

³ См.: Бичурин, ч. 1, стр. 202.

⁴ А. Бернштам, Гуннский могильник Ноин-ула...

⁵ Ср.: С. Trever. Excavations in the Northern Mongolia. 1932. Находка кос известна и в другом могильнике, см.: Г. П. Сосновский, Дерестуйский могильник, ПИДО, 1935, № 1—2. Трудно сказать, в каком взаимоотношении с другим инвентарем были найдены косы, да и сам могильник может быть более позднего времени, чем предполагал Г. Сосновский.

их владыки — гуннского шаньюя. Как известно, в это время сяньби находились в подчинении у гуннов и, несомненно, им могли принадлежать косы, которые были положены в могилу шаньюя Учжюлю жоди.

В условиях Оглахтинского могильника похороненные с косами не являются представителями подчиненных племен, как в Ноин-уле. Это достаточно экономически богатое племя, что убедительно показывает инвентарь погребений. Вместе с тем, Оглахтинский могильник отличается от позднейших Уйбатских чаатасов, имеющих больше связей с местной культурной традицией, чем Оглахты.¹ Оглахтинский могильник в среде минусинских памятников явление новое, в ряде моментов как бы нарушающее закономерное развитие культуры племен минусинской котловины. К таким новым явлениям, не свойственным минусинским памятникам, мы относим структуру погребения без курганской насыпи, косы, способ погребения на деревянном помосте, значительный удельный вес китайской культуры, преобладание бытового инвентаря из дерева. Все эти факты дают возможность утверждать, что Оглахтинский могильник является памятником проникновения сяньбийцев на север во II в. н. э. и, вероятно, синхронен ранним чаатасам. Уйбатские чаатасы, видимо, результат скрещения местных племен с сяньбийскими, после чего произошло окончательное выделение из динлинского слоя кыргызских племен.

На основании изучения материалов могил типа оглахтинского комплекса можно для Минусинской котловины (для группы так называемых таштыкских погребений) установить следующее:

1) Могила, судя по тканям, идентичным тканям Ноин-улы, датируемым первыми веками н. э., относится к периоду владычества в данном районе гуннов, и возможно, сяньбийцев, для которых Минусинская котловина, в древности называвшаяся страной гяньгунь (кыргыз), с населением динлинского происхождения, была их

Рис. 9. Косы в футлярах из ноинулинских курганов. Гос. Эрмитаж.

¹ С. Киселев, ВДИ, вып. I, 1939.—Он же, Маска из древнейших Чаатас. Изв. Гос. Музея им. Н. М. Мартыанова. № 1(12), Минусинск, 1935; ср.: Л. Евтюхова. К вопросу о каменных курганах на среднем Енисее. Сб. статей по археологии СССР, М., 1939.

северной границей. Скрещение племен Центральной Азии с динлинами дало первое кыргызское этническое объединение.¹

2) Племена страны гяньгунь являлись северной частью гуннского союза и занимались земледелием и пастушеским скотоводством, являвшимся, по всей вероятности, главной формой производства. Через посредство гуннов динлины вели торговлю с Китаем, откуда они получали ткани, зеркала и т. п. в обмен на продукты охоты, скотоводства и рыболовства. Динлины имели довольно развитые производства: керамическое, металлическое и другие.

Для характеристики территории расселения гуннских племен следует отметить также могильник того времени, раскопанный в 1896—1897 гг. Ю. Талько-Гринцевичем в районе Ильмовой пади в Забайкалье.² Этот комплекс находился в районе обитания северной части гуннских племен. Занимает он пространство $3 \times 0,5$ км и состоит из 5 групп погребений, общее число которых достигает 212. По внешнему виду они делятся на две неравные части. Только 4 относятся к крупным, остальные — малые. По внешнему виду большой могилы к насыпи идет вымощенный камнями накат. Начатый исследованием большой курган не раскопан до конца. Малые могилы представляют собой квадратную в плане каменную площадку с треугольниками, расположенными по углам квадрата, и с небольшим выложенным камнями накатом с южной стороны. Большинство курганов квадратной в плане формы. Обычно они выстроены из поставленных вертикально по сторонам каменных плит, перекрытых сверху также плитами, в свою очередь заваленными большими камнями и землей. В могиле всегда находился срубленный из бревен гроб с досчатым листовичным дном, обычно прикрытый бревенчатым накатом. Примерные размеры гроба: длина 2—2,1 м при ширине 50—80 см. Способ крепления углов такой же, как и в ноинулинских сооружениях: короткие поперечные стенки клином входят в концы продольных. Сруб ориентирован с юга на север. Гроб обкладывался плитами, иногда — кусками красной и желтой глины.

Из находок в раскопанных курганах следует отметить в первую очередь кости животных, которые из 20 могил распределяются следующим образом: костей быка 19, барана 13, козы 8, собаки 3 и оленя 2. Порода быка — помесь домашнего

¹ Об этом подробнее см.: А. Н. Бернштам. Историческое прошлое кыргызского народа. Фрунзе, 1942; ср.: КСИИМК, XVI.

² Ю. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. ТТКОПОРГО, I, вып. 2(1898), М., 1899. Ср. Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади. СА, VIII; См. его: Находки китайских тканей в могилах Ильмовой пади, КСИИМК, II.

с яком. Таким образом, як, изображение которого мы видели на ноинулинских бляхах, несомненно имел значение в развитии скотоводства. Из остатков диких животных найдены кости кулана и оленя и только в одной могиле — птицы.

Находки остатков домашнего скота и диких животных свидетельствуют о развитии скотоводства пастушеского типа, соединенного с охотой. О существовании земледелия нет никаких данных. Обращает на себя внимание отсутствие лошади и большое количество костей крупного и мелкого рогатого скота. Однако по описанным находкам нельзя судить о составе стада, так как здесь мы имеем дело с могильным инвентарем, т. е. с искаженным отображением действительности. Лошадь безусловно была известна гуннам, что доказывает, в частности, нахождение в могиле остатков сбруи и удил. Удила найдены также и в ноинулинских курганах.

В большинстве погребений найдено по одному покойнику, в редких случаях встречаются два трупа, причем второй — обычно детского или юношеского возраста. В той части, где помещался покойник, клались вещи; кости домашнего скота находились за перегородкой (гроб обычно разделялся на несколько частей). В обряде погребения несомненную роль играл огонь, так как в могилах находились уголь, обгоревшие сосуды и т. п.

Вещи по своему характеру можно разбить на две группы: местного и иноземного (китайского) происхождения. В большом количестве встречается железо: рукояти и клинки мечей, остатки конской упряжи и т. д. Характерны для «иноземных» вещей обломки украшений и зеркала из белого сплава (сурьма?) с изображенными на них китайскими иероглифами, а также остатки тканей.

В могилах очень часты костяные изделия: «ножи», остатки черенков, трубки, обкладки луков, отделка седел и т. д.

Сосуды встречались обычно черного, красного и серого цвета. По качеству выделки черные сосуды гораздо грубее красных и серых. Орнаментация бедная, техника изготовления крайне разнообразна. По форме это различной величины и объема горшки с широко открытым горлышком, с характерной закраиной в виде валика; устье горшка слегка расширяется вверху. Сосуды в основном баночной формы. Реже встречаются сосуды с узким горлышком, с валиком на закраине и расширяющимся туловом, в виде амфор.

Сосуды первого типа украшены сходящимися книзу канцелюрами, наподобие ноинулинских. Второй тип сосудов предназначен, главным образом, для хранения готовой пищи или продуктов, тогда как первый — для ее приготовления. Непо-

нятно назначение одного из сосудов в виде двух цилиндров, вставленных друг в друга, т. е. сосуд с двумя стенками и общим дном. Керамика была найдена, главным образом, в женских могилах.

Неудобный для перекочевок тип керамики, нахождение ее, главным образом, в женских могилах, преобладание остатков рогатого скота, — все это свидетельствует об оседлости, о гастушеско-скотоводческом характере хозяйства. По всей вероятности, имела место известная степень классового расслоения, сказавшаяся в наличии в составе могильника, наряду с малыми, больших курганов. Однако социальное расслоение отражено в инвентаре названного могильника намного меньше, чем в ноинулинском.

К описываемой группе гуннских памятников относится Дэрестуйский могильник, раскопанный Ю. Талько-Гринцевичем,¹ и исследованное Г. П. Сосновским Нижне-Иволгинское городище гуннского времени.

Дэрестуйский могильник раскопан в 1900—1901 гг. на левом берегу р. Джиды. В нем вскрыто 26 могил. По типу захоронения погребения сходны с могилами Ильмовой пади: также имели перекрытия из каменных плит и деревянные гробы-срубы. Ориентированы костяки головой на север. В могилах обнаружены кости животных — лошади, быка, барана, домашнего и горного. Из инвентаря обращают на себя внимание пряжки ордосского типа со сценой дерущихся лошадей, пряжка с изображением борьбы мифического животного тарандра с орлом. Орел вонзил когти в козла. Там же найдены ажурные бляхи с изображением головы быка, накладка из листового золота с изображением аргали, пряжки крестообразных и ложкообразных форм (фибулы) и др.

Большое место в инвентаре занимают бусы из малахита, яшмы, имитации раковины каури и настоящие раковины каури и многое другое. Керамика не имела особых черт, отличных от керамики гуннского времени. С мужскими костями найдены железные удила и костяные псалии. Из вооружения отметим совместное существование бронзовых наконечников стрел и железных четырехгранных. Особо должен быть отмечен китайский шелк, китайская монета типа У-шу (118 г. до н. э. — 618 г. н. э.), а также наличие кос у покойников. Весь комп-

---

¹ Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник, ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 168 и сл. Перечень работ Ю. Талько-Гринцевича дополню указанием на статью в «Трудах XII археологического съезда» (т. I). В своей статье (стр. 168) Г. П. Сосновский отмечает раскопанные им могилы на Нижне-Иволгинском городище; см.: ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 150—156. Замечательные коллекции из раскопок Г. Сосновского могил гуннского времени с тканями ханьского типа опубликованы в СА, IX.

лекс находок позволяет датировать Дэрестуйский могильник гуннским временем, но с нашей точки зрения скорее первыми веками новой эры, чем II—I вв. до н. э. К этому склоняют такие факты, как тип железной стрелы, косы у покойников, в известной степени и находка монеты, которая, видимо, исключает дату II в. до н. э. Ордосского типа вещи и китайский шелк не противоречат дате I—II вв. н. э.

Большое значение имеет раскопанное Г. Сосновским единственное пока исследованное городище гуннского времени — Нижне-Иволгинское. Находки в открытых здесь землянках показали, что их обитатели занимались скотоводством (бык, лошадь, баран), охотой (косуля, заяц, птица), земледелием (просо) и рыболовством.

Здесь же изготовлялась керамика, характерной чертой которой являются, как и в Ноин-уле, четырехугольные отпечатки клейм на дне сосудов. Тесто керамики, как и в ноинулинских сосудах, серое. Украшены сосуды орнаментом в виде волн и накладными валиками. Следует отметить находку обломка бронзовых котлов гуннского времени, а также железного шлака.¹

Гуннские памятники Забайкалья, все более и более вводимые в научный оборот советскими учеными, несомненно, заставят впоследствии пересмотреть наше представление о сложении форм хозяйства и культуры гуннского племенного союза. Уже сейчас совершенно ясно огромное влияние южносибирских племен на формирование культуры гуннов, а забайкальская часть была едва ли не основной этнической массой и экономическим тылом гуннов Монголии. Если «династия» первых шаньюев была связана с предками уйгурских племен (см. прил. III. К происхождению Огуз-кагана, стр. 223), то «независимая» экономика гуннов опирались прежде всего на забайкальские, селенгинские племена, вошедшие в состав племенного союза. Об этом говорит вышеприведенный археологический материал по гуннам Забайкалья, представляющий большее хозяйственное многообразие, чем соответствующие данные, относящиеся к другим частям восточной ветви гуннов.

Гуннский период на Алтае документируется небольшим количеством находок, сделанных главным образом В. В. Рад-

---

¹ Ныне эти памятники продолжает исследовать А. П. Окладников, отчеты которого еще не опубликованы. Ср. А. П. Окладников. Краткий отчет о работах Бурят-монгольской археологической экспедиции летом 1947 г. Записки НИИКЭ, Улан-Удэ, 1948, стр. 106—116. Раскопки А. П. Окладникова еще ярче показали роль земледельческой культуры в гуннских поселениях и высокий удельный вес в этой культуре китайцев. Ср. Г. Сосновский, О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя, КСИИМК, в. XIV.

ловым во время раскопок в 1865 г. в урочище Катанда, по правому берегу р. Катунь (в ее верховьях).¹

К гуннскому периоду или, во всяком случае, к дотюркскому надо отнести раскопанные В. В. Радловым большой и малые курганы (кроме первого малого кургана) Катандинского II кладбища, Андогайские курганы и курганы Чуйской степи по р. Табажек, где следует отметить несомненные признаки земледелия плужного типа — в виде находок лемехов (Табажек и Катандинское II кладбище).²

Самые интересные находки из большого кургана Катандинского II кладбища представлены большим набором разных деревянных лошадок и деревянных же пряжек с изображениями животных и сцен борьбы зверей (львы и лось, фантастические животные и т. д.).³ В ряде случаев на головках лошадок имеются отверстия, куда вставлялись, вероятно, оленьи рога, подобно тому, как в Пазырыкском кургане были найдены лошадиные маски, имитирующие голову оленя.⁴ Подобная имитация была следствием переживания представлений, связанных со сменой оленя лошадыю как средством передвижения.⁵

Влияние гуннов в культуре Южной Сибири, первой испытавшей на себе их проникновение, не исчерпывается вышеприведенным материалом. Традиции гуннских влияний С. Киселев видит не только в культуре типа таштык, но и в ранних чаатасах Минусинского края.⁶ М. Грязнов неоднократно указывал на роль гуннов в формировании культуры ранних кочевников шибинского этапа на Алтае.⁷ Однако исчерпывающее изложение всех этих явлений в данной работе невозможно. Отметим только, что культура Южной Сибири II в. до н. э. — II—III вв. н. э. отражает большую роль гуннов. Она показывает, что гунны явились связующим звеном между племенами Южной Сибири и Китаем. Несомненно — это большая историческая роль гуннов в деле военно-политического развития племен Южной Сибири. Эту же роль немного позднее они вы-

¹ См.: А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. ТГИМ, вып. 1, М., 1926; см. его же: *Antiquities of Katanda (Altai)*, JAI, т. LV, 1925. См.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 178 сл.

² А. А. Захаров, ук. соч., стр. 77.

³ Там же, стр. 81 сл., особенно стр. 89.

⁴ Скифское погребение на Алтае. ИГАИМК, № 2, 1931, стр. 25—31.

⁵ М. И. Артамонов. К истории средств передвижения. ПИДО, 1933, № 5—6.

⁶ С. Киселев. Саяно-Алтайская экспедиция в 1938 г. ВДИ, вып. 1/6, 1939. — В. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939.

⁷ М. П. Грязнов. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана. ИС, ч. 2, гл. 6, § 3.

полняют в отношении племен Средней Азии, что будет отмечено несколько далее.

Приведенный археологический материал и общая характеристика гуннского общества, данная китайскими летописцами, позволяют сделать следующие основные выводы.

В экономической области гуннское общество при преобладании скотоводческого хозяйства, являвшегося главным видом производства, знало охоту как подсобное занятие.¹

В различных географических условиях, особенно у северных гуннов и в подвластных им областях, имело место земледелие. Последнее развивалось постольку, поскольку шло классовое расслоение, в результате которого создавался определенный слой общества, лишенный возможности кочевать (вследствие малой обеспеченности скотом) и развивающий у себя земледелие, с изменением в то же время состава стада (увеличение количества молочного рогатого скота).

Развитие и интенсификация производства дали возможность широкого использования рабов. Экспроприация личности была известна гуннскому обществу. Поступавшие в неволю рабы эксплуатировались шаньюйским родом. Военнопленные, главным образом китайцы, являлись ремесленниками, а часть пленных была использована в земледелии. Как увидим далее, в гуннском племенном союзе военнопленные китайцы пользовались относительной свободой, и следует, скорее всего, заключить, что система рабства была патриархальной, первобытной. «Первобытность» рабства выражалась в относительной личной свободе раба. Социальный строй гуннского общества привлекал подневольное население Китая, зачастую перебежавшее к гуннам. Следы техники китайского происхождения отмечались выше. Известны также на территории гуннов и городища. Последние, вероятно, китайского происхождения. Однако количественный рост рабства внутри гуннского союза не мог не способствовать процессу противопоставления шаньюйского рода массе гуннских племен. Система государственного управления во время одного из самых выдающихся шаньюев, Модэ, его реформа (см. далее), назначение членов его рода правителями отдельных частей гуннских племен показывают, что при сохранении выборности в родах в шаньюйском роде закреплялась наследственная передача должностей, против которой неоднократно выступали представители низов гуннских племен.² Отмирание выборности и замена ее наследственной

¹ Г. Сосновский. К истории скотоводства в Сибири. КОДЖ. Т. стр. 146 сл.

² См. уже упоминавшуюся нашу статью: Наследственность и выборность у древних народов Центральной Азии. ПИДО, 1935, № 7—8.

передачей должностей отмечается Ф. Энгельсом для периода варварства. Ф. Энгельс считает, что подобной замене у древних германцев способствовало не только увеличение территории племенного союза, при котором вообще становилось невозможным проведение выборов, но, главным образом и в первую очередь, — узурпация богатой частью родовой знати органов родового строя. Укрепления своего господства гуннская знать достигла двумя способами: развитием рабского труда у себя в хозяйстве и превращением своего рода и племени в дружины, окружающие шаньюя, в состав которых, очевидно, входили и вольноотпущенные рабы.

Несмотря на значительную степень классового расслоения гуннские племена еще до первых веков христианской эры сохраняют в значительной мере первобытно-общинные формы производства. Гунны искусственно сохраняют родовой строй. На его основе построено деление всех гуннских племен, организация войск. По всей вероятности, у гуннов произошла смена классификаторской системы родства описательной — характерное явление при возникновении патриархально-семейных отношений. Свидетельством родового строя является отмеченный летописями левират, т. е. брак на мачехе и женах братьев, будучи пережитком группового брака, в данном случае имеет экономический смысл, так как ведет к сохранению приданого жены и потомства в пределах данного рода после смерти мужа.

В соответствии с системой социальных отношений находятся и идеологические надстройки. В китайских летописях можно усмотреть отмечавшиеся уже указания на шаманство. Анимистические представления и пережитки тотемизма запечатлены погребальным ритуалом гуннских могильников. Свидетельством тотемистических представлений являются и анализированные бляхи из ноинулинских курганов. Подчеркиваю, что это только переживания древнего тотемизма, находящие свое отражение, в частности, в зверином стиле. С точки зрения отражения социально-экономических условий можно рассматривать и памятники искусства из гуннских могильников, в числе которых имеются и местные изделия и вещи иноземного происхождения. Западные грекобактрийские ткани являются здесь элементом заносным, полученным в результате либо торговли, либо просто грабежа.¹ Такого же происхождения и китайские

¹ См.: К. Тревер. Памятники грекобактрийского искусства. М.—Л., 1940. Там же литература вопроса. Ткани, видимо, все же более позднего времени, чем их датирует К. Тревер. О гунно-китайских и эллинистических влияниях см.: Zaltan Takacs. Some Indo-Hellenistic and Hunnic Art Forms, OZ, 1929, вып. 4 (подробнее эта литература указана далее, в гл. XV).

вещи, часть которых получена в порядке дани или личных подарков китайских императоров.

На основании дошедших до нас гуннских слоев, сохранных китайскими источниками, ряд ученых пытался сблизить гуннский язык с современными—тюркскими, монгольскими, тунгусскими и др. Такие аналогии проводили, например, Ф. Хирт,¹ К. Ширатори,² В. Панов³ и др. На основании произведенного ими анализа лингвистических данных можно утверждать, что единого гуннского языка не существовало. Гунны говорили на различных языках и диалектах, из которых позднее развились тюркские и, быть может, монгольские языки.⁴ Отсутствие единого государственного языка также заставляет предполагать, что у гуннов не было еще государства. В период владычества гуннского племенного союза складывались тюркские, возможно, и монгольские племена.⁵

Формирование же тюркского народа надо отнести к более позднему периоду — к VI—VII вв. н. э.

---

¹ F. Hirth. The Ancient history of China, стр. 66—67.

² К. Shiratori. Sinologische beiträge zur Geschichte der Türkenvölker. Über die Sprache der Hiung-nu und Tunghu Stämme. ИАН, XVII, 1902, № 2. См.: Sur l'origine des Hiong-nu. JA ССII. Работа К. Ширатори, напечатанная в «Известиях» Академии Наук, первоначально была издана в Токио в 1900 г. под тем же заглавием. Рецензию Мункачи (Munkacsí) на первое издание см. в: RO, 1903, IV, стр. 240—253.

³ В. Панов. К истории народов Средней Азии. I, Сюнну (Хунну). Турецкое происхождение народов Сюн-ну (Хунну) китайских летописей. Владивосток, 1916, быть может, о Панове и Ширатори см.: К. Иностранцев. Хунну и Гунны, 2-е изд. Л., 1925, послесловие.

⁴ А. Н. Бернштам. Происхождение турок. ПИДО, 1935, № 5—6, стр. 43—54. По этому вопросу см. также: К вопросу о происхождении скотоводства у монголов (в сб. по истории одомашнения животных, Л., 1936, особенно стр. 411 и сл.). Ср. мнение О. Франкэ о том, что гунны были наполовину тюркские, наполовину тунгусские племена. См. его: Geschichte das Chinesischen Reiches, I, Berlin—Leipzig, 1930, стр. 240 (том II вышел в 1936 г.).

⁵ О тюркоязычности не только гуннов, но их предшественников — племен жун и ди см.: Th. W. Kingmill. The Ancient Distribution of Peoples on the Western and Northern Frontiers of China. ChR, т. XXV, 1900—1901, стр. 217. По вопросу о древних племенах Китая, с которыми генетически связаны гунны, см. его статьи в: ChR, XXV (Han Wu Ti and the aboriginal tribes of the south-western frontier of China): VII (Ethnological Sketches from the Dawn of History). К. Ширатори считал восточных гуннов монголоязычными (К. Shiratori. Sur l'origine des Hiong-nu. JA, 1923, стр. 71). Этой же точки зрения придерживался и П. Пелльо (см.: R. Grousset. Histoire de l'Extrême Orient, Paris, 1929, стр. 207). Кай Доннер отмечал возможность скрещения гуннских племен с иранскими и появлением в их языке соответствующей лексики (Kai Donner. Sibiriens Folk och Forntid. Helsingfors, 1933). Отто Мэнчэн Хэлфен считал гуннов (основное ядро) небольшой «нацией» и полагал, что они говорили на языке проточувашского типа (Otto Menchen Helfen. Huns and Hiong-nu. Byzantion, XVII, стр. 225).

Совершенно ясно, что как в культуре, так и в языке гуннов происходили значительные изменения. Общность же древнетюркских и древнемонгольских элементов широко известна.

Обогащение тюркской лексики, очевидно, происходило на почве связи с племенами Средней Азии.

Что это значит? Это значит, что когда развитие завоевательных походов гуннов приблизило их к границам Средней Азии, к тем областям, где обитали тюркоязычные племена (например, Семиречье, Тяньшань, правобережье Сыр-Дарьи), издавна связанные с земледелием, с восточноиранскими племенами, то они заимствовали и включили в свой словарный фонд дополнительную лексику, неизвестную им, когда они господствовали в степях Центральной Азии или на равнинах Южной Сибири.

Все эти процессы скрещивания и обогащения тюркских языков происходили давно и лишь усиливались в период владычества гуннов. «Скрещивание языков — говорит И. В. Сталин — есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет».¹

Учитывая, что в последующий период на территории распространения и движения гуннов в основном сформировались народы тюркской языковой системы, можно с большей долей вероятности предполагать, что именно тюркская речь преобладала у гуннов и в гуннском племенном союзе лишь получила толчок к своему дальнейшему развитию. Напомню, что И. В. Сталин указывал, что основные черты языка складываются «еще в глубокой древности, до эпохи рабства».² Следовательно, есть все основания полагать, что и тюркские языки складываются по меньшей мере с середины 1-го тысячелетия до н. э., т. е. в «скифский период».

---

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 29.

² Там же, стр. 26.

Глава II

МОДЭ ШАНЬЮЙ И СЛОЖЕНИЕ ВОЕННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ГУННОВ

В основу нашего дальнейшего исследования мы, как и наши предшественники, положили текст Шицзи о гуннах. Сведения о последних сосредоточены в главе 110 названного сочинения. Это наиболее старый источник о гуннах и в частности о Модэ. Как известно, Сымацянь давал описание событий в «Исторических записках» до 99 г. до н. э. и сам был таким образом современником первых этапов истории гуннского племенного союза.

Текст Шицзи о гуннах и лег в основу всех последующих древних китайских авторов сочинений.

Баньгу (I в. н. э.), составляя свою «Историю старшей Хань», почти дословно списал текст Шицзи. Весь раздел о Модэ шаньюе абсолютно точно воспроизведен в Цяньханьшу. Однако, помимо простого копирования текста, Баньгу внес и кое-что новое. Наиболее важным является включение в текст о Модэ его письма, отправленного китайской императрице Гаохоу, написанного в весьма дерзких выражениях. Кроме того, имеется еще ряд мелких различий, которые в общем не существенны. История гуннов в позднейших династийных историях, после гибели гуннского племенного союза, известна нам только в Цзиньшу. Однако там упоминается Хуханье шаньюй, о Модэ же нет никаких указаний. Таким образом, Шицзи и Цяньханьшу являются главными источниками наших знаний о Модэ и первый из них — основным.

Кроме династийных историй, сведения о Модэ шаньюе мы имеем в историческом сочинении Минской эпохи в Тунцзянганму. Здесь сведения о Модэ разбросаны по тексту главным образом шестой тетради первой части и значительно более кратки, чем в первых двух сочинениях. Следует указать также,

что в Тунцзяньганму имеется указание на письмо Модэ шаньюя к императрице Гаоху, из чего мы можем заключить, что составитель обратил внимание на разницу в показаниях Шицзи и Цяньханьшу.

В Тунцзяньганму есть также некоторые детали, которых нет в первых двух источниках. Как бы они малы ни были, они важны потому, что свидетельствуют о привлечении составителем иных данных, которые только благодаря его труду дошли до нас.

Таковыми деталями отличаются привлеченные нами две известные энциклопедии; во-первых, Вэньсяньтункао (XIV в.), во-вторых, Тушущичэн (XVII в.).

Первая энциклопедия составителя Мадуаньлина была закончена в XIV в. В разделе «Сиюй», т. е. *западные страны*, имеется глава о гуннах, довольно точно переписанная из Цяньханьшу. Повторяем, что встречаются детали, в общем весьма несущественные, которые, однако, говорят о некоторой самостоятельности автора и привлечении им новых данных для соответствующего раздела. Глава о Модэ, в целом, идентична с династийной историей, хотя в ней встречаются некоторые разночтения, не меняющие, правда, общего смысла текста.

В аналогичном положении находятся и соответственные разделы более поздней энциклопедии, маньчжурского времени, составленной при императоре Канси под названием «Тушущичэн». Если в обстоятельном очерке о гуннах и имеется много данных, которые отсутствуют в первых двух источниках, то по истории Модэ шаньюя ничего нового обнаружить не удалось. Следует указать, что раздел о Модэ хотя и не буквально скопирован с династийной истории, но почти дословно пересказан.

Итак, мы берем в основу текст Шицзи и Цяньханьшу, дополняя его теми сведениями, которые нам удалось обнаружить во всех вышперечисленных сочинениях. Особо важные разночтения мы будем оговаривать в сносках. Поскольку эти источники переведены, то нет особой нужды отсылать к первоисточнику. В основном, мы цитируем переводы, и только в отдельных случаях, где перевод подвергается пересмотру, отсылаем читателя к первоисточнику.

Еще в конце IV в. до н. э., как указывалось, началась постройка стены, известной впоследствии под названием «Великой китайской». Она должна была защищать Китай от нашествия кочевников — соседящих с ним на севере жун и ди.

О племенах жун и ди мы имеем очень мало сведений. Известно лишь, что они были кочевниками, населявшими север-

ные провинции Китая.¹ Во времена Чжоуской династии источники отмечают на западе по течению Желтой реки племена жун. По р. Ло (приток Желтой реки Хуанхэ) были племена ди.

На севере за Хуанхэ были гунны (хюньюй или хяньюнь).² По данным китайского источника Вэйлио (III в. н. э.), Э. Шаванн отмечал западных соседей Китая, в том числе и племена ди в провинциях Ганьсу, Шаньси и др.³

Племена жун и ди известны были в Китае и в III в. н. э. Китайский источник Вэйлио отмечает: «У каждого (из их

---

¹ Одни из наиболее ранних статей, посвященных исследованию китайских текстов о кочевых племенах в древнейшем Китае, принадлежат: Platt. Die fremden barbarischen Stamme im alten China. SKAW. Фил.-ист. отд. 1874, вып. 2. стр. 450—522. Приводимое им описание племен жун (западные варвары) свидетельствует о чрезвычайно низкой степени их развития (стр. 477: «Между отцом и сыном не было никакого различия. Они жили совместно в своем доме»). Наиболее древнее упоминание в Шицзи отнесено к 1122 г. до н. э.

О роли племен жун и ди во время «анархии и большого морального кризиса» (выражение М. Гранэ) см.: Marcel Granet. La Civilisation Chinoise, Paris. 1929, стр. 28, 34; см. там же главу «Китайцы и варвары». стр. 85 и сл. Наиболее ранние набеги кочевников беспорочно способствовали крушению рабства в Китае. Если признать, что Китай был рабовладельческим в Чжоускую эпоху (см.: М. Г. Андреев. Институт рабства в Китае. Проблемы Китая, № 1, 1929), то связь Северного Китая с кочевниками Центральной Азии напоминает собой отношение античного мира и варваров «не-римлян». Во всяком случае кочевники доханьской эпохи, как и гунны и кочевники послеханьской эпохи (тоба), способствуют росту и развитию феодальных отношений Китая, и не учитывать начало этого процесса еще с эпохи Цинь, особенно историкам Китая, нельзя (см.: М. Гранет, ук. соч., стр. 95—99; см. также об утрате значения рабства в период троецарствия: М. Г. Андреев, ук. соч., стр. 265 и сл.). Не без близкого и непосредственного участия кочевников проводятся реформы в Циньском государстве во времена Шихуанди (221—210 гг.) (см.: Гранет, ук. соч., стр. 114 и сл.).

Централизация Китая в эпоху Цинь приводит к стремлению Китая оградиться от кочевников. Начинается строительство Великой китайской стены (М. Гранет, ук. соч., стр. 127). По вопросу о рабстве в Китае см. также из последних работ: Toni Pirroni. Beitrag zum Chinesischen Sklavensystem. Tokyo, 1936. В этой работе приводятся факты о рабстве в Китае, начиная с Чжоу (стр. 8), а в эпоху Хань уже имеются точные декреты об институте рабства (стр. 13). Проблема рабства толкуется в широком плане (стр. 5). Историю гуннов в связи с Китаем с древнейших времен см. также на русском языке у: Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, II, стр. 79 сл.

² F. Hirth. The Ancient History of China, стр. 168, карта ди (по Сымацяну), стр. 185, 188 и сл. О жун см. там же, а также стр. 219 (о событиях конца VII в. до н. э.) и стр. 263 (о середине V в. до н. э.). Ф. Хирт указывает, что «варвары жун, вероятно, гунны», которые в период 468—441 гг. до н. э. особо усилили свои набеги внутрь Китая (стр. 263).

³ Ed. Chavannes. Les pays d'Occident d'après le Wei Lio, TP, ser. 2, VI, 1905, стр. 520.

племен, — А. Б.) свои князья и вожди, которые большей частью получают от Срединной империи свои земли, свои титулы и приносятся (ею для выполнения государственных должностей, — А. Б.) или устраняются».¹ Источник отмечает у них особый от китайского язык. . . «Они умеют ткать полотно; они хорошие земледельцы, они возвращают и кормят свиней, быков, лошадей, ослов, мулов. Когда женщина выходит замуж, она одевает женлу (одежды, — А. Б.), который своей вышивкой и украшениями напоминает иногда женлу кянов (тибетские племена, — А. Б.), иногда же туники Срединной империи. Все плетут свои волосы в косы. Многие из них знают язык Срединной империи, так как они раньше жили в Срединной империи, смешиваясь с населением, но когда они вернулись в лоно своих племен, они, естественно, говорят на языке ди. В свадьбах имеются (обряды, — А. Б.), похожие на свадьбы кянов. Эти (народности, — А. Б.) составляют то, что когда-то называли западными жунами. Что же касается тех, которые обитали в районах Юдан, Ци, Сянтао, в провинции Ганьсу, хотя в настоящее время они находятся под китайским управлением, они тем не менее сохранили, как и в прежние времена, своих князей и вождей, которые живут на своей территории и среди своих племен. Кроме того, в прежней области в окрестностях Нинпиня и Кян (Ганьсу, — А. Б.) имеются также племена, насчитывающие более 10 тысяч человек».²

Э. Шаванн отмечал на севере Китая в 25—85 гг. н. э. еще племена цзылу. «Цзылу были первоначально хюн-ну; цзы было словом, которым хюн-ну обозначали рабов». Эти рабы, после распада древнего общества гуннов, заняли области в районе Шачжоу, р. Хэйшуй. Э. Шаванн намечает их границы на запад от Шачжоу на восток от горного массива Хэланьшань, где они пасли свой стада и искали пропитание охотой.³

«Их племена постоянно увеличивались, насчитывая до нескольких десятков тысяч человек. Они не тождественные племенам Запада, которые принадлежат к Вэйби (сяньби, — А. Б.). Они не одной расы: среди них имеются танху и динлин; в довольно значительном числе также кяны, которые живут вместе с ними. И это потому, что первоначально они были рабами ханну».⁴

Указанные племена были ближайшими предками гуннов.

---

¹ Ed. Chavannes. Les pays d'Occident d'après le Wei Lio. TP, ser. 2, VI, 1905, стр. 522.

² Там же, стр. 524—525. Цяны (кяны) — племя тибетского происхождения, обитавшее в провинциях Ганьсу и Сычуань.

³ Там же, стр. 525.

⁴ Там же, стр. 526.

Скотоводы жун и ди входят позднее в состав гуннской орды, расцвет которой падает на конец III в. до н. э. Принято считать, что название этого нового объединения — китайское и обозначает «злой невольник». Впоследствии оно удержалось за кочевниками как племенное название. Такого типа трансформацию названий мы наблюдаем в истории неоднократно; так, например, произошло с термином «казах» и «хазар»¹ и т. д. Возможно (и это более вероятно), что здесь и обратное явление, китайцы этимологизировали этноним «гунн». Если племена жун явились ближайшим этническим субстратом гуннов, то северо-западная часть племен ди связана с формированием древних уйгуров. Остатки этих ди — уйгуров мы видим в племенах желтых уйгуров провинции Ганьсу.²

Натиск кочевников в конце III в. до н. э. (220 г.) и разгром их в 216 г. заставил китайцев укрепить стену в районах Ганьсу, Шеньси и Ордос, вдоль р. Хуанхэ, являвшейся естественным рубежом между кочевниками и земледельцами. К этому именно времени в степях создается объединение кочевников, известных под названием гунны, основные этапы сложения которых мы дали выше.

Политическая история гуннов начинается обычно с Туманя, которому в результате внутренних неурядиц в Китае удалось захватить область Ордос, завоеванную в 215 г. китайским полководцем Мынтянем.³ С именем Туманя связано первое крупное движение гуннов, вторжение их в Китай и создание гуннской варварской «империи» на Востоке.

Наследовавший Туманю в 209 г. его сын Модэ вступил на «престол», перейдя через труп своего отца, который был убит по повелению Модэ.⁴

Наличие неурядиц внутри гуннского общества дало повод их восточным соседям-кочевникам дунху потребовать дань лошадьми. Требование дунху Модэ удовлетворил, так же как второе требование о предоставлении им рабынь (яньчжи). Характерным является отказ шаньюя Модэ предоставить дунху земельный участок, пограничную полосу между дунху и гуннами (песчаную степь от Монголии до Калгана на юго-запад). Китайские летописи передают разговор, происшедший

¹ См., например: сб. «Казакки», вып. 11, Л., 1927, стр. 14—16.

² Фактические данные о племенах жун, а особенно ди см.: Г. Г р у м м - Г р ж и м а й л о. Белокурая река в Средней Азии. ЗРГО, Отд. этногр., XXXIV, СПб., 1909. Концепция автора не принята советской наукой. Ср.: М. Т р о ф и м о в а. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М.—Л., 1949, стр. 26 сл.

³ Mailla, Histoire de la Chine, Paris, II, стр. 398. — E. Parker. The Turko-Skythian Tribes, ChR, XX—XXI, стр. 6.

⁴ Mailla, ук. соч., стр. 496—497.—De Groot, I, стр. 49—50.— E. Parker, ук. соч., стр. 7—8.

между Модэ и представителями родов: «Модэ спросил совета у своих чинов, и они сказали: „Это неудобная земля; можно отдать и не отдавать”. Модэ в чрезвычайном гневе сказал: „Земля есть основание государства; как можно отдавать ее?”. Всем, советовавшим отдать землю, отрубил головы».¹ Такое поведение Модэ согласуется с утверждением К. Маркса о том, что для кочевников-скотоводов «большие необитаемые пространства являются главным условием» для содержания скота, почему «монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства».² Это условие существования кочевников, отмеченное К. Марксом, а также необходимость связи кочевого общества с земледельческими обществами для получения продуктов производства последних являлись стимулом для развития военных действий по покорению областей на север от гуннских кочевых племен, или грабежу и завоеванию северных провинций Китая, южного соседа гуннов. При Модэ и начинается период гуннских завоевательных походов. После победы над дунху и юечжами Модэ в 204 г. вторгается в Китай, затем покоряет динлинов (племена Южной Сибири по северной границе гуннов) и занимает нынешнюю Джунгарию.³ С именем Модэ связывается «реформа»: создание 24-классной системы управления и установление четырех верховных должностей (восточного и западного чжуки-князя, восточного и западного лули-князя),⁴ а также выделение земель, в пределах которых гунны, вернее, три их рода — хуянь, лань и суйбу, «перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде».⁵ Можно предпологать, что с именем Модэ связывается процесс сложения в кочевом гуннском обществе своеобразного типа «сельских» кочевых общин, над которыми стоят их начальники «старосты», власть которых при Модэ передается по наследству.⁶

Подтверждение нашего предположения находим и в харак-

---

¹ Бичурин, стр. 13.—Е. Рагкер, ук. соч., стр. 8.—Mailla, ук. соч., стр. 497. По поводу *Яньчжы* Майя делает примечание, что это чисто «татарский термин и этим термином они называют женщин шаньюев» (см. прим. 1 на стр. 497; см.: De Groot, стр. 51—52 (требования дунху и ответы Модэ).

² К. Маркс. К критике политической экономии. 1938, стр. 146.

³ См.: De Groot, стр. 61—62. По поводу динлинов автор указывает, что их область лежит севернее кангюй, они скотоводы, белые и голубоглазы (стр. 62).

⁴ См. о внутреннем устройстве гуннов: De Groot, стр. 56, 59 сл.

⁵ Бичурин, ч. 1, стр. 15.

⁶ Там же, стр. 14—15. Судя по Цзиньшу, позднее у гуннов было четыре знатных рода: «Хуянь, Бу, Лянь и Цяо; род Хуянь самый знатный» (ЦШ, гл. 97, л. 14а). Ср. нашу рецензию на книгу Говэрна: ВДИ, 3—4, 1940. См. прил. I.

тере локальных, изолированных могильников, которые (например, Ильмовая падь) четко разделяются на самостоятельные отдельные группы могил, соответствующие родовым кладбищам внутри общего могильника. О том же свидетельствует характер городища, которое типично для периода разложения первобытного общества — эпохи сельских общин, когда ремесло еще не отделилось от общины, т. е. еще не возникло второе общественное разделение труда.

В период Модэ мы сталкиваемся с наследственным правом, которое возникает на основе древних родовых традиций. Модэ — представитель той старой племенной знати, подобно франкской, которая, как указывает Ф. Энгельс, в большинстве своем погибла при переселении народов. Совет старейшин только подтвердил права узурпатора. Подтвердил постольку, поскольку шаньюй выполнял требования народа. Нарастание противоречий приводит к уничтожению наследственности шаньюя и к возобновлению выборности.

В 197 и 176 гг. до н. э. Модэ организует два похода в Китай, в результате которых гунны получают дань от Ханьской династии (основана в 202 г. полководцем Любань, получившим посмертный титул Гаоцзу) и заключают договор с Китаем на основе «мира и родства», скрепленный, как обычно, браком Модэ с китайской царевной. Китайцы обязаны были поставлять гуннам шелка, продукты земледельческого производства и т. д.¹

Дальнейшая история гуннов связана с походами на юечжей, покорением племен у оз. Лоб-нор и в отрогах Тяньшаня, покорением усуней, кочевавших в районе южного Семиречья и Тяньшаня, наконец, покорением племен в северном Семиречье до Иртышу—уге и на Енисее предков кыргызов — тяньгунь,² на Алтае — кыпчаков (цзюешэ).

С именем шаньюя Модэ в литературе обычно связывают Огуз-кагана, легендарного героя преданий о происхождении тюркского народа.

Неоднократно в истории наблюдается превращение конкретной исторической личности в легендарного героя народных

¹ De Groot, стр. 63 сл.

² См.: Н. Cordier. Histoire Generale..., I, стр. 225—226. — De Groot, стр. 74 и сл. Ср. наши статьи о происхождении гуннов и древних племен: СВ, I; СЭ, вып. 6—7. См. одну из ранних работ о племенах Средней Азии того времени: Fh. W. King'smill. The Intercourse of China with Eastern Turkestan and the Adjacent Countries in Second Century B. C. JRAS. XIV, 1882. Многие предложения Кингсмилла в части отождествления среднеазиатских местностей с китайскими наименованиями затем вошли в литературу. В этой связи весьма любопытна также статья: J. Edkins. Names of Western Countries in the Shiki. ChR, XVI, 1889/85, стр. 251—255.

саг и преданий. Фантастика и преувеличение деяний исторической личности неизменно сопутствуют его превращению в легендарного героя. В большей или меньшей степени сохраняются черты действительных событий, характеристика деятельности, территории бытования и сопредельных государств, с которыми герою пришлось сталкиваться. Степень трудности извлечения правды из таких легенд зависит от древности конкретного события, передаваемого легендой, и обработки сюжета легенды общественной средой, где она бытовала.

Аттила «виновник» столь многих легенд и преданий, спустя примерно шесть веков после своей смерти выступил уже с достаточно большим налетом фантастики, хотя и пронес через шестивековой промежуток времени бесспорно для него характерные черты «варварского» князя. Мы имеем в виду Аттилу в образе Этцеля в «Песне о Нибелунгах».

В легендарной истории об Огуз-кагане у тюркских народов собрано не мало легко устанавливаемых конкретных исторических фактов.¹ Но сам Огуз-каган не реален и представляется истинно мифической личностью, хотя по известной легенде и участвует в событиях, имевших место в действительности.

Однако аналогии с легендами, связанными с Аттилой, предостерегают от обращения центральной действующей фигуры предания в простой вымысел. Хочется и здесь найти отражение достаточно яркой исторической личности, которая послужила основой для народных сказаний. В отношении главного героя саги об Огуз-кагане мы как будто имеем возможность найти конкретную историческую личность, которая в легенде предстала перед нами в качестве мифического героя — кагана.

Предвосхищая дальнейший анализ, укажем, что легендарный Огуз-каган, предания о котором попали в многие письменные источники (Рашид-ад-Дин, Хондемир, Абульгази), несомненно, образ синтетического порядка (особенно по некоторым вариантам легенды). Огуз-каган — позднейшее легендарное отражение гуннского шаньюя Модэ или Маотуня.

Легенды об Огуз-кагане всегда отмечают борьбу между Огуз-каганом и его отцом Кара-ханом. Об этом рассказывается в легендах о происхождении тюрков у Абульгази² и у Рашид-ад-Дина.

«Отец его (Огуз-кагана, — А. Б.), дядя и родственники напали на него, с обеих сторон построились в ряды и срази-

---

¹ См. нашу статью: Историческая правда в легенде об Огуз-кагане. СЭ, вып. 6, 1935.

² Абуль-гази Бахадур Хан. Родословное древо тюрков. Пер. Г. С. Саблукова, Казань, 1906.

лись. В битве Кара-хан был поранен сабельным ударом и от той раны умер. Так как к Огузу пристало многочисленное отделение из племен и дядей его, то они вели войну друг с другом около семидесяти пяти лет, состояли в распри с улусом и войском».¹

Борьба между отцом и сыном как следствие разных религиозных убеждений — позднейшая интерпретация древних событий, когда об исламе не могло быть и речи. По уйгурскому варианту, Огуз проявил себя богатырем в борьбе со зверями. Последние, по всей вероятности, являются тотемами враждебных племен. Эту борьбу с «враждебными» тотемами отражает, по нашему мнению, и звериный стиль гуннской эпохи — стиль «борьбы зверей».² Во всяком случае, если историческая личность Модэ и мифический Огуз и не одно и то же, то деятельность Модэ и Огуз-хана, отраженная в китайской летописи и в многочисленных вариантах сказаний, относится к одному и тому же периоду, характеризует один и тот же исторический этап. Бесспорно, что этот этап отнюдь не время реформ феодального порядка, как предполагалось некоторыми исследователями. Из описания как деятельности Модэ, так и Огуз-хана и его преемников этого вывести нельзя. От Огуз-хана, когда он стал правителем и завоевал многочисленные страны, отделилась часть племен, которые Рашид-ад-Дин называет «неверными». „Некоторые из дядей, братьев и племянников, не присоединившихся к нему (Огуз-хану, — А. Б.), поселились в восточной стороне, и относительно их так утверждено, что все монголы суть их потомства. В ту эпоху они были все «неверные»”.³ Отрывок интересен указанием на какую-то общую для тюрков и монголов эпоху. Реформа, связанная с именем Кун-хана, царствовавшего после Огуза, была подсказана ему советником по имени Игит Иркыл Ходжа. Суть «реформы» Кун-хана состояла в следующем: «чтоб достоинство, путь, имя и прозвание каждого в отдельности были определены и утверждены, и каждому (дан, — А. Б.) какой-нибудь знак и тамга, чтоб тем знаком и тамгой нарочито обозначались указы, сокровищницы, табун и стадо, во избежание от кого бы то ни было ссоры и сопротивления одного с другим; дети и последующие потомки их да ведают каждый свое имя, прозвание и свой путь, чтоб было это причиной прочности

¹ Рашид-ад-Дин. История монгол. Пер. Н. Березина. ТВО, V, стр. 17.

² См.: В. В. Гольмстен. Из области культа древней Сибири. Сб. «Из истории докапиталистических формаций», ИГАИМК, вып. 100, стр. 101.

³ История монгол, пер. Н. Березина, ТВО, V, стр. 17.

государства и вечного существования доброго имени их».¹ Как следует из этого отрывка, происходило разделение и выделение территорий отдельных общин. Суть «реформы» Модэ — в узаконении отдельных участков, — это процесс разделения территории, не имеющей ничего общего с «реформами» феодального государства.²

Подобные «реформы» производились во времена Модэ и при его наследнике Циюе, у которого был советник китаец Чжунсинюе (см. далее).

Упоминаемые в уйгурском варианте столкновения Огуза с Румом (Малая Азия? — А. Б.), переход его через Итиль (Волгу) и т. д., очевидно, не относятся к конкретной исторической личности. Здесь с Огуз-каганом связывается довольно длительный период истории кочевого общества, вся деятельность которого сведена к подвигам одного человека.

Тотем гуннов, распространенный среди кочевых народов бык-як, персонифицировался позднее в легендарном Огуз-кагане. Как известно, имя кагана «Огуз» значит по-тюркски бык.³

В предании об Огуз-кагане имеются и другие любопытные сведения. Его мать называлась *Ай-каган*. Любопытно употребление для названия матери Огуз-кагана мужского термина *каган*, а не женского *катун*. *Ай-каган* значит буквально *луна-каган*, *лунный каган*. Это образ женщины-мужчины Иштари свидетельствует о смене матриархата патриархатом. На то же указывает и приведенное уйгурское предание, гласящее, что Огуз-каган не принял молока матери, а ел мясо животных, и т. п.; все это служит доказательством смены матриархата патриархатом на базе скотоводства. Эта смена форм социальных отношений отражена и сменой культа тотемов культом предков. Культ предков дает начало генеалогиям, восходящим к легендарной личности Огуз-кагана и Ай-кагана.

Реформа Модэ отражена в предании об Огуз-хане, об организации последним племен тюрков, о 24-классной системе управления, о дележе наследства между сыновьями. Это не «феодалная» реформа, а отражение определенного этапа этногенетического процесса у кочевых, скотоводческих племен,

¹ История монгол, пер. Н. Березина, ТВО, V, стр. 24. В самом имени Кун-хана мы видим пережиток этнонима гунны. Сопоставление Кун — гунн неоднократно в научной литературе. См.: J. Markwart, *Wehrot und Arang*. Leiden., 1938, стр. 39. См.: С. Толстов, СЭ, вып. 3, 1947.

² По этому поводу см. нашу статью: Историческая правда в легенде об Огуз-кагане. СЭ, вып. 6, 1935. Ср.: С. Толстов, Города гузов. СЭ, вып. 3, 1947.

³ См.: А. Н. Бернштам. Изображение быка..., ПИДО, № 5—6, 1935, стр. 127 и сл.

гуннов, предков прежде всего тюркских племен Центральной Азии и главным образом уйгуров. Не случайно господствующая часть «новых» племен получает тамги, онгоны и части мяса быка в качестве эмблемы рода. Получение различных частей мяса быка по определенной системе указывает на связь с предком. «Реформа» Модэ адекватна «реформе» Огуза. И та и другая отражают этногенетические процессы, имевшие место в гуннское время. Таким образом, по всей вероятности, мы здесь имеем дело с обособлением кочевников от охотников, с возникновением патриархальных отношений, с организацией столь характерного для последнего этапа первобытно-общинного строя военного дела, с сложением кочевых скотоводческих общин и обособлением пользования отдельными общинами-племенами самостоятельными пастбищами для кочевания, с установлением системы управления в пределах варварского кочевого племенного союза (24-классная система).

Легенды об Огуз-кагане связывают всю историю кочевых племен с его личностью. При анализе легенды приходится выделять ряд позднейших наслоений. Мы постарались выделить элементы, которые, по нашему мнению, относятся к гуннскому периоду.

Глава III

ГУННЫ ДО ИХ РАЗДЕЛЕНИЯ НА ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ

После смерти Модэ (174 г. до н. э.) ему наследовал его сын Лаошанцзюй.¹ С Цзюем связаны известия о проникновении к гуннам китайского письма, которому их научил китаец Чжунсинюе, изменивший дому Хань и перешедший к гуннам.² Некоторое время продолжают мирные взаимоотношения между гуннами и Китаем (с императором Вэньди), нарушенные в 166 г. походом гуннов на Китай. В результате похода было захвачено «великое множество народа, скота и имущества».³ После разгрома китайцев император Вэньди сам предложил гуннам союз на основе «мира и родства» и, кроме того, дань: «Хунну лежит в северной стране, где убийственные морозы рано наступают; поему указано чиновникам посылать ежегодно известное количество проса и белого риса, парчи, шелка и разных других вещей».⁴ Однако дань с Китая не всегда удовлетворяла гуннов, и они организуют неоднократные походы, в результате которых уводят пленников из Китая в рабство. К получению рабов гунны стремились потому, что рабы способствовали известной экономической эмансипации прежде всего шаньюйского рода и созданию необходимых гуннам отраслей производства. Цели своей они достигали либо грабежом и покорением (включением в свой состав) ряда земледельческих племен, либо уводом в рабство и организацией своеобразных «колоний» рабов, обязанных поставлять им продукты своего ремесла и земледелия. Наличие так называемых китайских «колоний» на дальнем, по сравнению с Китаем, севере, прослеживаемое по археологическим данным, подтверждает это предположение. С именем Цзюя свя-

¹ De Groot, гл. V, стр. 80 сл.

² Там же, стр. 80—81. Китаец Чжунсинюе оставил описание гуннов, в котором он подчеркивал их отсталый образ жизни: стр. 82.

³ Бичурин, ч. 1, стр. 29. — De Groot, стр. 84.

⁴ Бичурин, ч. 1, стр. 31. — De Groot, стр. 87; ср. § 2, гл. V.

зан не только поход в Шеньси, но и разгром юечжей, очевидно, — их восточного крыла. Однако эта победа гуннов не лишила юечжей их военной силы и вместо восточной ориентации они направляют свое внимание на Фергану и Согд, где вместе с усунями и создают во второй половине II в. до н. э. полукочевое «варварское» государство кушанов.¹

После смерти Цзиюя (161 г. до н. э.) ему наследовал его сын Гюнчэнь. В правление последнего между гуннами и Китаем развиваются мирные торговые взаимоотношения, прерванные китайским императором Вуди в 140 г.² Начавшиеся у гуннов раздоры принесли успех дому Хань. Несмотря на победу гуннов в 128 г. и следующем 127 г. китайский полководец Вэйцин, разбив гуннов, отвоевал Ордос, «взял несколько тысяч человек в плен и увел до миллиона штук крупного и мелкого рогатого скота».³ В результате этой победы над гуннами китайцы обратили большое количество гуннского населения в рабство — важный факт, который надо иметь в виду, изучая дальнейшую историю гуннов.

Внутри гуннского общества начинаются раздоры, в результате которых незаконный наследник, сын Гюнчэня, младший брат шаньюя Ичжисе занял престол.⁴

Успех набегов гуннов на Китай объясняется тем, что жившие в Китае гунны (да и китайцы-крестьяне) изменяли власти античного Китая и переходили на сторону кочевников шаньюя Ичжисе. Например, в 128 г. Чжаосинь с передовым китайским отрядом перешел к гуннам.⁵ Однако с 121 г. китайцы начинают одерживать победу за победой над гуннами, а захваченных в плен гуннов сажают на землю. Так, например, после удачного похода 119 г. «Китайский двор перешел за Желтую реку, от Шофан на запад до Лингюй повсюду провел каналы для орошения полей, посадил до 60 000 военнопашцев (гуннов), и мало-помалу к северу отбирал земли у хуннов».⁶

Уведенные в плен гунны находились в Китае на положении своеобразных колон и рабов, посаженных на землю, и этим объясняются успехи дальнейших гуннских завоеваний,

---

¹ Н. Cordier, *Histoire Général...*, I, стр. 225. Ср.: С. Толстов. Древний Хорезм, стр. 247. — А. Бернштам. К вопросу об усунь| кушан и тохарах, СЭ, вып. 3, 1947.

² О деятельности Вуди и его борьбе с гуннами см.: М. Гранет, *La Civilisation Chinoise*, стр. 128 сл., 130. Успех борьбы Вуди против гуннов объясняется также тем, что Вуди организовал китайскую кавалерию, с успехом выступавшую против гуннов. Там же, стр. 131.

³ И. Бичурин, ч. 1, стр. 36. — De Groot, стр. 110.

⁴ De Groot, гл. VII, стр. 111 сл.

⁵ Там же, стр. 116.

⁶ Бичурин, ч. 1, стр. 41. — De Groot, ук. соч., стр. 143—144.

сопровождающихся восстанием гуннов — «крепостных». Не случайно гунны после удачного похода разоряют все крепостцы и поселения, построенные китайцами.¹

В царствование шаньюев Увэй (114—105 гг.),² Ушулу (105—102 гг.)³ и Гюйлиху (102—101 гг.)⁴ продолжаются торговые и военные связи между Китаем и гуннами. Китай устанавливает торговые связи с Западом во время правления Увэя, в 114—105 гг. Для этого Китай силой оружия освобождает торговые пути на запад. «Китайский двор на западе открыл сообщения с Юечжи и Дахя и выдал царевну за усуньского владетеля, чтобы отделить от хуннов союзные государства на западе; распространил казенное хлебопашество по Чжанлэй».⁵

Китай, заинтересованный в развитии торговых сношений с Западом, добивался установления свободного прохода и в Среднюю Азию, на пути к которой были гунны. Для этого ханьская династия в союзе с другими кочевыми племенами стремится уничтожить гуннов. Юечжи Туркестана стали непосредственными соседями парфянов, и гунны юечжей мало интересовали. Китайские послы (Чжанцянь) подробно описали народы Средней Азии, с которыми китайцам удалось быстро наладить торговые связи.⁶ Два сопротивляющихся княжества,

---

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 48—49 (например, поход Гюйлиху в 101 г в Динсян и Юньчжун). — De Groot, стр. 155. По Цяньханьшу, были походы в Вуюань и Шофан; см.: De Groot, стр. 155.

² De Groot, стр. 145—150.

³ Там же, стр. 151—153.

⁴ Там же, стр. 154—155.

⁵ Бичурин, ч. 1, стр. 44. Чжанлэй, по И. Бичурину, — местность к северу от усуней. См.: De Groot, стр. 149.

⁶ De Groot, стр. 149.—M. Granet, ук. соч., стр. 131 и сл.—Grousset, Histoire de l'Extrême Orient, Paris, 1929, стр. 212 сл. О тохарах см.: В. В. Бартольд. К вопросу об языках тохарском и согдийском. Сб. «Иран», I, 1926. О юечжах-тохарах см.: G. Haloun. Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen überhaupt. Erster Teil. Leipzig, 1926, Im Verlag der Asia Major. Книга известна нам по рецензии Ф. Розенберга в ЗКВ, I. Более подробную трактовку этого вопроса, в частности о юечжах, см. в статье: G. Haloun. Zur üe-tsi-Frage. ZDMG, т. XCI, вып. 2, Leipzig, 1937. См. рецензию: И. И. Умняков, ВДИ, ср. его: Тохары и тохарский вопрос. Труды Узбекск. Гос. Унив. Нов. серия № 31, Самарканд, 1946.—А. Бернштам, ВДИ, вып. 2, 1947. Связь с тохарами имеют поздние тюрки, которые их называют *tokrasin*; см.: W. Radloff. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge, стр. 21, строка 46. Расчленение тохаров на две группы см.: W. Henning. Argi and the Tokharians, BSOS, IX, ч. 3, 1938. О миссии знаменитого Чжан Цяня см.: F. Hirth. The Story of Chiang K'ien. JAOS, XXXVII, 1917; О торговых путях см. работы: A. Herrmann. Die Verkehrswege zwischen China, Indien und Rom um 100 nach Chr. Geb. Leipzig. 1922. Cp. A. Herrmann. Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike. Leipzig, 1939.

Лоулань (около Лоб-нора) и Гуши (Турфан) в 169 г. были покорены китайцами, а союз с усунями укрепил могущество Китая. В 102 г. походом Лигуанли окончательно была установлена связь Китая с Средней Азией и отчасти с Северной Индией.¹ Вместе с тем Китаю, через посредство юечжей и парфян, удастся установить связь со странами Средиземноморья через Фергану, Согд, Бактрию, Парфию и Иран:

В 140 г. бывшие соседи гуннов тохары-юечжи разбили греко-бактрийское царство и угрожали Парфии. В Средней Азии на запад от гуннов образовались два мощных государства парфян и юечжей, поделивших между собою Среднюю Азию и Иран, а юечжи-кушаны впоследствии распространили свою власть на северную Индию и Восточный Туркестан.

Укрепление Ханьской династии и ее успехи в подавлении гуннов были недолговременны. Уже при шаньюе Цзюйдихэу (101—96 гг. до н. э.), по свидетельству Сымацяня, гунны наносят сокрушительный удар в 99 г. китайским войскам, действовавшим под предводительством Лилина. Последний был взят в плен, женился на гуннской «принцессе» и получил в надел от гуннского шаньюя страну Хягас.²

Вопрос о Лилине привлек к себе интерес в советской исторической литературе в связи с открытиями советских археологов.

В 1941 г. Л. А. Евтюхова в содружестве с В. Левашовой начали раскопки руин большого сооружения в районе Абакана, которое содержало мало вещественных остатков, что затрудняло его датировку. Раскопки продолжили в 1945 и 1946 гг., когда и было завершено вскрытие здания. При строительстве шоссе, когда была открыта постройка, срезана юго-восточная его часть, однако значительная часть осталась не-

---

¹ В это время наблюдается недовольство среди гуннов. Суровая зима, падеж скота и неспособность шаньюя облегчить положение гуннского народа приводят к восстаниям (De Groot, стр. 152).

² О походах и жизни Лилина см.: De Groot, стр. 164—172. Интересна переписка Лилина с бывшим в плену у гуннов (затем выкупленным) Соуву. В своем письме он подчеркивает варварский характер гуннского общества, указывает на отсутствие слуг, равноправие, одинаковый для всех быт и т. д. Письмо Лилина см.: G. Margouliès. Le Kou-wen Chinois. Paris, 1925, стр. 93—100; о письме Лилина см. стр. LI—LV. Лилин противопоставляет гуннов Китаю. В Китае за мнимую измену Лилина император уничтожил его семью (De Groot, стр. 11). По Грооту, Лилин был взят в плен, а не изменил Китаю. О Лилине см. также: Mailla. Histoire Générale de la Chine, III, стр. 77—82. Брак на гуннской принцессе помечен 94 г. Об отношении к нему шаньюя см. стр. 82. Биографии Лигуанли и Лилина см. в статье: A. Pfizmaier. Heerführer Li-kuanli und Li-Lind. SKAW zu Wien, XLIV, 1863. О взаимоотношениях Лилина с Соуву см. у него же в статье: Die Geschichte einer Gesandtschaft bei den Hiung-nu's (там же, стр. 581—600).

тронутой, что дает возможность судить о планировке здания в целом.

Глинобитные стены, сохранившиеся на высоту от 0.5 до 1.8 м, дают план прямоугольного дома размером 45×35 м. Здание ориентировано сторонами по странам света. Внутри, в центре находится большой зал площадью в 132 кв. м. Вокруг него расположено 20 комнат в один ряд по северной и южной сторонам и в два ряда по западной и восточной. Все комнаты сообщались между собой дверями. Отопление происходило с помощью канов, на полу в двух комнатах обнаружены очаги.

По всей площади раскопа встречена уплощенная полуэллипсоидная в сечении черепица (58×40 см) и узкая длинная полуциркулярная (62×18 см). С этими длинными черепицами конструктивно связаны круглые налепы в виде диска со штампованными китайскими надписями. В некоторых комнатах найдены бронзовые маскароны — дверные ручки в виде личины рогатого горбоносого чудовища в трехрогой тиаре, с бакенбардами, усами и оскаленными зубами. Кольцо-ручка вставлено в нос. Из других находок должны быть отмечены железный нож, овальное блюдечко из зеленого камня (?), обломок глиняной чаши и фрагменты керамики с вертикальными канелюрами. Эту группу вещей исследователь относит к вещам дальневосточного происхождения — китайского и гуннского производства.

Кроме того, были найдены и фрагменты местной керамики первых веков новой эры, так называемой таштыкской культуры, относящиеся к этому времени бронзовые и золотые украшения (пряжки, серьги и т. п.).

Несомненно, что значительная часть обнаруженных в здании вещей, главным образом архитектурных деталей, — китайского происхождения, что дало право руководителю раскопок Л. А. Евтюховой в первую очередь искать аналогии в китайском материале. Автор исходил из возможности отождествить руины раскопанного здания с «дворцом» известного Лилина в стране Хакас. В значительной степени толчком к этому предположению было и то обстоятельство, что трафаретная по содержанию надпись на дисковидных налепах, прочитанная акад. В. М. Алексеевым («Сыну неба [т. е. китайскому императору] 10 000 лет мира, а той, которой [т. е. императрице] мы желаем 1000 осеней радости без горя»), по характеру знаков и грамматическим особенностям типична для эпохи Хань. Сравнивая архитектурные детали с моделями китайских домов, найденных в Муянчэне и Наньшаньли, Л. А. Евтюхова приходит к выводу о ханьском происхождении постройки. Дополнительной аргументацией являются находки

вещей гуннского времени, как дальневосточного, так и местного происхождения. Стратиграфическое положение находок таштыкской культуры оставалось неясным.

После опубликования первого отчета Л. А. Евтюховой и В. Левашовой¹ мы выступили с рецензией,² где отвергли столь раннюю датировку руин. Наша аргументация сводилась к следующему: архитектурные детали, обнаруженные во время раскопок, которые частично имеют место в ханьскую эпоху, продолжают существовать очень поздно, — до наших дней, а ряд технических особенностей, как, например, клинкерный обжиг черепицы, неизвестен раньше эпохи Тан. То же относится и к бронзовым маскаронам, точная аналогия которым, тоже танского времени, была издана А. Сальмони.³

Находки гуннской и таштыкской культуры мы считаем стратиграфически подстилающими руины, а не перекрывающими.

Далее мы указывали на известное письмо Лилина в Китае Соуву⁴ и отмечали, что маловероятно строительство «дворца» в стране Хакас, ибо Лилин совершенно иначе описывает свою жизнь, явно приспособившись к образу жизни кочевников.

Вскоре⁵ появилась статья Л. А. Евтюховой и В. Левашовой под названием «Ответ А. Н. Бернштаму», где авторы раскопок повторили аргументацию первой статьи, подчеркнув датировку дисковидного налепа акад. В. М. Алексеевым, якобы ограничившим возможность датировки этого предмета ханьским временем. В заключение авторы пишут: «Ни в статье, ни сейчас мы не настаиваем на обязательной принадлежности абаканского дома именно Лилину», и далее несколько меняют датировку, отмечая, что выставленные ими аргументы заставляют «относить его сооружение скорее к эпохе Старших Хань».⁶

На этом дискуссия прекратилась. Однако Л. А. Евтюхова вскоре выступила с новой статьей и изложила результаты последующих раскопок 1945 и 1946 гг., опубликовала план здания и опыт реконструкции, а в конце обобщила свои соображения о датировке и принадлежности постройки. Аргументация та же, что и в первой публикации, несколько больше внимания было уделено находкам местных вещей таштыкской культуры и подчеркнут тезис о том, что они принадле-

¹ Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, вып. XII. 1946.

² Изв. ОИФ, III, № 5, 1946.

³ РАА, VIII, вып. 3, табл. IX, стр. 185.

⁴ См.: G. Margouliès, ук. соч.

⁵ Изв. ОИФ, III, № 6, 1946.

⁶ Там же, стр. 574.

жат, вероятно, к захоронениям в руинах здания, сделанных после его разрушения. Автор снова возвращается к теме, от которой он отказался в статье «Ответ А. Н. Бернштаму» о принадлежности здания Лилину.¹ Аргументация Л. А. Евтюховой основана на том, что китайские источники отмечают строительство дворца и храмов на территориях обитания кочевников (гуннов и усунь).

Малое количество строго датированных находок китайского происхождения в раскопанном доме-дворце и остающееся неясное взаимоотношение руин с находками керамики гуннского стиля и таштыкской культуры оставляют вопрос о датировке здания открытым, тем более, что и сами исследователи, быть может под влиянием моей рецензии, колебались в своих датировках. После уточнения датировок можно будет ставить вопрос о принадлежности руин дворца Лилину (и то в порядке догадки). Нельзя не отметить, что поскольку китайские летописи сообщают о постройке храма в земле гуннов в честь китайского полководца Лигуанли, так как они были хорошо осведомлены о жизни Лилина, то кажется странным отсутствие в источниках указания о строительстве «дворца Лилина».²

Таким образом, существует два мнения: одно, принадлежащее Л. А. Евтюховой, — о ханьском времени постройки и принадлежности ее Лилину, другое, наше, отрицающее эту датировку и, следовательно, принадлежность дворца Лилину. Мы склонны датировать постройку временем не раньше эпохи Тан и скорее всего, основываясь на аналогиях с Фурдучэном и собственными раскопками в Семиречье, связывать ее с эпохой каракитаев.³

Взятие в плен Лилина произошло во время второго похода китайцев, который кончился неудачно для Китая, так как китайский полководец, получив известие во время войны с гуннами, что семейство его обвинено в волховании и род предан казни, собрал свои войска и покорился гуннам. «В Китай возвратились один или два человека из тысячи».⁴ В другом месте летопись говорит, что «семейство эрышского пол-

---

¹ Развалины дворца в «земле Хягас». КСИИМК, вып. 21, 1947.

² Дискуссия, очевидно, повлияла на С. В. Киселева, который в неоднократно цитированной книге «Древняя история Южной Сибири», снабдил название раздела «Дворец Ли Лина» знаком вопроса. См.: С. В. Киселев, ук. соч., стр. 268, что он впрочем отрицает во втором издании своего труда, М., 1951, стр. 484, прим. 3.

³ Кроме указанных публикаций Л. А. Евтюхова напечатала статью на эту тему под заглавием «Древнекитайское здание на Среднем Енисее» (ВДИ, вып. I, 1946, стр. 107—111).

⁴ Бичурин, ч. 1, стр. 51.—De Groot, стр. 173, 175.

ководца было предано казни, и это побудило его покориться хуннам».¹ Однако не один полководец, а все войско, как свидетельствуют китайские источники, перешло на сторону гуннов, у которых, по сравнению с Китаем, было жить во много раз «легче».

Ободренные успехом 97 г., гунны продолжают военные действия и при следующем правителе Хулугу (96—85 гг.) снова совершают в 90 г. свои традиционные набеги на Китай. Характерно, что они «убивают» военачальников и «уводят народ».² Подвластные Китаю провинции в бассейне р. Тарима, и, в частности, Турфан пытались использовать гуннскую победу и отложиться от Китая.³ Последствия успешных действий Хулугу были обычны: он предложил Китаю союз «мира и родства» и потребовал дань вином, рисом и шелковыми тканями.⁴ Вскоре власть перешла к новому шаньюю — Хуиди.

Хуиди был выбран гуннскими племенами. Кризис гуннского племенного союза объясняется китайскими источниками как результат управления неспособных наследников. Племена восстают против «неспособных правителей» и назначают своих избранников. Таким избранником был Хуиди. Наследников предшествующего шаньюя умертвили. Эти факты являются ярким показателем силы родовых учреждений гуннов, борющихся против богатеющей прослойки родовой аристократии.

В правление Хуиди (85—68 гг.) начинается некоторый упадок гуннской орды. В 81 г. нападение Хуиди отбивают китайцы. В это время происходит ряд интересных событий. Гунны, как свидетельствуют китайские известия, занимаются устройством оседлых поселений и магазинов «для хранения хлеба», которыми ведают перешедшие к ним китайцы.⁵ Внутри гуннского общества наблюдается оседание, свойственное кочевникам в период интенсивного классового расслоения. Процесс интенсивного расслоения повлек за собой развитие классовых противоречий, в результате чего гунны значительно ослабевают. В этот период изменяется ориентация гуннских завоеваний. Вместо набегов на Китай, гунны обращают свое внимание на племена и племенные образования, состоящие в союзе с Китаем (в частности усунь) и обеспечивающие Китаю бесперебойную торговлю с Западом. Одновременно сами гунны подвергаются нападению со стороны племен, находившихся прежде в прямой от них зависимости. Голод и падеж

¹ Бичурин, там же. — De Groot, стр. 176.

² И. Бичурин, ч. 7, стр. 52. — De Groot, стр. 177—187.

³ Н. Голль. Скифы и гунны, Прага, 1928, стр. 41.

⁴ И. Бичурин, ч. 1, стр. 55.

⁵ Там же, стр. 57.

«скота, внутренние неурядицы в гуннской орде дали возможность динлинам с севера, ухуаньцам с востока и усуням с запада напасть в 68 г. на гуннов, в результате чего «Хунны пришли в крайнее бессилие»,¹ а китайцам довольно легко было окончательно разбить гуннов.² Кроме того, китайцам удалось подчинить и Турфан, заселив его земледельцами-колонистами.³ Благодаря развившимся междоусобицам внутри гуннов, в короткое время Китаю окончательно удастся завладеть ими и с 57 г. гунны находятся в прямой зависимости от Китая.

---

¹ И. Бичурин, ч. 1, стр. 64. — De Groot, стр. 199—200.

² И. Бичурин, там же. — De Groot, стр. 202.

³ Н. Толль, ук. соч., стр. 43. — De Groot, там же.

Глава IV

РАСКОЛ ГУННСКОГО ПЛЕМЕННОГО СОЮЗА

С 55 г. до н. э. гунны разделились на две орды.¹ Во главе западной орды стоял Хуханье (58—31 гг.), северной руководил его брат Чжичжи. Период Хуханье — время мирных взаимоотношений с Китаем. Потеряв свою былую силу, гунны искали с ним союза. Хуханье первый из гуннских вождей посетил китайского императора в 51 г. и предлагал свои услуги в защите северных границ Китая. Совет старейших гуннов протестовал против предложения принять китайское подданство.

В Китае тоже высказывались против союза с гуннами и поручения им охраны северных границ. Один из полководцев, Ланчжун Хоуин, подал в 33 г. до н. э. императору Юаньди, желавшему принять предложение Хуханье о защите границ от Шангу до Дуньхуана, докладную записку с возражениями, один из пунктов которой гласил: «Рабы и рабыни пограничных жителей без исключения помышляют о бегстве. Они вообще говорят, что у хуннов весело жить, и несмотря на бдительность караулов иногда перебегают за границу... Разбойники, воры и другие преступники в крайних обстоятельствах скрываются бегством на север за границу и там невозможно поймать их».²

Аргументы Хоуина убедили китайского императора, который отказал Хуханье, мотивируя сохранение китайских пограничных караулов следующим образом: «Срединное государство со всех четырех сторон имеет крепости и заставы для предосторожности не только во вне, но и для обуздания неблагомыслящих и своевольствующих жителей Срединного госу-

¹ Подробно об этом эпизоде см.: А. Бернштам. Из истории гуннов I в. до н. э. СВ, I, 1940.

² Бичурин, ч. I, стр. 83. — De Groot, стр. 242. Полный перевод всей записки и ее анализ см.: А. Бернштам. Из истории гуннов. I в. до н. э.

дарства, которые, переходя границу, производят грабительство, и потому для ограждения народного спокойствия предприимлю законные меры». ¹

В представлении правящих кругов Китая гунны являлись союзниками основной эксплуатируемой массы китайского народа, особенно рабов.

Приведенные тексты свидетельствуют о том, что внутри гуннского племенного союза господствовали те формы отношений, при которых эксплуатация еще не вполне развилась. Социально-экономический строй кочевников был в большей степени первобытно-общинным (на этапе разложения), чем классовым. Этим объясняется более «легкое» и «веселое» житье у гуннов и стремление «неблагодарных и своевольствующих жителей» бежать из «цивилизованного» Китая к варварским кочевникам. «Варварством» гуннов только и объяснимы победы их над Китаем.

Предводитель северной орды (иногда она называется западной ордой) Чжичжи после неудачной борьбы с Хуханье удалился с берегов Орхона в Восточный Туркестан, а также пытался установить связь с древними уйгурами, бывшими в то время в районах Кобдо, Тарбагатая и Семипалатинска. В Восточном Туркестане он столкнулся с войсками повстанца Илимю, объявившего себя шаньюем. Чжичжи удалось победить киргизов Семиречья и Енисея, на севере — разбить динлинов. Договор с Китаем не дал ему ощутительных выгод. Война с усунями кончилась неудачей. Укрепление договора Хуханье с Китаем вызвало озлобление Чжичжи. Он убил китайского посланника и заключил союз с кангюйцами, совместно с которыми и воевал против усуней. Усиление Чжичжи на западе и зависимость от него племен Тяньшаня и Семиречья заставили китайцев организовать поход для разгрома северных гуннов, так как усиление их на западе грозило уничтожением налаженных в прошлом торговых путей. В 36 г. китайские войска под предводительством Чэньтана и Ганьяньшоу разбили гуннов и убили Чжичжи. Часть оставшегося племени северных гуннов вошла в состав восточной орды, другая осталась на западе. ²

Еще со времен Дегиня считалось, что с этого момента северные гунны двинулись в Европу. ³ Н. Толль на основании подобных заключений строит свои исторические карты, показывающие движение всех гуннов с востока на запад. ⁴ В Рос-

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 85.—De Groot, стр. 243.

² Об этом см.: АОСК.

³ О концепциях буржуазных ученых, начиная с Дегиня, см.: К. А. Иностранцев. Хунну и Гунну. ЛИЖВЯ ТТС, 1926.

⁴ Н. Толль Скифы и Гунны. Прага, 1928, карты.

сии эту же точку зрения поддерживал ряд ученых, в том числе и крупный русский востоковед Н. И. Веселовский.¹ Вопрос о передвижении гуннов на запад стоял в русской исторической науке в тесной связи с дискуссией об образовании славян и этнической (славянской или тюркской) принадлежности гуннов. Ф. Хирт склонен был вести родословную Аттилы от Модэ и пытался найти имена гуннских шаньюев в венгерской хронике Иоанна из Туроца² о предках венгров. Однако, как увидим далее, хотя с этого времени действительно начинается движение гуннов на Запад, северные гунны не исчезают из степей Монголии и Средней Азии и в конце I в. н. э. они входят в столкновение с рядом племен, в том числе и сяньбийцами. В то же время (во II в., Птолемей) на западе мы встречаем упоминание о гуннах. Повидимому, образование гуннского кочевого объединения в южнорусских степях было своеобразным и долгим процессом. Автохтонные племена Восточной Европы играли выдающуюся роль в сложении орд «пришельцев» гуннов.

Это ни в какой степени не снимает вопроса о том, что подъем южнорусского кочевого объединения, ведущего свое происхождение, вероятно, от скифов, скорее всего кочевых, так называемых царских, обязан проникновению с Востока какой-то части гуннских племен. Первая их группа появилась в связи с разделением гуннов на южных и северных, затем после разрома северных гуннов сяньбийцами выдвинулась новая волна, и последние части гуннских орд скорее всего пришли на Запад после падения могущества гуннов на Востоке в III в. (повидимому в начале IV в.). Связи между Востоком и Западом, начавшиеся еще со II в. до н. э. и продолжавшиеся позднее,³ дают возможность предполагать, что путь на Запад,

---

¹ Н. И. Веселовский. Несколько новых соображений в связи с пересмотром вопроса о гуннах. ЖМНП, 1882, сентябрь.

² F. Hirth. Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türkvölker. I. Die Ahnentafel Attilas nach Johannes von Thuroz. ИАН, XIII, № 2, 1900. Кроме того, Ф. Хирт повторяет свою точку зрения в статье: *Allila Csaladfaja*, RO, I, 1900, стр. 81—87. Возражения см. у Лигети (Ligeti), который считал, что собственные имена в хронике у Иоанна из Туроца взяты из венгерских имен X—XIII вв.; см.: L. Ligeti. Die Ahnentafel Attilas und die Hunnischen Tan-Hu-Namen, AM, II, вып. 2, 1925, стр. 301.

³ Ф. Хирт (F. Hirth. Über Wolga Hunnen und Hiung-nu. SBAW, Фил.-ист. отд. (1899), II, вып. 2, München, 1900) указывает на такие связи через аланов еще с конца II в. до н. э. (например, посольство Чжаньцяня в 136 г. до н. э. или поход Баньчао в 97 г. н. э., доходившего до Аральского моря), см.: В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен до XVII в. Изв. Турк. отд. ИРГО, IV, вып. 2, Ташкент, 1902, стр. 19—23. См. также статьи Ф. Хирта на эту же тему: F. Hirth. Hunnenforschungen, RO, II, 1901, стр. 81—91.—Он же. Zu den Hunnisch-Chinesischen Beziehungen. Там

особенно в IV в., был известен кочевым образованиям, и Запад не представлял собой тайну для восточных гуннов. Однако мы не склонны преувеличивать значение гуннского «нашествия» и, учитывая движение кочевников с Востока, считаем, что только история припонтийских и приволжских кочевников, как автохтонных образований, может объяснить те процессы, которые произошли в южнорусских степях в так называемый гуннский период. Учет связей с Востоком помогает установить в некоторых случаях происхождение антропологического типа, помогает интерпретации отдельных археологических памятников и в ряде случаев определяет причины военно-политического подъема и т. д., о чем см. далее, в гл. VIII.¹

Поскольку подъем кочевников южнорусских степей был обязан, в частности, движению гуннов с Востока, т. е. из Средней Азии, постольку среднеазиатский этап истории гуннов имеет для нас особо важное значение. Фактически с Чжичжи шаньюя, т. е. с 55 г. до н. э., начинается «Великое переселение народов», а усиление гуннов за счет союза с племенами Средней Азии обеспечило возможность их дальнейшего движения на **Запад**.

Если сообщения китайцев о том, что еще Модэ ввел в состав своих войск племена усунь после покорения страны Усунь, т. е. Тяньшаня,² может быть подвергнуто сомнению, то время Чжичжи шаньюя несомненно является временем массового проникновения гуннов в Среднюю Азию.³ Однако это движение гуннов активно продолжается и в первых веках н. э.⁴

Несмотря на зависимость гуннских орд от Китая, они, сохраняя известную автономность, продолжают дружественные отношения с Китаем. Племенной гуннской знати были даны некоторые привилегии, прежде всего, позволялось взимать дань в свою пользу с некоторых племен, например ухуаньцев, от которых они получали холст и кожу.⁵ Кроме того, гуннские шаньюи получали личные подарки от китайского императора.

же, стр. 159—160. В это время Ф. Хирт ведет ожесточенную полемику с Кингсмилом, не признававшим возможность отождествления восточных гуннов с западными. Работы Кингсмилла были указаны ранее. Ф. Хирт отвечал Кингсмилу в статьях: F. Hirth. Mr. Kingsmill und the Hiungnu. JAOS. XXX, 1909. Ср. также его же статью: Kingsmilliana. Leipzig, 1910.

¹ Подробно об этих теориях происхождения гуннов см.: К. А. Иностранцев, ук. соч.

² В письме в Китай в 176 г. Маотунь писал, что усунь в числе других племен вступили в ряды гуннских войск, см.: Бичурин, ч. I, стр. 23.

³ См. нашу статью: СВ, I, 1940. Ср. нашу книжку: Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

⁴ А. Бернштам. Кенкольский могильник. Гос. Эрмитаж. Л., 1910.

⁵ Бичурин, ч. I, стр. 94.

Китайский двор ориентировался на племенную знать гуннов, особенно на своих ставленников-шаньюев. Естественно, что впоследствии обогащаяся гуннская племенная знать захотела освободиться от Китая. За полученные льготы гунны обязаны были по договору: «1) жителей Срединного государства, бежавших к хуннам, 2) беглых усуньцев, желающих поддаться хуннам, 3) жителей западного края, получивших от Срединного государства печати с кистями и желающих поддаться хуннам, 4) ухуаньцев, желающих поддаться хуннам, — не принимать».¹ Совершенно ясно, что указанные пункты договора, принятые при шаньюе Учжулю жоди в первых годах новой эры, ослабляли могущество гуннов и способствовали консервации родовых отношений, чем создавался застой в развитии гуннского общества. Не довольствуясь этими пунктами договора, Китай при Ванмане (8—25 гг.) запрещает гуннам собирать дань с ухуаньцев, что вызывает восстание недовольных. Кроме того, Ванман пытается окончательно ликвидировать автономию гуннов и сделать их своими подданными.²

Восстания гуннов заставили Ванмана разделить их земли на 15 владений. Это разделение способствовало окончательному закабалению южных гуннов китайцами. Деятельность Ванмана, вызвавшая неудовольствие не только среди гуннов, но и среди китайского населения, привела к тому, что в 11 г. н. э. гунны предпринимают первый, после долгого перемирия, поход в Китай, окончившийся успешно. В 24 г. была восстановлена Ханьская династия. Ванман был убит. Политика китайского двора — поддержка кочевой знати — не имела успеха, ибо она не улучшала положения гуннских племен. Недаром шаньюй Улэй жоди (12—18 гг.) «всеми мерами старался воспрещать набеги и не смел двоедушествовать»,³ оправдываясь перед китайским двором в том, что для похода владетели «Хунны и ухуаньцы не имеют причины (для восстаний — А. Б.), а негодяи из народа обще производят набеги на границы, подобно как мятежники поступают в Китае».⁴ Не случайно китайская летопись указывает, что при «вступлении на престол», указанный шаньюй «еще не снискал доверен-

¹ Там же, стр. 93.—De Groot, стр. 264.

² Бичурин, ч. 1, стр. 95 сл. Ванман прислал гуннскому шаньюю новую печать, которая «ни мало не отличает от его подданных» (там же, стр. 97). — Ed. Chavannes. Les pays d'Occident d'après le Hou-Nan-Chou, TP, ser. 2, VIII, Leide, 1907, стр. 155 и прим. 2. Об узурпаторе Ванмане см.: M. Granet. La Civilisation Chinoise, стр. 150 сл.

³ Бичурин, ч. 1, стр. 106.—De Groot, стр. 281.

⁴ Бичурин, там же.—De Groot, стр. 281. По Грооту, эти события относятся, примерно, к времени 13—18 г.

ности и уважения в своем народе». ¹ Политика Улэй жоді удовлетворяла китайский двор, который предложил шаньюю «переменить наименование Хунну на Гунну, Шаньюю на Шаньюю». ² Если кочевая племенная знать вела себя предательски по отношению к своему народу и стремилась к миру с китайской знатью, то сами гуннские племена продолжали борьбу с китайским государством, тем более, что с 18 г. на территории нынешней провинции Шаньдун началось крестьянское движение «краснобровых», в 25 г. занявших Чанань и обеспечивших победоносное движение гуннов.

Движение «краснобровых» («шаек разбойников» — по характеристике династийных китайских источников) привело к захвату столицы — города Чанань и способствовало возвышению южных гуннов. ³

---

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 106, — De Groot, стр. 281. См. нашу статью: Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение. Изв. ООИ, № 4, 1937.

² Бичурин, ч. 1, стр. 106—107. *Хунну — злой невольник, гунну — почтительный невольник.* Во втором произношении *Шаньюю* передаваемое русской транскрипцией изменение в начертании титула китайскими иероглифами. При изменении начертания *Шань* стало значить *добрый*: ук. соч., стр. 107, прим. 1.

³ В 22 г. выступают претенденты на престол, которые в 23 г. захватывают Чанань и убивают Ваймана. Гражданская война заканчивается только в 37 г. победой императора Гуанди (25—57 гг.) над последним из своих многочисленных соперников (Луфаном). См: A. Forke. *Geschichte*, I, стр. 383—389. — *Arendt*, *Synchronistische Regententabellen*. MSOS, год III, стр. 72—73.

Глава V

САКОУСУНЬСКИЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕЙ АЗИИ НАКАНУНЕ ГУННСКОГО ВТОРЖЕНИЯ

Как следует из вышеизложенного, массовое появление гуннов на территории Средней Азии относится к середине I в. до н. э., ко времени откочевки из Центральной Азии северных гуннов под водительством Чжичжи шаньюя.¹ Однако взаимоотношения гуннского племенного союза с племенными союзами Средней Азии, в частности юечжами (массагетами) относятся к более раннему времени. С. Толстов убедительно показал, что гуннские шаньюи, прежде всего Модэ и Лаошан, в союзе с бактрийскими царями еще с конца III в. до н. э. выступали против среднеазиатских племен массагетов-юечжей, с одной стороны, и усуней Тяньшаня — с другой.² Однако, сколь бы ни были важны для политической истории Средней Азии эти кратковременные вторжения гуннских орд, они не оставили для того времени сколько-нибудь значительных следов. Усуни Семиречья, Кангюй Сыр-дарьи, Давань (Фергана) и юечжи среднеазиатского междуречья, хотя порой «соседили» с гуннами или признавали на востоке власть гуннов, все же сохраняли свою самостоятельность и собственный путь экономического и культурного развития.

В канун массового прихода гуннов в Среднюю Азию, Семиречье и Центральный Тяньшань были заняты сакоусуньскими племенами, часть которых проникла прежде всего в Фергану и в район Средней Сыр-дарьи.

Как мы пытались показать в другом месте, проникновение усуней в Фергану послужило условием создания усуньской — кушанской династии Ферганы и в названии «кушан» мы ви-

---

¹ А. Бернштам, СВ, I, 1940. Ср.: Он же. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

² С. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 246. Ср. нашу рецензию: Изв. ОИФ, I, 1949.—В. Струве, ВДИ, вып. 4, 1949.

дим закономерное видоизменение этнонима «усунь», согласно нормам тохарского языка.¹ Не случайно восточная часть Ферганы именуется «область Хюсюнь»: здесь ясно выступают фонетические связи с термином *кусан* (= *кушан*).

По Фергане в это время были расселены племена париканий, от имени которых происходит современное название долины Паргона — Фергана; на юге Ферганы были племена аристей:² в Северном Приламирье, в Алайских долинах были расселены кумеды (китайские гуаньду) и другие более мелкие, например племена уш.

Начиная с Ташкентского оазиса по Сыр-дарье, были расселены племена кангюй, состоящие из пяти частей, судя по информации китайских источников. Это юени, сусе, фуму, ги и юегянь. Восточной границей названных племен являлась р. Талас, западной — Хорезм. В соответствии с данными археологических исследований по Сыр-дарье, эти племена кангюй могут быть локализованы следующим образом. Юени (тюркское слово *йер* — *земля*)³ соответствует Ташкентскому оазису, месту обитания скифов-абиев, позднейших яксартов. Культура этих племен представлена археологическими комплексами каунчинского типа.⁴

Сусе — средняя Сыр-дарья, область тех же яксартов-апаснаков древности и западной ветви усуней (асии, ятии, арси)⁵ — представлена кангюйско-каратаусской культурой.⁶

Фуму совпадает с областью распространения джетыасарской культуры, связываемой С. Толстовым с тохарами Сыр-дарьи.⁷

Ги — область алаано-массагетских племен, зона культуры «болот и озер» нижней Сыр-дарьи и, наконец, Юегянь (Ургенч) — это коренные области Хорезма.⁸

Массагето-юечжийские племена (а затем и тохары) были

---

¹ А. Бернштам. К вопросу об усунь||кушан и тохарах. СЭ, вып. 3, 1947.

² А. Бернштам. Араванские наскальные изображения и древняя даваньская (ферганская) столица Эрши. СЭ, вып. 4, 1948.

³ Попытку дешифровать китайские наименования страны кангюй см. в нашей статье: Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. Изв. ИИАЭ АН КССР, сер. археолог., вып. 2.

⁴ Опубликовано в работах Г. В. Григорьева. Последнюю сводку см.: Келесская степь в археологическом отношении. Изв. ИИАЭ АН КССР, сер. археолог. вып. 1.

⁵ С. Толстов. Из предистории Руси. СЭ, вып. 6—7.

⁶ Публикация материалов в нашей статье: Изв. ИИАЭ АН КССР, вып. 2 и 3.

⁷ С. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. См. также его отчет в: Изв. ОИФ, VI, вып. 3, стр. 246 сл.

⁸ С. Толстов. По следам...; ср. его статью в: СЭ, вып. 3, 1947.

распространены к югу в областях среднеазиатского междуречья.

Если восточные гунны жили от Яксарта к востоку, т. е. в Семиречье, Тяньшане и Северном Припамирье, и были связаны с расселением саков-хаомоварга (амюргийских), то племена среднеазиатского междуречья, включая Приаралье, (кангюй, аланы) восходят к территории расселения сака-тиграхауда.

Северные гунны, проникшие в Среднюю Азию, оказались, прежде всего, в районах племен сакоусуньского круга и имели отчасти соприкосновение с восточно-кангюйскими племенами.

Что же собой представляла сакоусуньская культура Семиречья и Тяньшаня?

Многочисленные раскопки курганов первого тысячелетия до н. э. (главным образом второй его половины) и обильное поступление случайных находок позволили выделить сакский и усуньский круг памятников и, в то же время, выявить в них столь много общего, что вслед за тем и объединить их в понятие «сакоусуньская культура» и рассматривать сакскую и усуньскую группы памятников как два этапа единого культурно-исторического процесса.¹

Типологически внешний вид погребений этого времени почти одинаков: это курганы с каменной насыпью, в конструкции которой выявляются концентрические круги-кромлехи, эллипсовидные в центре, по закраине могильной ямы, и правильный круг по краю могильной насыпи. Более ярко кромлех выступает в ранних могилах (сакских), утрачивает свою четкость в поздних (усуньских). Кромлех выкладывается галькой, камнями плашмя; в больших курганах он иногда приобретает фигуры лабиринтов из серии кругов, обводящих контуры сплошной каменной насыпи курганов.

Расположение курганов в могильнике, в основном, меридиональное, в цепочку. Центральную цепочку составляют большие курганы в Чу-Илийском междуречье, достигающие до 10 м высоты, рядом с которыми идут цепочки средних и малых курганов. Возле больших и средних курганов наблюдаются порой и группы мелких курганов с захоронениями без вещей.

К сакскому времени VI—III вв. до н. э. относятся раскопанные нами курганы в Илийской долине — Кара-чоко I, в Таласской — Берккара I, на Тяньшане — долина Нарына (Аламылик) и в Чуйской долине; здесь большинство памятников

¹ Настоящий текст и далее гл. VI являются переработкой с дополнением раздела из нашей статьи «Основные этапы истории культуры Семиречья и Тяньшаня» (СА, XI).

этого времени вскрыто при строительстве Большого Чуйского канала. Датировка этих комплексов может быть основана на стрелках скифского типа. Древнейшие типы стрел из Чуйской долины случайного происхождения, VII—VI вв. до н. э.

Явно к V—IV вв. относятся курганы Кара-чоко I, характерные листовидными бронзовыми втульчатыми стрелками. Известны находки таких же стрелок в Чуйской долине, часто с листовидными наконечниками копий (Джиек). Керамика круглодонная, лепная из полос, по форме напоминает широко известную усуньскую керамику. В основном это открытые формы сосудов, редко грушевидной формы со слегка отогнутой наружу закраиной, сосуды «чайникообразного» типа и в виде кубков с ручкой. Сосуды лепились без шаблона, асимметричны; на поверхности их иногда встречается сплошная окраска красной краской или в виде вертикальных красных полос, по более светлому, порой желтоватому фону. В этих комплексах сакского времени (быть может несколько более позднего — IV—III вв.) в Берккаре I была найдена бронзовая пряжка с изображением головы льва, глотающего птицу (гуся?), выполненная в типично скифском стиле.¹ К V—III вв. до н. э. относятся многочисленные находки скифских котлов на конических поддоньях или отдельных трех ножках и часто находящиеся вместе с ними четырехугольные в плане жертвенные столы и светильники в виде жаровен (круглых или квадратных) на ажурных подставках. Как правило, жертвенные столы и светильники украшены скульптурными изображениями зверей: фантастическими крылатыми зверями (алма-атинский алтарь), як-кутас — (Иссык-куль), горные козлы и хищники (Иссык-куль). Изображение зверей различно: процессия животных, одиночные изображения, парные изображения в сценах борьбы. Особо могут быть отмечены изображения зверей — на бронзовой пряжке с Иссык-куля из Тюпа (звериный гон антилоп и хищников),² изображения яка-кутаса на золотой бляшке из Нарына.

Находки котлов, жертвенников и светильников, чаще всего в комплексах (Алма-Ата, Иссык-куль), свидетельствуют о культовом характере этих предметов, о чем говорит и обстановка находок.

Так, например, в Алма-Ате, на Каменском плато (около дома отдыха Турксиба) в 1923 г. было найдено сразу в одном месте 8 котлов. В самом городе (угол ул. Гоголевской и Дунганской), на глубине 1.9 м найден котел, вокруг которого обна-

¹ О ней см. в нашей заметке: Берккаринская пряжка. КСИИМК, XVII.

² Архив ИИМК, дело № 40, 1884; ср. дело № 5, 1887.

ружены в большом количестве кости барана, козла (?), лошади и верблюда (?). Характерно, что котлы всегда связаны с очагами, жертвенными (культовыми) местами. Иссыккульский комплекс был найден в ущелье, явно культовом месте.¹

Один скифский котел найден нами в ущелье Чиимташ (Таласская долина) в непосредственной связи с наскальными изображениями — главным образом козлов, выбитых точечной техникой. Многочисленные пункты с изображением горных козлов в этой технике, с характерно трактованными рогами (сильно загнутыми назад, переходящими порой в волюты), в сценах охоты или наряду с солярными знаками и изображением людей, исполняющих культовый (шаманский?) танец, должны быть также отнесены к этому времени.

Широкое распространение вышеупомянутого типа памятников — наскальных изображений скифского стиля и сюжета, яка-кутаса и козлов в восточной Фергане — свидетельствует о принадлежности районов к коренным районам обитания древних саков — в Семиречье.

Единичные находки краниологического материала рассматриваемого времени (Аламышик, Тяньшань) дал европеоидный, — андроидный и памироферганский тип.

Усуньская культура (конец III в., а главным образом II в. до н. э. — III в. н. э.) представлена курганами почти того же типа, но здесь только утрачивается четкость выкладки кромлеха; могильники уже, как правило, вытянуты в строго выдержанные цепочки, с большими курганами в центре (высота до 5 м). Наличие в этих родовых кладбищах резкой дифференциации насыпей не может не служить показателем явного этапа классового образования, о чем говорит также сопутствие большим курганам малых курганов, с погребениями без инвентаря (в одном случае был обнаружен труп со связанными руками и ногами, насильственно сброшенный в могилу), свидетельствующие о возникновении института рабства.

Сосуды по форме продолжают сакские типы, но улучшается техника их изготовления (лепка на матерчатом шаблоне). Сосуды симметричной формы. Бронзовые стрелки исчезают — появляются железные, подражающие скифским образцам, костяные, трехгранные с черенками и железные, ромбические в сечении, тоже с черенками (Берккара, Тамды).

Важным элементом погребального инвентаря, особенно в богатых могилах, являются вещи китайского происхождения (ткань, лак, нефрит).

---

¹ Б. З и м м а. Иссыккульские жертвенники. Фрунзе, 1941. Ср. АОСК, табл. 2—3.—ИКПСК, табл. III, рис. 20—21 (бляшка и печать с изображением яка).

Вопрос о выделении группы памятников, которые могли бы быть названы сакскими, еще специально не стоял в археологической литературе.¹ Обусловлено это было прежде всего сравнительной немногочисленностью памятников VII—IV вв. с территории Семиречья. Те предметы, которые были известны, относились к числу случайных поступлений. Изучение памятников на месте в музеях, прежде всего в Центральном музее Казахстана (Алма-Ата) и Музее национальной культуры в г. Фрунзе, а также произведенные за последнее время работы по исследованию сакских городищ и могильников на правом берегу Сыр-дарьи Г. В. Григорьевым и наши исследования могильников ранних кочевников Семиречья позволили подойти к постановке этой проблемы.

Вопрос о саках вызвал в свое время огромную литературу вопроса² и не перестает интересовать историков и поныне, особенно в связи с открытием и изучением сакского языка и письма (имеем в виду восточнотуркестанских и индийских саков),³ открытием новых надписей ахеменидов⁴ и, наконец, в связи с построением истории народов СССР. Суждения о местоположении саков теперь вряд ли вызывают особенные разногласия.⁵ От Семиречья, ограниченного на севере параллелью южного берега Балхаша до северной части Восточного Туркестана, от западных отрогов Алтая до Памира включительно были расселены древние сакские пле-

---

¹ Отдельные высказывания см.: ИС, ч. 1—2. Более развернутые предложения выдвинуты Г. В. Григорьевым в его работе «Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе в 1934 г.» (Ташкент, 1935). Точка зрения Г. В. Григорьева не была принята. См. возражения: А. И. Тереножкин, ВДИ, вып. 3 (4), 1938; Изв. УзФАН, № 8, 1940. С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, вып. 1, 1946.—АОСК, стр. 30.

² Лучшей сводкой для своего времени была работа Г. Григорьева: О скифском народе саках. СПб., 1871. Из последних сводок по этому вопросу можно отметить труд: Julius Jungé. Saka-studien. Klio, 1939. Однако он имеет несколько иную ориентацию (ср. рецензию: ВДИ, вып. 1, 1941).

³ Об этих документах и отношении их к сакоусуньской проблеме см. в наших статьях: К вопросу об усунь-кушан и тохарах. СЭ, вып. 3, 1947.—Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, вып. 2, 1947; см. также нашу рецензию на работу Отто Мэнчэн Хэлфэна: ВДИ, вып. 2, 1947. Ср.: А. Фрейман. Задачи иранской филологии. ИАН, сер. СЛЯ, V, в 5.

⁴ Интересные работы по этим вопросам принадлежат прежде всего акад. В. В. Струве: Поход Дария I на саков-массагетов. ИАН, сер. ОИФ, III, 1946. Ср. его статью ВДИ, вып. 4, 1949.

⁵ Хотя полностью и не преодолены. Особенно сложен вопрос с локализацией саков парадарайя. Об этом см. в вышеуказанной статье акад. В. В. Струве (ВДИ, вып. 4, 1949).

мена.¹ Совершенно несомненно, что сакские племена были весьма разнообразны по своему этническому составу.² Отличалась, видимо, и экономика отдельных сакских племен. Так, например, выступающая по раскопкам Г. Григорьева экономика сырдарьинских саков³ отличалась связанностью пастушеских форм скотоводства с земледелием и охотой, а следовательно, ее характерной чертой являлась оседлость. Эта группа саков втягивалась в оседлую жизнь Согда, о чем свидетельствует и Арриан, сообщающий, что во время походов Александра саки — жители городов по левому берегу Яксарта подняли восстание.⁴ Возможно, что эти факты позволили Диодору приписать сакской царевне Зарине образование городов, всего вероятнее — временных ставок, *hogometria*.⁵ Преобладающая группа саков оставалась кочевой и жила восточнее Сыр-дарьи.⁶ В связи с предлагаемым делением среднеазиатских восточных саков на две группы, мы склонны выделить саков сырдарьинских и семиреченских. Первых, видимо, отличал и Птолемей, называя жителей Яксарта — яксартами.⁷ Пользуясь термином Птолемея, мы называем саков, живших по Яксарту и знакомых нам по раскопкам Г. Григорьева, яксартскими саками. Отличными от них были семиреченские саки, которых, благодаря тому, что их памятники концентрируются по Тяньшаню и его отрогам, лучше называть тяньшанскими, ибо, только с этой группой связано впоследствии формирование тюркских племен,⁸ в то время как с южной ветвью (припамирской) связан уже этно-

¹ Об этом см. в нашей статье: Древняя Фергана. ВДИ, вып. 1, 1949.

² Мы полагаем, что сильное тюркское ядро было среди амюргийских саков, возможно и среди саков тиграхауда. На этом мы специально останавливались в докладе «Тюрко-иранские этнокультурные связи» 10 III 1947 на Иранской сессии Восточного факультета ЛГУ.

³ Мы применяем термин «сак» в отношении к памятникам, открытым Г. Григорьевым, весьма условно, т. е. считаем, что это были поздние саки, синхронные усуням (антропологический тип их, по определению В. Гинзбурга, памиро-ферганский, более поздний имеет монголоидную примесь. См.: СЭ, вып. 4, 1946. Ср. нашу рецензию: ИАН, сер. ОИФ, II, 1947).

⁴ Арриан, IV, 3 (пер. Н. Коренькова, Ташкент, год не указан).

⁵ Диодор, II, 33—34.

⁶ Что явствует из единогласных заявлений античных авторов, оригинальных и компиляторов, от Геродота до Страбона.

⁷ См.: Berthelot. L'Asie Centrale et Sud-orientale d'après Ptolomeé. Париж, 1930. К яксартским сакам следует относить и фергано-алайских. Вместе с тяньшанскими саками они образовали группу саков амюргиев Гелланика — Геродота или хаомаварга ахеменидских надписей.

⁸ Как это ясно из последующего текста, где мы устанавливаем преемственность саки-амюргии — усунь — западные тюрки. См. об этом также в нашей статье: Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. СЭ, вып. 6—7, 1947.

генез иранских племен.¹ Совершенно очевидна этническая обособленность и североиндийских саков.² Оставляя в стороне всем хорошо известные описания саков у Геродота и других античных авторов,³ а также изображения саков на Персепольских барельефах,⁴ мы попытаемся сейчас установить ту группу памятников, которая может быть связана с саками Тяньшанскими. Сакоусуньская культура непосредственно восходит к культуре поздней бронзы Средней Азии и Казахстана.

Памятники поздней бронзы из Семиречья, к которой восходит сакская культура, были уже в научной литературе вкратце описаны. Среди находок поздней бронзы прежде всего хотелось бы указать на серпы из Узунагачского района, недалеко от Алма-Аты. Серпы эти происходят из курганов, расположенных между реками Узун-агач и Каргалы, часть которых исследована нами в 1940 г. Серпы — литые из бронзы со сравнительно малой примесью олова (99.50% меди, 0.50% олова). Они представляют собой широкую пластину, круто изогнутую, имеющую у основания черенок и загибы, с незамкнутыми концами, которыми охватывалась рукоять серпа. Наличие серпов говорит если не о земледелии, то, во всяком случае, об интенсивных формах скотоводства (заготовка сена). Ближайшим к Семиречью погребением эпохи поздней бронзы является погребение карасукского типа на р. Нура.⁵ В погребении карасукского типа, не говоря уже о более древних андроновских, характерной чертой конструкции является каменный ящик. В раскопанных нами на р. Каргалинке курганах на глубине 3.5 м от верхушки кургана обнаружены каменные гробовища. Стенки погребального сооружения по длинной оси состоят из 3—4 плит, а торцовых —

---

¹ Так называемая тохарская группа. См. у нас: К вопросу об усунь-кушан и тохарах. СЭ, вып. 3, 1947.

² Появление которых в Индии несомненно предшествует дате китайской версии. Все ахеменидские надписи, как правило, локализуют в перечне стран саков рядом с Индией. Саки, перешедшие «Висячий переход» после выдвижения власти усуней в III—II вв. до н. э., лишь дополнили сакские племена северной Индии и Афганистана.

³ Критическое отношение к античным авторам позволяет утверждать, что в отношении восточных саков более или менее достоверны Геродот, Страбон и Птолемей; Квинта Курция мы предпочитаем Арриану.

⁴ Юнге вводит дополнительный иконографический материал по сакам. В некоторых статуетках Согда Г. Григорьев также хотел видеть изображение сака. Возможное сходство сака с древнесогдийцем вполне закономерно. Напомню, что этнонимы *Sak* и *Sogd* генетически — явление одного и того же порядка.

⁵ Работы ГАИМК на новостройках, вып. 2. Близкими в этом времени являются, вероятно, стоянки эпохи бронзы, открытые нами в Чуйской долине, см. МИА, XIV и культура Бегазинского типа. О ней см. КСИИМК, XXXII, статью Л. Р. Кызласова и А. Х. Маргулана.

из одной. Погребение перекрывалось поперечными плитами, а затем засыпалось землей с камнями. Особо крупные камни были внизу, более мелкие — вверху и в насыпи кургана. Около костяка, ориентированного головой на северо-восток, ногами на юго-запад, найдены глиняный сосуд, бронзовый нож и шило.

В другом погребении инвентаря почти не было, если не считать одного камня с явными следами его употребления в качестве зернотерки. Стенки гробовища обложены плитами и валунами. Отмеченные курганы являются наиболее древними в каргалинской группе и выделяются нами названием «Каргалы I».¹

Каргалы I по характеру инвентаря, как мы уже отметили, напоминают собой погребения по верхнему Таласу, раскопанные Гейкелем в 1898 г., а именно курганы Айритама и Чимтюе. Здесь в грунтовых ямах, обложенных камнями и валунами, были открыты — керамика с полусферическим дном, бронзовый нож и обломки железа. Эти курганы датируются М. П. Грязновым VII—V вв. и относятся к сакам.² Каргалы I по отношению к таласским погребениям выступают как более ранние и должны быть, видимо, отнесены к типичным памятникам времени перехода от бронзы к железу (к VIII—VII вв. до н. э.) и начинают собой серию тех памятников, которые могут быть отнесены к сакам.

Наибольшее количество подобных памятников датируется V—IV вв. до н. э. В основном эти памятники случайного происхождения и известны из разных мест Семиречья, начиная с Нарына и вплоть до Балхаша. В 1940 г. нами раскопан один курган с грунтовым погребением рассматриваемого времени (Кара-чоко I), на правом берегу р. Или, давший весьма характерные бронзовые втульчатые стрелы, ромбические в сечении, длиной до 4 см, с несколько опущенными жальцами. Эта находка позволила установить, что курганы с мягкими земляными насыпями, имеющими вид правильного сегмента шара, могут быть отнесены к тому времени. Значительную группу таких курганов мы зафиксировали и к югу от пос. Кегень. Один раскопанный курган оказался разграбленным; тем не менее удалось установить, что в нем была похоронена лошадь. Расположены эти курганы цепочками. Такого типа курганы известны в большом количестве в Семиречье, в частности и под Алма-Атой. Из них и происходит значительная часть случайных находок, представленных, главным образом, характерны-

¹ Каргалы II относятся нами ко времени III—I вв. до н. э.

² ИС, ч. 1—2. Ср.: ВДИ, вып. 3, 1938.

ми семиреченскими котлами, жертвенниками, кинжалами, ножами и украшениями из бронзы.¹

Весьма характерны происходящие из Семиречья бронзовые литые сферические котлы. Они имеют конический поддон, полый внутри, иногда прорезной. Чаще всего котлы на трех слегка изогнутых снаружки ножках. Ножки украшены в одном случае скульптурными статуэтками горных козлов, в двух других — несколько стилизованными изображениями хищника, вероятно, тигра (химера?). На одном из котлов по краю имеются фигурки козлов, идущих по часовой стрелке. Ручки у котлов гладкие, круглые в сечении, петлеобразные и расположены всегда симметрично крест-накрест у закраины котла, две вертикально и две горизонтально по отношению к наружной стенке его. Ниже ручек в некоторых случаях имеется простой орнамент в виде шнура с незамкнутыми концами, два раза опоясывающего котел.

Особенностью семиреченских котлов является то, что они, как правило, находятся в комплексе с жертвенными столами, четырехугольными в плане, и светильниками. Жертвенники обычно имеют четыре ножки, укрепленные по углам, трактованные под лапы хищника. Отогнутый наружу борт гладкий или украшен процессией фантастических животных, также хищников. Крылатые хищники здесь напоминают крылатую россомуху в аппликациях ноинулинского ковра.² В одном из жертвенных столов найдена литая из бронзы статуэтка быка-яка, имеющего на бедрах характерный орнамент в виде спирали — символа солнца. Такие спирали известны в усуньских украшениях, вырезанных из листового золота. Светильники круглые или четырехугольные в плане имеют также скульптурные украшения в виде животных, либо процессии хищников, либо парные сцены борьбы зверей, хищника с козлом. Светильник обычно укреплен на ажурной конусовидной подставке. Вся эта группа находок связывается с шаманистско-зороастрийским культом.³ Действительно, жертвенники находят себе аналогии в некоторых предметах зороастрийского культа, известных от ахеменидов по Ирану вплоть до сасанидского времени, и времени бухархудатов в Средней Азии.⁴ Однако более близкой аналогией могут служить предметы домашнего

---

¹ Ср. М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», вып. 15.

² С. Тревер. Excavations in Northern Mongolia. 1932.

³ А. Стрелков. Большой Семиреченский алтарь. Сб. С. Ф. Ольденбургу, Л. 1935.

⁴ Ср.: К. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. ТВО, I, 1939.

обихода и культа Чжоуского Китая.¹ Так, форма семиреченского котла может быть сопоставлена с китайскими сосудами типа «дин», а четырехугольная платформа — с китайскими фу. Характерно, что вне пределов Семиречья тип котлов на трех ножках (за исключением Китая) не имеет себе аналогий.² Более общей формой является конический поддон, известный от Северного Китая вплоть до Чертомлыка. Для Семиречья, однако, типичны котлы на трех ножках. На территории же Северного Китая и Минусинского края этот тип сосуда из бронзы имеет себе повторения в глиняной посуде, начиная с поздней тагарской культуры.³ Особенностью семиреченских котлов является и характер ручек. В котлах Минусинского края и в Китае обычно на закраинах котла имеются две вертикальные ручки; расположены они на самой закраине. Ручки круглые в сечении и с шишечками, иногда плоские в сечении и прямые в плане. Комплексы котлов с жертвенниками и светильниками принадлежат к типично семиреченским явлениям. Порождены эти комплексы шаманско-зороастрийским культом кочевников Семиречья и четко выявляют культ огня. Характерно, что более поздние памятники зороастризма в Семиречье продолжают эту традицию в оформлении культа, в виде фигурок зверей и их стилизаций из глины.

Выразительные по своей трактовке изображения зверей на вышеописанных предметах органически близки по тематике и стилистическому выполнению к кругу памятников сибиро-китайского звериного стиля и соответствуют памятникам V—III вв. до н. э. Эти изображения несут в себе элементы фантастики, хотя еще далеки от тех гипертрофированных фантастических проявлений, которые характерны для так называемого сарматского искусства. Реалистически переданные на скульптурах черты зверей связываются с типом изображений карасукского и скифского облика, известных бронз Енисея и Северного Китая, Ордоса, Сюаньхуа (Хубэй), Люанбин (Пекин) и т. д. Несколько стилизованные изображения хищника, находящиеся на ножках котла, объясняются иной манерой техники, пытающейся перенести в бронзу характерные черты резьбы по дереву. Даже в фантастических животных, шествующих по бордюру большого алмаатинского жертвен-

¹ В. Karlgren. Jin and Chou in Chinese Bronzes. ВМЕА, вып. 8, табл. XXX: ср. вып. 9. Сопоставление скифо-гуннских котлов было сделано в статье: Z. Takacs. Chinesisch-Hunnische Kunstformen. Известия на Българские археологически институт, III, София, 1925.

² Т. е. упомянутые нами котлы типа «дин».

³ Детально особенности этих комплексов разбираем в работе «История изобразительного искусства Киргизстана». Рефераты научно-исследовательских работ за 1945. Отд. Истории и Философии, М.-Л., 1947.

ника, крылья (явно ассоциированные скульптором со способностью зверя к большому прыжку), даны более реалистично, чем на упомянутых ранее аппликациях ноинулинского ковра. Самостоятельность и законченность каждой фигуры, отсутствие сложных сплетений изображений животных с растительной вязью, реалистичность трактовки, — все это заставляет относить названные изображения к раннескифским образцам искусства, ко времени, когда одиночные изображения зверей, их процессии и сцены парной борьбы еще несут в себе традиции реалистического стиля. Стилистические приемы изображений на культовых комплексах не позволяют относить их ко времени позже IV в. до н. э. С III—II вв. до н. э., судя по хорошо датированным памятникам, эта техника вырождается.

К группе только что описанных вещей примыкает и вышеупомянутая находка на Иссык-куле около Тюпского залива набора конского снаряжения, в том числе бронзовых блях с изображенным барельефом антилоп и хищников, бегущих по кругу. Из-под Алма-Аты происходят находки пластинчатых ножей со слабо обособленной рукояткой, скифского типа, кинжал с опущенным книзу «усиками»-перекрестием. Из Нарына нам известны характерные бронзовые пряжки в виде овала с трапециевидной рамкой. Здесь же найдены и бронзовые удила, подобные Тюпским (восточный берег оз. Иссык-куль). Важно отметить, что случайные находки на Нарыне сочетались с находкой (из одного кургана) глиняной чаши-миски со сферическим дном, широко распространенной в усуньской культуре. Из Нарына и Тюпа происходят и бронзовые листовидные наконечники копий с длинным пером, с черенковым или втульчатый насадом.

Только что описанные вещи по технике и стилистически совпадают с памятниками ранней тагарской культуры и ордосской бронзой. Для Семиречья эти памятники ограничены временем до III в., когда они, видимо, исчезают и заменяются новыми формами, генетически восходящими к только что описанным.

Для времени III в. до н. э.—I в. н. э. с территории Семиречья происходит значительная группа памятников как из случайных поступлений, так и добытая в результате систематических раскопок, уже отмеченных ранее. Группа надгробных памятников этого времени сравнительно однородна. Характерно, что усуньские курганники, относящиеся ко второй половине указанного периода, несколько теряют строгость планировки. Наряду с цепочками наблюдается и беспорядочное расположение надгробных насыпей. Устройство погребальной камеры имеет также некоторые варианты. Так, курганы к востоку от Таласа (Чу, Иссык-куль) содержат, как

правило, сравнительно обширную погребальную камеру, в виде грунтовой ямы, перекрытой бревенчатым накатом или жердями из Тяньшанской ели.¹ Различия наблюдаются и в инвентаре, в предметах украшения и в керамике.

Общие черты керамики в таласских и чуйских могильниках сводятся к следующему. Керамика хрупкая, с дресвой, слабого обжига; она состоит из: 1) больших сосудов с полусферическим дном, иногда с небольшой ручкой, кувшинообразной формы; 2) малых плоскодонных сосудов баночной формы; 3) мисок с полусферическим дном.

В Берккаринском могильнике могут быть отмечены небольшие сосуды грушевидной формы с узким горлышком и отогнутым наружу венчиком. Характерны также шарообразные сосуды с открытым устьем без венчика, с небольшой петлеобразной ручкой и коротким носиком. Обращают на себя внимание сосуды в виде мисок, имеющие четко срезанную закраину, профилированный бортик и подрезанное сферическое дно, образующее небольшую плоскодонность чашки.

В основном, керамика со сферическим дном и шарообразным туловом восходит к предшествующим изделиям такого рода и повторяет формы Каргалы I, Айритам и Чимтюе. Общим для этой керамики является не только форма и техника изготовления (отпечатки тканей на внутренней поверхности сосуда), но и отсутствие какого бы то ни было орнамента. В берккаринской керамике иногда наблюдаются лишь следы затирки поверхности сосуда.

Весьма любопытна керамика из Берккары в виде «чайников». Подобные сосуды из глины имеют себе аналогии в своеобразных бронзовых котлах, происходящих из Семиречья и хранящихся в Центральном музее Казахстана (Алма-Ата). Этот тип бронзовых котлов по размеру и форме целиком аналогичен сосудам из Берккары и, видимо, из бронзовых котлов Семиречья является наиболее поздним.

Связь культуры чуйских и таласских погребений с более ранними прослеживается в предметах украшения. Так, поясная пряжка в виде пластинки с барельефным изображением хищника, глотающего птицу, может быть сопоставлена, по трактовке изображения и технике изделия (явно подражающая резьбе по дереву), с трактовкой ножек на одном из иссыккульских котлов. Форма пряжек с крючком для застегивания найдет себе аналогии от Северного Китая до Северного Кавказа. Изображение спиралей на скульптурной фигуре быка находит себе аналогии в резных пластинках из золота,

---

¹ О них см.: М. Воеводский и М. Грязнов, ВДИ, вып. 3, 1938.—ПСТД, стр. 10 сл.

найденных в Буранинских курганах, в спирали на каменном столике, в изображении индийского яка из Кырчина, и т. д.

К числу явлений, имеющих аналогии в более ранних памятниках, можно отнести, например, зеркало с боковой ручкой в виде стилизованного грифона, новые типы стрел, в частности костяные, трехгранные с черенками, скифского типа меч-акинак. В могильнике Тамды на северных склонах Каратау (Казахстан) были обнаружены — набор железных трехлопастных черенковых стрел, серьги с подвесками и бронзовый крючок от колчана (горита?), находящие себе аналогии в скифо-гуннском инвентаре Монголии. Аналогичные предметы найдены в могилах III—I вв. до н. э. и на Алае (Кургак). Все эти предметы помимо преемственности с ранними формами связываются не только с предшествующими им памятниками Семиречья, но в большинстве случаев имеют аналогии среди памятников Южной Сибири, в том числе и Алтая. Такие характерные вещи, как каргалинская диадема, найдут себе аналогии в еще более широком круге памятников позднескифского — раннесарматского искусства.

Изложенное показывает, что культура Семиречья VII в. до н. э. — I в. н. э. представляет собой единую линию развития. Однако письменные свидетельства античных авторов и китайцев об этом районе помещают здесь вначале саков, а затем, с III в. до н. э., усуней. Причем, если верить китайским сообщениям, то усунь пришли сюда из Восточного Туркестана. Если это было бы так, то вряд ли культура Семиречья имела такой характер и, вероятно, отразила бы влияния Восточного Туркестана. Очевидно, что о миграции усуней говорить не приходится; скорее всего здесь речь может идти о перемене этнического названия союза племен, в силу утраты саками политического могущества и выдвигения другого племени — исседонов. Этому вопросу мы касались в другом месте.¹

Следует отметить, что к III в. до н. э. сакская культура расщепляется на две разновидности, представленные памятниками чуйских и таласских погребений. Несмотря на эти отличия, связанные, быть может, с разными племенными компонентами (племена усунь и восточные кангюй?), в обоих случаях мы имеем дело с единым развитием сакской культуры. В эту пору завершается ее развитие, и памятники поздних кочевников VI—VIII вв. н. э., хотя и имеют некоторые связи с ранними кочевниками, все же представляют уже совершенно отличное в культурном отношении явление. Переход к этому новому культурному качеству происходит в усуньский период.²

¹ АОСК, стр. 24 сл.

² О саках и усунях см. в нашей статье: СА, XI.

Усуньский племенной союз занимал в III в. до н. э. — V в. н. э. Тяньшань и его отроги, т. е. современную Киргизию, часть Южного Казахстана и Алмаатинской области. Значение усуней весьма велико для истории тюркских народов Средней Азии. Этноним «усунь» сохранился в племенных делениях казахов, а по мнению Н. Аристова усунь составляли западную ветвь кыргызов.¹

Сведения об усунях содержат китайские источники. Ознакомлению с усунями китайцы обязаны Чжанцяню, посетившему усуней два раза, в 136—128 гг. и в 115 г. до н. э. Только с этого времени сведения об усунях приобретают реальный характер. Чжанцянь сообщает, что усунь прежде находились под властью гуннов. Слова Чжанцяня составитель «Исторических заметок» Сымацянь использовал для того, чтобы приписать Модэ шаньюю победу над усунями в конце III—начале II в. н. э. К легендарным сообщениям относится предание о том, что усунь ранее кочевали около провинции Ганьсу, а затем разбитые гуннскими шаньюями Модэ и Лаошаном перекочевали на Тяньшань. Эта версия китайского источника вызывает некоторые сомнения. Археологические памятники Ганьсу, Хэнани и южной части Восточного Туркестана, т. е. мест, которые по китайским источникам являются родиной усуней (середины и второй половины первого тысячелетия до н. э.), резко отличаются от памятников культуры тяньшанских усуней. На Тяньшань в первых веках новой эры проникают влияния Восточного Туркестана, через посредство гуннов, поэтому археологические комплексы содержат большое количество вещей явно не местного происхождения. С другой стороны, анализ усуньских памятников и находящихся с ними по соседству к западу от Таласа памятников кочевников того же времени восточных кангюй (Берккаринский могильник) показывает, что они являются логическим завершением и развитием культуры предшествующего периода VII—III вв. до н. э.

Характер инвентаря и самой структуры погребений не только увязывается с предшествующей культурой, но и пространственно находит себе аналогии в южносибирском круге памятников. Прежде всего это касается тематики и стиля исполнения звериных изображений, типа спиралевидной серьги из тонкой золотой проволоки, некоторых форм керамики и многого другого. Все это позволяет утверждать, что археологические памятники кочевников с территории Тяньшаня, III в. до н. э. — I в. н. э., т. е. времени господства здесь усуней, теснейшим образом связаны: 1) хронологически — с па-

¹ Живая Старина, 1894.

мятниками местной сакской культуры VII—IV вв. до н. э., 2) пространственно — с южносибирским кругом памятников. Археологический материал опровергает китайскую версию о приходе усуней на Тяньшань из Восточного Туркестана и заставляет критически рассмотреть письменные свидетельства по этому вопросу.

Сакские племена, занимавшие Тяньшань в предшествующее усуням время, были увлечены потоком юечжийских племен, обрушившихся в 140 г. до н. э. на грекобактрийское царство. Китайцы сообщают, что среди усуней остались многие поколения юечжей и саков, находившихся под главенством усуньского союза. В отличие от китайцев античные авторы, в первую очередь Страбон и Трог Помпей, сообщают о большом количестве племен, вышедших с Тяньшаня и разгромивших Грекобактрию. Оба автора упоминают юечжей под именем тохаров, сакарауков, племена асии, а Страбон — еще пасианов, которых не называет Трог Помпей. Оба автора явно восходят к более ранним источникам, но не раньше эпохи Александра, когда все племена Тяньшаня назывались просто саками.

Существенные дополнения к свидетельствам названных авторов сообщает Птолемей, который среди других племен помещает племена скифских исседонов, в отличие от исседонов «серских», живших в Восточном Туркестане. Известно, что Птолемей заимствует свои данные от Марина Тирского, в свою очередь получавшего сведения от Маэса, македонского купца, участвовавшего в торговых операциях с Китаем. Скифские исседоны новейшим исследователем Птолемея — Бертелло помещаются на восточном Тяньшане.

В то время как асии, пасианы и прочие этнонимы Страбона — Трота становятся известны лишь со II в. до н. э. имя «исседон» восходит к VI в. до н. э. У Аристея Проконисского, автора поэмы «Аримаспея», исседоны суть последние из «реальных», по выражению А. Хермана, северо-восточных племен. Сведения Аристея повторяет Геродот, также не уточняя локализации. Единственное мы можем узнать у Аристея-Геродота, — это то, что исседоны имели своими соседями племена, богатые золотом, вероятно, племена Алтая. Птолемей не просто списывает у своих предшественников, а дает исседонам точную локализацию, причем различает две их группы. Совершенно ясно, что, по сравнению с Аристеем, он обладал новыми данными. Исходя из данных Птолемея, нельзя согласиться с мнением А. Хермана, что исседоны суть приуральские племена и р. Исет — топонимический памятник существования здесь исседонов. Несомненно вернее мнение В. Хенинга и Ю. Юнге, рассматривавших исседонов как группу южноси-

бирских и приалтайских племен, а не восточноевропейских.¹ Укажем на такой факт, как обычай исседонов употреблять череп для изготовления чаши для питья. Видимо, этот обычай от них перешел к гуннам, которые сделали чашу из черепа юечжийского вождя для церемониального питья во время произнесения клятвы. Сильные пережитки материнского рода у исседонов также отвечают состоянию племен сако-массагетского комплекса.

Из изложенного следует, что исседоны являются племенами восточной части Средней Азии, соседящими с южносибирскими племенами, и известны античной науке с VI в. до н. э. по II в. н. э., причем ко времени Птолемея известны две ветви исседонов. Они и являлись носителями культуры Семиречья, составляя с другими племенами в предсуньскую эпоху сакский племенной союз. Во II в. до н. э., когда саки ушли с Тяньшаня в Среднюю Азию и Припамирье, с ними ушла и часть исседонских племен, асии и пасианы. В этнониме «асии» мы видим усеченную форму имени «исседон», давно уже сопоставленную в литературе с именем «усунь». В аналогичном положении находится и имя «пасиан», данное здесь в иной фонетической форме. Имя племен «арси» уже было сопоставлено с «асии». Очевидно, что речь идет о разных вариантах одного и того же этнонима, корень которого в разных текстах звучал *ас||ис||ус*.

Племена сакарауки были еще О. Франке сопоставлены с китайскими известиями о сакском князе, занявшем после разгрома юечжами область Гибинь (Кашмир). С этой поры, т. е. со времени 170—160 г. до н. э., китайцы уже сообщают, что «сакские племена живут рассеяно друг от друга под зависимостью других племен». Этими «другими» племенами стали на Тяньшане усунь-исседоны.²

Совершенно очевидно, что Птолемей в ряде случаев восходил к Геродоту. Свидетельством этому является, в частности, помещение Птолемеем массагетов в западном Тяньшане, когда они в его время явно уже здесь не обитали. Тут сказывается попытка примирить литературные данные предшествен-

---

¹ Ср. М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 2, 1950.

² Все эти вопросы, тесно связанные с тохарской проблемой, отражены в многочисленной литературе, сводку которой см.: И. Умняков. Тохарская проблема. ВДИ, вып. 3/4, 1940. Кроме приведенных в наших работах авторов (см.: АОСК — СЭ, вып. 3, 1947), отмечу статью: G. W. B. Huntingford. Who were the Scythians? *Anthropos*, XXX, сент.—дек. 1935. Автор помещает исседонов между Тяньшанем и Алтаем (см. карту в его статье).

ников с его собственными сведениями. В таком же положении находился у Птолемея и термин *исседон*. Пользуясь аристеевско-геродотовским термином, Птолемей все же сочетает его с современными ему данными о расселении исседонов. Судя по сообщениям Страбона и Трога, вероятнее полагать, что во время Птолемея бытовал уже усеченный термин и его наиболее верной передачей была китайская транскрипция — *усунь*.

Разделение усунь-исседонов на две ветви — тяньшанскую и восточнотуркестанскую — несомненно. Когда ослабло влияние саков на Тяньшане, их восточные соседи исседоны выступили на политическую арену и забрали в свои руки власть среди кочевников Тяньшаня. Воссоединение с ними восточнотуркестанской ветви исседонов послужило, вероятно, поводом для версии китайского источника о миграции усуней из южной части Восточного Туркестана. На самом деле на Тяньшане произошло лишь выдвигание одного из этнонимов местных сакских племен — исседонов-усуней. Естественно, что в этом процессе выдвигания из сакских племен одного племени, по культуре единого с саками, исключена была возможность ожидать принципиально новых явлений в культуре кочевников Тяньшаня. Культура оставалась в основе та же, т. е. сакская, претерпевшая закономерные явления развития. Проникновение в нее китайских элементов объясняется связью усуней с Китаем.

Наше предложение так трактовать происхождение усуней объясняет и сделанные ранее выводы о характере археологических памятников III в. до н. э.—I в. н. э. Связь усуньской (исседонской) культуры с сакской культурой VII—IV вв. н. э. объясняется тем, что исседоны-усуни являлись частью их союза. Тесная связанность культуры сакоусуней с южносибирской объясняется местоположением исседонов-усуней на рубеже Южной Сибири и Семиречья. Вот почему выступление исседонов в качестве политического гегемона сакского союза (а к этому и сводится «происхождение» усуней) не внесло ничего принципиально нового в культуру Семиречья. Гегемония гуннов в первых веках новой эры в Семиречье (когда временно даже исчезает имя «усунь») и скрещение гуннов с усуньскими племенами определило тюркский этногенез усуней, вошедших в состав тюркоязычных племен Семиречья.

Скудость письменных известий о роли гуннов в Средней Азии существенно восполняется археологическими данными. Катакомбы, открытые Г. Гейкелем и нами в Таласской долине, раскопки нами такого же типа катакомб в Арпе, Атбаш, Кыз-арт, Кырчин, Аламышик в Центральном Тяньшане, от-

крытые в Фергане катакомбы в Сохе, Исфаре¹ и Ширинсае,² в Ташкентском оазисе, Чаткальской долине и в Келесской степи (джунская культура),³ наконец обнаружение катакомб в Чон-алае (Кургак, Мааша, Кызылтуу)⁴ позволяют теперь не только нанести на карту зоны расселения гуннов в восточной части Средней Азии, полукольцом охватившие вдоль гор оседло-земледельческие оазисы, но и выявить различные хронологические группы, среди которых катакомбы сохского типа в Фергане, джунского типа в Ташкенте и маашинского в Чон-алае являются наиболее поздними (II—IV вв. н. э.).

Наиболее архаичными выступают катакомбы Кенкола и Кызарта.

---

¹ Раскопки Б. А. Латынина, материал не опубликован.

² См.: В. Ф. Гайдукевич, КСИИМК, вып. 14.

³ Раскопки Г. В. Григорьева. См.: Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении. Изв. ИИА АН КССР, сер. археолог., вып. 1. Отдельные находки этого типа см. у Тереножкина: Изв. УзбАН, вып. 9, 1940. Ср. также: Т. Оболдуева. Курганы каунчинской и джунской культур в Ташкентской области (тезисы диссертации). КСИИМК, вып. 23.

⁴ Ср. наши хроникальные заметки: ВЛУ, № 11—12, 1947; № 11—12, 1948; КСИИМК, XXVI, XXVIII.

Глава VI

ГУННЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Выразительные находки в Кенкольском могильнике на Таласе, отраженные в печати,¹ знаменуют процесс вторжения в Семиречье гуннов и скрещение их с коренным местным населением. Почти двухвековое господство гуннов на Тяньшане (50-е годы до н. э. — 130 г. н. э.) и постепенное распространение их власти и культуры на Запад (в Фергану и Ташкентский оазис) привело к формированию культуры тюркско-кочевнического типа и внесению монголоидных расовых черт в европеоидный облик местного населения Средней Азии. Это была эпоха совпадения процессов антропо- и этногенеза, положившая начало кристаллизации типических черт современного тюркоязычного населения Средней Азии, прежде всего кочевого. Кроме Таласа, могильники этого типа открыты нами в Центральном Тяньшане, в Арпе (Бурмачап II и III) на перевале Кыз-арт. в долину Джумгала. Несомненно, с ними же связано формирование культуры катакомбного типа в Фергане (Сох, Исфара, Ширинсай), в Ташкентском оазисе (катакомбы Пскентского могильника, у станции Вревская и Каунчи), в Чаткальской долине (Узунбулак, Миян Кол), в Чон-алае (Кургак, Кызылтуу и Мааша).² На Тяньшане ко времени I—IV вв. до н. э. относятся подбойные могилы на Иссык-куле (Кырчин) и в долине Нарына (Аламышик).

Типические черты культуры кенкольского типа: керамика лепная, но порой совершенной выделки со скупым волнистым орнаментом, биконические прясла из глины, деревянная посуда — тарелки, кубки, сложно-составной лук с костяными накладками, стрелы со скифоидными, но железными наконечниками (втульчатые — Кенкол, черенковые — Кургак), костяные плоские наконечники стрел с черенком (равным длине

¹ А. Бернштам. Кенкольский могильник, Л., 1940.

² Краткую сводку части этого материала см. у С. С. Сорокина, ВЛУ, №№ 11—12, 1948.

боевой части наконечника стрелы), деревянные столики на ножках, подражающие китайским, обилие китайского шелка. Орнамент в вышивке криволинейный и растительный простого сюжета. Появляется инкрустация в гнездах (карнеол) и зернь по ободку гнезда или краю овального медальона.

Отдельные погребения уникальной сохранности показали наличие типично кочевнической одежды (шаровары, чарыжи — мягкие бескаблучные сапоги, широкие женские платья на высокой кокетке, ниспадающие книзу множеством складок), кочевнические колыбели типа современных «бешик-бала». Погребения парные (мужчина и женщина, иногда и дети грудного возраста или только женские), черепа у всех особей деформированы (кольцевая деформация). Начало деформации отмечено на черепах 6- и 20-месячных детей.

Насыпи гуннских могил мягкие земляные, иногда обведены ровиком вдоль края (Тяньшань); могильное помещение состоит из узкого длинного дромоса (айвон) и овального в плане помещения для покойного (ляхат). В Фергане и Ташкентском оазисе айвон имеет несколько иную конструкцию. Он более открытый, иногда в ширину всей могилы. Входы в катакомбы ориентированы по-разному и соотносятся с удобствами технического порядка (катакомбы вырубались в лёссе, обычно по мягким склонам гор). На Алае (Кургак) катакомбы с широким входом, так же как Мааша и Кызылтуу, но в последних на поверхности либо каменная насыпь, либо четырехугольная выкладка в 2—3 ряда камней. Этот тип намогильного сооружения был заимствован гуннами от местных племен кумедов. Айваны всех катакомб обычно засыпаны камнями, отделенными от могилы жердевой переборкой. Наверху, в насыпи часто группа камней, среди которых остатки костей собаки, лисы. В некоторых насыпях или дромосах — погребения рабов. Рабы представляли собою европеоидный расовый тип и принадлежали, очевидно, к племенам усунь.

Одновременны гуннским погребениям Тяньшаня усуньские погребения Илийской долины (Кара-чоко II, Каргалы II), где встречается усуньская керамика совершенных форм, появляется желтый ангоб. К этому времени мы относим и часть погребений Берккара II. В керамике попадаются чаши со сплошным поддоньем и пазом по закраине, вероятно для крышки. Новым для этого времени является находка костяных и бронзовых костыликов от ремня, бронзовых пряжек без язычка с ажурным прямоугольным основанием и овальной рамкой для продевания ремня.

Звериные мотивы приобретают геометризованные формы. Характерны серьги (Берккара II) с подвесками, иногда ажурными, на которых появляется украшение зернью; широко рас-

пространены бронзовые шпильки с изображением птиц явно двух типов — хищников и «куриных», типа голубя (Чуйская долина), и бронзовые птицевидные крючки для колчана (Тамды, Каратау).

Для могильников этой эпохи типично появление иноземных вещей западного — грекобактрийского происхождения с античными сюжетами (Бурагинская группа, Чуйская долина) и чаще всего китайского происхождения: китайский лак (Чуйская долина), нефрит (Берккара II).

Распространение местной усуньской культуры, воспринятой гуннами, весьма широкое, и она имеет много вариантов, правда весьма незначительных. Помимо того, что она зарегистрирована нами по всему Семиречью (северная точка, которую мы сами наблюдали, — это бассейн Коксу и Каратала), работами С. Черникова показано ее воздействие и на культуру племен Иртыша. Сакоусуньская культура распространена также по всему Центральному Тяньшаню и выходит в Ташкентский оазис (буруглюкская культура); она встречается и в комплексах оседлых поселений в Фергане и в курганах кочевников Алая и Чон-алай (Тулейкен, Чакмак, Шарт — ближе к скифскому времени; Кургак синхронен усуням).

Расовый тип усуней — памиро-ферганский, европеоидный. Ориентация покойника, как и в сакских погребениях, — головой на запад. В некоторых могилах скифского времени встречено воздействие андроновского типа: Аламышик (Нарын, Тяньшань), Чакмак (Алай).

Особо следует отметить поздний вариант усуньской культуры, прослеживаемый главным образом в керамике. Форма чаш этого варианта близка широко распространенным в это время кушанским чашам Ферганы, где они более тонкой выделки и покрыты красным лаком. Этот тип чаш, с красным лаком (вернее толстым слоем красного ангоба, откалывающимися от чаш чешуйками), иногда с ребристым верхним краем сосуда, встречен в Джувантепинском могильнике Илийской долины в малых по диаметру и по незначительной глубине залегания могильной ямы курганчиках (3—4 м в диаметре, высотой от 0.10 до 0.25, глубиной 1 м). В Джувантепинском могильнике исчезает традиционная усуньская цепочка. Кроме керамики этого типа, встречены бусы, бочковидные, пастовые, иногда глазчатые. Могила часто перекрыта жердевым накатом. Продолжая традицию усуньской культуры, Джувантепинский могильник, судя по находкам керамики, исполненной на гончарном кругу, должен быть отнесен к V—VII вв. н. э.

Полагаем, что эта культура выросла на основе культуры тех усуней, которые вначале были отброшены гуннами с коренных мест (Семиречье и Северный Тяньшань), а позднее,

смешавшись с ними, образовали известный еще в V в. племенной союз юебань, позднее (VI в.) известный в конфедерации племен дулу западнотюркского каганата под именем «чубань». Быть может, вторжение гуннов в Семиречье—причина северного расселения (а не только западного) усуней и несомненно важнейшее условие в сложении тюркоязычного характера местного кочевого населения сакоусуньских племен, окончательно перешедших в гуннский период в русло тюркского этногенеза. Усуни были «отюречены» гуннами.

Другими словами, для гуннского периода характерно на первых этапах сосуществование усуньской культуры с культурой кенкольского типа, впоследствии — их скрещение и проникновение на северо-восток (Илийская долина) культурных явлений юго-запада (красный лак и некоторые формы сосудов кушанской Ферганы), вызванное временным включением и приобщением к кочевникам этих культурных центров, в силу власти над указанными районами северогуннского племенного союза.

Чрезвычайно важно отметить, к чему мы еще вернемся позднее, что на юго-западе культура тяньшанских саков и усуней, как и в дальнейшем гуннов, претерпевает сильные изменения, выражающиеся в воздействии высокой культуры Ферганы. Следы воздействия Ферганы мы отмечали в орнаменте и росписях керамики аристеев (Тулейкенские курганы под г. Ош), в лощении и росписи сосудов из курганов сакского круга Алая (Чакмак, Шарт в Алае) и т. п. В свою очередь не избежали этого воздействия и гунны, которые сохранились в более чистом виде на Таласе и в Арпе, отчасти в Ташкенте и подверглись активному скрещению в Фергане и Алае. В частности, в Чон-алае особенно ярко прослеживается их скрещение с местными кумедскими племенами. Скрещение с оседлым населением явно сказывается в катакомбах Ферганы (Сох, Исфара, Ширинсай) и в джунской культуре. Помимо общих черт, свойственных катакомбной культуре Средней Азии, в инвентаре этих могил характерны кубки с ручкой в виде животного, чаще встречается красный ангоб. В джунских могилах встречается вооружение, неизвестное в катакомбах Алая и даже Ширинсая. В алайских катакомбах, кроме сходной утвари, встречаются прясла, железные пряжки с подвижным язычком, бронзовые серьги раннесалтовского типа, украшения с зернью. Для всех этих могил характерна, как и для Кенкола, ослабленная монголоидность, вызванная скрещением гуннов с местным, среднеазиатским расовым типом (памиро-ферганским).

Это был начальный этап активной тюркизации местных племен, в VI—VIII вв. усиливающейся связями с приалтай-

ским кругом племен. Тюркизация нашла свое выражение как в материальной культуре, так и в ряде других явлений, например в языке.

В предыдущем изложении мы пытались показать процесс выхода усуней на историческую арену, как процесс дальнейшего развития сакской культуры и выдвижение на политическую сцену в Семиречье новых сакских племен — исседонов. Население в Семиречье ко времени гуннов складывается из ряда племен, среди которых усунь занимают господствующее положение.

Соседями усуней с востока были северные чешы, этнический тип которых и культура, равно как и точная их локализация нам неизвестны. Долина Уту, в которой располагались чешы, может быть отождествлена с большой долей вероятности с Иртышом. В силу плохой изученности Иртыша в археологическом отношении мы вообще лишены возможности отождествить «Каменный город» владельца чешы с какими-либо развалинами.¹ Укажем на тот факт, что поздние городища долины Иртыша, в отличие от современных им городов как восточного Туркестана, так и Семиречья, тем более Средней Азии, делались из камней, например Аблайкит. Быть может и в древности эта особенность являлась характерной чертой Иртыша. Если это так, то раскопанные С. С. Черниковым курганы рубежа н. э. по Иртышу могут быть отнесены к племенам чешы или к их соседям, родственным по культуре и этническим племенам уге.²

В непосредственной близости от Иртыша, тяготея к северо-западной Монголии, находились племена, которых обычно транскрибируют как племена цзюешэ. Однако, если следовать В. Карлгрену, то древнее произношение первого иероглифа будет звучать «кый», второго — «чак», что дает ясное представление об этом этнониме. Всего вероятнее видеть здесь имя «кыпчак». Племена кыпчаки на этой территории упоминаются еще в рунических текстах VIII в. н. э., в Селенгинском памятнике, что подтверждает возможность локализации кыпчаков III в. до н. э. в районах Хангая или в южном Алтае. Если неясна этническая принадлежность чешы, то кыпчаки были скорее всего тюркоязычными племенами.³ Вблизи этих племен, вероятно на Алтае, могут быть локализованы племена синли.

К северо-западу от усуней, занимавших все южное и среднее Семиречье, были расположены племена худэ. Древнее

¹ См.: ЦХШ, гл. 96б, л. 17а. — Бичурин, ч. 3, стр. 88—89.

² Материал не опубликован.

³ Об этом см. у нас: СЭ, вып. 6—7.

чение этого этнонима дает опять же несколько иную картину — *хутяк*, которое мы предлагаем отождествлять с придыхательной формой *остяк*.¹

Усуни на юге граничили с владением Гумо, т. е. фактически с владениями Восточного Туркестана, на юго-западе — с Ферганой, а на западе — с племенами кангюй.² Границы кангюй подходили к р. Талас; восточная область их расселения, по имени Лоюени, занимала территорию, начиная от северных пределов Ферганы, вплоть до нижнего Чу, с юга на север, и от Талас до Сыр-дарьи, с востока на запад.³

В культуре восточных кангюйцев наблюдается много сходства с культурой усуней. Объясняется это общностью происхождения ее от сакской культуры, близостью восточных кангюй к усуням и естественным наличием культурных связей, а также возможностью скрещения культуры усуней и кангюй, о чем мы имеем прямые свидетельства. В последнем десятилетии I в. до н. э. один из представителей усуньской знати по имени Бихуаньчжи, младший брат убитого (при его же содействии) гуньмо Мочженьгяня, продолжая борьбу с родовой знатю, взял 80 000 человек ему подвластных кочевников и ушел к племенам кангюй.⁴ Этими фактами о связи усуней с кангюй и объясняется культурная близость инвентаря беркаринских и чуйских погребений этого времени.

Этнонимы «усунь», «кыпчак» и «кангюй» (=канглы) сохранились в племенных названиях казахов, что указывает на связанность современных тюркоязычных племен Средней Азии, в частности казахов, с древним кочевым населением Семиречья. В силу связи с гуннами можно предполагать, что племена усунь, кыпчак и кангюй были тюркоязычными. Для доказательства этого положения имеются еще некоторые небезыңтересные факты.

Так, например, у усуней были некие дагян⁵ — «чиновники». Китайцы так и транскрибируют этот титул, придавая ему смысловое содержание. Однако дагян — то же, что и позднейшие китайские дагань,⁶ являются не чем иным, как транскрипцией тюркского термина *тархан*. Когда китайцы лучше познакомились с кочевниками, тогда они употребляли транскрипцию этого титула без попыток дать ему китаизиро-

¹ См. А. Бернштам, СЭ, вып. 2, 1947.

² ЦХШ, гл. 966, л. 16. — Бичурин, ч. 3, стр. 63—64.

³ Этому вопросу и обсуждению предложения С. Толстова о племенах кангюй (ИАН, ОИФ, вып. 4, 1945) посвящена особая наша статья: ИИА АН КССР, сер. археолог., вып. 2.

⁴ ЦХШ, гл. 966, л. 8а. — Бичурин, ч. 3, стр. 75—78.

⁵ ЦХШ, гл. 966, л. 1а.

⁶ СТШ, гл. 1406, л. 20а.

ванное смысловое содержание. Не меньший интерес представляет и другой титул — ябгу — «хихэу».¹ Известно, что титул хихэу, который обычно отмечается только у юечжей² (а на самом деле он был и у усуней), является не чем иным, как древней формой титула ябгу, хорошо известного позднее в рунических тюркских текстах. Отметим, наконец, что китайские царевны, которые в большом числе находились в ставках усуней, носили титул «гунчжу», сопоставленный П. Пелльо с руническими «кунчуй» кыргызских и орхонских текстов.³

Отмеченные нами факты связи усуньской терминологии с тюркской позволяют, быть может, более решительно полагать тюркоязычность усуней, предложенную еще К. Ширатори и с сомнением принятую В. Бартольдом. В. Бартольд прав, когда он критикует попытку К. Ширатори в последней части титула «гуньмо» видеть транскрипцию тюркского *бей*, известного лишь с XVII в.⁴

Для того чтобы исчерпать сведения об этническом составе Семиречья в этот период, следует еще отметить племена уге, жившие к северу от усуней, видимо на Тарбагатае, и западную ветвь гянькунь — кыргызов поблизости от них.⁵ Севернее Балхаша китайцы называют племена динлин, термин, как известно, собирательного характера, особенно для этой эпохи.

Решающее значение в развитии культуры и сложении тюркоязычных народностей Семиречья сыграли гунны как непосредственно, так и через посредство таких племен, как, например, чешы.

Итак, древнейшие сведения о проникновении гуннов в страну усуней относятся к походам Модэ начала II в. до н. э., когда источник Шицзи сообщает, что Модэ покорил 26 владений Восточного Туркестана, а также племена хусе и усунь. С той поры жители всех этих владений вступили в ряды гуннских войск. Этот эпизод лег в основу дальнейших сообщений китайцев об усунях, когда они констатируют зависимость усуней от гуннов и во время Чжанцзяня. Если политическая власть гуннов и недостаточно сильно проявлялась над усунями во II в. до н. э., то она имела своим прямым результатом приоб-

¹ ЦХШ, гл. 966, л. 7а.

² О проникновении этого титула от усуней к юечжи-кушанам см. мою статью: К вопросу об усунь|кушан и тохарах. СЭ, вып. 3, 1947.

³ См. об этом у нас: Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. Л., 1946, стр. 161; ср. прим. 4.

⁴ К. Shiratori. Ueber die Wu-Sun-Stammen in Centralasien. RO, III, вып. 2—3, 1902. К сожалению, этого не учел В. Шахматов в своей в общем интересной статье «К вопросу о племенных союзах и варварских дофеодалных государствах на территории Казахстана». Вестник АН КазССР, № 5(62), май, 1950.

⁵ О них см.: АОСК, стр. 49—51.

щение усуней к китайской культуре, получившей особенно широкое распространение среди усуней в I в. до н. э. С этого времени усунь устанавливают самостоятельные связи с Китаем. Падение политической власти гуннов в Монголии к середине I в. до н. э. способствует усилению связей усуней с Китаем.

Раскол гуннов на две части имел огромное значение прежде всего для Семиречья. Как мы уже неоднократно отмечали, Чжичжи шаньюй откочевал в сторону Семиречья, причем выступал в союзе с племенами кангюй против усуней в 49—48 гг. до н. э.¹

В начале своей деятельности Чжичжи шаньюй направился в сторону Восточного Туркестана. Здесь, успешно разгромив войска самозванца Илим, он присоединил к своим войскам 50 000 местных жителей и временно остался там жить. Лишь отсюда он направился в сторону усуней, отправив посла к их гуньмо Уцзюту. Но посол был убит усунями.

Из Восточного Туркестана Чжичжи пошел войной против усуней, разбил их на Тяньшане; от них пошел на север и разбил племена уге, к западу от них — племена гяньгунь и на севере — племена динлин. Отсюда он отправлял войска против усуней, а затем, по предложению кангюй (примерно в 47 г.), провел большой поход против усуней, врезавшись в качестве своеобразного буфера по р. Талас между ними и кангюй. В верховьях Таласа была ставка Чжичжи шаньюя, и здесь он был разбит китайскими полководцами Чэньтаном и Ганьяньшоу.²

Уже из этих маршрутов похода Чжичжи явствует, что этнический состав его орд был весьма разнообразный и что в процессе войн в Восточном Туркестане с племенами уге, гяньгунь и динлин северные гунны соприкасались с разнообразными этническими и культурными компонентами, которые и были внесены ими в Семиречье.

Такое же значение имели и последующие вторжения гуннов в Семиречье. Среди них следует отметить движение гуннов в конце I в. н. э., когда северные гунны, разгромленные сяньбийцами в Монголии, перешли, очевидно, Тарбагатай и обосновались в Семиречье, дав основу возникновению племенного союза юебань. Вслед за этим разгромом 87—93 г. последовал новый удар. Эти события относительно подробно описаны китайским источником и датируются 90 г. н. э.

Поход китайцев против северных гуннов был якобы предпринят по просьбе южного шаньюя Туньтухэ. Войска южных

¹ А. Бернштам. Хухань и Чжичжи шаньюй. СВ, I, 1940; ср.: АОСК, стр. 45 сл.

² Об этом см.: АОСК, стр. 49 сл.

гуннов в количестве 8000 конницы под предводительством восточного лули-князя по имени Шицзы вместе с двумя колоннами китайских войск выступили против северных гуннов, основной лагерь которых, очевидно, после разгрома 87 г. находился в Семиречье.¹ Движение объединенных войск Китая и южных гуннов весьма показательно, и мы позволим себе привести рассказ о нем полностью.

«Оставя обоз у гор Шое, они разделились на две колонны из легкой конницы и пошли двумя дорогами. Левая колонна на севере, минуя Западное море, пришла на северную сторону урочища Хэюнь; правая колонна, следуя западную сторону р. Хуннухэ, обогнула Небесные горы и переправилась через р. Ганьвэй на юг. Здесь обе колонны соединились и в ночи окружили северного шаньюя. Шаньюй в большом испуге с 1000 человеками отборного войска решился на сражение. Обессилев от ран, он упал с лошади, но опять сел и с несколькими десятками легкой конницы бежал. Сим образом он спасся. Получили нефритовую государственную печать его; взяли в плен яньчжы с семейством из пяти человек обоего пола, порубили до 8000, в плен увели несколько тысяч человек и возвратились».²

В этом весьма интересном отрывке совершенно бесспорно выступает локализация северных гуннов в Семиречье, к северу от Тяньшаня, ибо западное крыло (ю) войска, идущи от Хуннухэ (очевидно Орхон), обогнуло Небесные горы (Тяньшань), т. е. зашло с востока в Семиречье. По дороге они перешли р. Ганьвэй (Енисей). Другая группа войск, восточная (цзо) «минуя Западное море (Баркуль?) пришла на северную сторону Хэюнь». Что за урочище Хэюнь? Расшифровка этого топонима представляет большой интерес. Из контекста ясно, что войска выходят из Монголии и направляются в Семиречье.

На р. Хуннухэ (Орхон) находились ставки гуннских шаньюев, и, судя по подлиннику, этот топоним следует переводить «гуннская река». В написании названия р. Ганьвэй имеется иероглиф *гань*, который в древности читался *Кам*, т. е. Кем—Енисей. Таким образом, восточная часть войск делает большой круг, проходя через области, где издавна обретали свое пристанище северные гунны.

С I в. н. э. в китайских источниках исчезают самостоятельные повествования об усунях, видимо потому, что гунны

---

¹ Разгром северных гуннов Дэусянем датируется китайскими источниками по-разному, от 87 до 93 г. н. э. Надо думать, что это даты начала и конца войны сяньби с гуннами.

² Бичурин, ч. I, стр. 132.

захватывают власть в свои руки. Во всяком случае, в согласии с этим находится первое сообщение китайцев о том, что гунны имели уже западный аймак, причем, судя по тексту, речь может идти лишь о среднеазиатских гуннах. В начале II в. (первая треть) Семиречье, начиная с северных чешы, входит во владения западных гуннов, а именно «князя» Хояня, распространившего свою власть от Баркуля до Каспийского моря. Фактически и Восточный Туркестан, включая Лобнор, и Тяньшань находились под контролем гуннов. Такие оазисы, как Хами (Иву) и Баркуль (Пулэй), почти все время удерживаются гуннами, и еще в середине II в. (151—153 гг.) северные гунны успешно ведут борьбу с китайскими войсками, удерживая в своих руках оазис Хами. Однако эти годы были последними в подъеме северных гуннов. Уже в 155—156 гг. имеются сообщения о том, что предводитель сяньби Таньшихуай «поразил усунь и завладел всеми землями, бывшими под властью гуннов».¹ Несомненно, что здесь есть некоторое преувеличение, так как вряд ли сяньби были долгими хозяевами в Семиречье, но, во всяком случае, они могли на время ослабить роль северных гуннов или, что вернее, сдвинуть их далее к западу. Такую же роль сыграли и племена тоба, которые, всего вероятнее, при Тоба-Ито в 297 г., а затем в 315—318 гг. при Юйлюй покорили древнеусуньские земли и все «лежащее от уге на запад».² Походы Таньшихуайя, Тоба-Ито, Юйлюйя не вытеснили все же всех гуннов из Семиречья и еще в V в. н. э. они продолжают здесь свое существование под именем «юебань».

Из этого краткого перечня событий, которые претерпело Семиречье, явствуют и возможные культурные связи и влияния на племена Семиречья за период господства здесь гуннов. Если к этому вспомнить те оживленные торговые связи, которые были между усунями и Китаем во время затиший между многочисленными войнами, то станет ясным, сколько культурных вариантов могли запечатлеть археологические памятники Семиречья.

Прежде всего здесь должно быть отмечено влияние Китая, осуществляемое вначале через посредство усуней, а затем гуннов. Затем могут быть отмечены возможные проникновения восточнотуркестанской культуры, особенно со времени Чжичжи шаньюя. Северные походы сяньби и тоба продолжали возможное сближение культуры племен Монголии, Енисея, Алтая и Семиречья. Этим и объясняются такие находки, как

---

¹ ВШ, гл. 102.

² Там же.

каргалинская диадема и китайские вещи в инвентаре могил, сходство Кенкола с памятниками Лоуланя, единство в этих районах и процесса расогенеза — постепенное наступление монголоидных элементов. В области культуры, как мы указали вначале, наступает складывание кочевых тюркских элементов культуры.¹

Если мы теперь археологически хорошо знаем следы гуннов в Восточной части Средней Азии и прослеживаем пути их ассимиляции с местными среднеазиатскими племенами, то менее ясно выступают следы их движения на Запад. Однако открытие И. Сеницыным на Нижней Волге (Бородаевка, Усатово, Макаровка, совхоз «Красный Октябрь») совершенно идентичных Кенколу могильников, где незначительный удельный вес местных элементов не лишает «кенкольского» характера погребений, свидетельствует, что в дальнейшем движении на Запад часть гуннов не осела в среднеазиатских степях.² Это была именно только часть, ибо, как показал С. Толстов³ (и к чему мы вернемся ниже), начинает выявляться значительная роль другой части гуннских орд в преобразовании культуры племен собственно Средней Азии, завершившаяся образованием культуры эфталитского времени.

Если приход Чжичжи шаньюя в Талас мы рассматриваем как первый этап «Великого переселения народов» и с его сроками связываем формирование среднеазиатской группы гуннов, начинающийся с раскола гуннов в 55 г. до н. э., то конец второго этапа, среднеазиатского, начинается с ухода части гуннов из Средней Азии. Он был обусловлен вторичным расколом гуннов. Одна часть ассимилировалась со среднеазиатскими племенами, другая в результате действий восточных соседей была вытеснена на Запад.

Вытесненные племенами сяньби и тоба, гунны идут на запад. Ввиду того, что Согд занят кушанами, впоследствии эфталитами, путь гуннов лежал не южнее Сыр-дарьи. На Сыр-дарье они овладевают областью Судэ, всего вероятнее согдийской колонией.⁴ Впоследствии они достигают владений аланских племен. Движение гуннов в южнорусские степи было ускорено

¹ См. наши статьи: Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке, КСИИМК, вып. 5; ср. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, вып. 6. — АОСК. Ввиду того, что упомянутого вопроса мы касались неоднократно, здесь только напоминаем основные черты культуры этой эпохи.

² Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, УЗСГУ, XVII, 1947, стр. 12 сл.

³ Города Гузов. СЭ, вып. 3, 1947.

⁴ См.: К. Shiratori. A Study on Su-t'e, or Sogdiana. MRDТВ, № 2, Токуо, 1928. О взаимоотношении гуннов и аланов: Л. Мацулевич, Аланская проблема и этногенез Средней Азии, СЭ, VI—VII.

Среднеазиатский гунн.
Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Кенкольского могильника.

вытеснением из Семиречья потомков северных гуннов, племен юебань, племенами ухун-уге — древних уйгуров, в свою очередь вытесняемых вначале сяньби и тоба, а в конце гуннской эпохи — жужанями в 492 г. Эти племена угров после разгрома гуннов в Западной Европе и становятся на некоторое время хозяевами в Восточной Европе.¹

Путь движения гуннов на запад отмечен археологическими памятниками. Наиболее яркими являются, кроме «болотных городищ» Приаралья, вещи, инкрустированные драгоценным камнем и обведенные зернью. Эти вещи находили еще в Ноин-уле. Отмечены они были Гейкелем и нами в курганах кенкольской культуры. Развитие этих элементов прослеживается в памятниках Центрального Казахстана (Кара-кенгир, раскопки А. Х. Маргулана), Акмолинской области, в находках у оз. Боровое,² в курганах под Уральском, в с. Шипово. Достигают эти памятники наибольшего совершенства в волжских и южнорусских степях, о чем речь пойдет далее.

Таким образом, на территории Тяньшаня были основные центры среднеазиатских гуннов. Здесь отмечены гуннские могильники повсеместно. На севере — Кенкол, в Центральном Тяньшане — Кыз-арт, Атбаш, Арпа. Эти гуннские племена Тяньшаня были этнической подпочвой для образования особой тюркоязычной группы местных племен. В экспедиции 1949 г. в Центральный Тяньшань были открыты подбой — катакомбы I—IV вв. н. э. с ориентировкой покойника головой на запад. Вход в погребение как в алайских катакомбах — вдоль длинной оси могилы не через коридорообразный дромос, а через яму, закрытую обычно крупным камнем.

На основе этих могил в виде подбоев, известных на Иссык-куле и в Нарыне, развиваются типы погребений VI—VIII и VIII—X вв., открытые нашей экспедицией в 1949 г. в Центральном Тяньшане (могильник Аламышик в долине р. Нарын). Они несомненно гуннского происхождения и мы их именуем «чубаньскими», т. е. восходящими к юебаньским (гуннским) памятникам начала новой эры. Характерно, что часть могил совершенно идентична погребениям поздних кыргызов Енисея. Это дает мне возможность снова обратить внимание на выдвинутое нами в 1941 г. положение о проникновении с Енисея с гуннами первых групп кыргызских племен на Тяньшань. В катакомбной, гуннской по происхождению, куль-

¹ См.: А. Н. Бернштам. Уйгуры в Семиречье. Сб. «Белек» С. Е. Малову, Фрунзе, 1946. Ср. нашу статью: Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947. Там же см. нашу рецензию на работы Отто Мэнчэн Хэлфэна.

² См. нашу статью: Находки у оз. Боровое. Сб. МАЭ, XIII, 1949. Ср. также: А. Х. Маргулан. Вестн. АН КССР, № 2 (35), 1948.

туре Тяньшаня развиваются древнекиргызские племена Тяньшаня, сохранившие в известной степени свое этнографическое своеобразие. Не случайно, что палеоэтнографический материал катакомб в значительной степени является исходным в сложении этнографии современных тяньшаньских киргизов недавнего прошлого.¹

Вторая группа гуннских могильников первых веков новой эры отмечена, как указывалось, во-первых, на юге, вдоль горных цепей, окаймляющих Фергану (Чон-алай, Фергана и Ташкентский оазис). Установлено сильное скрещение с местными племенами, сильнее в Фергане и Ташкентском оазисе, менее в Чон-алае. Чоналайские гунны (фруны-фауны Страбона-Птолемея), жившие под горами Имаус (Памир), скрещивались с кумедами.² Во-вторых, северная группа племен гуннов (к которым, быть может, следует отнести джунскую культуру Ташкентского оазиса, отчасти и Кенкол) скрещивается с сармато-аланским населением Сыр-дарьи, образуя эфталитскую культуру «болотных городищ» нижней Сыр-дарьи. Скрещение гуннов с кумедами на юге в Чон-алае и сармато-аланами по Сыр-дарье создает два центра образования эфталитов. В-третьих, выделяется особая группа гуннских погребений наиболее северная, как бы синхронизирующаяся с Яконуром Алтая, продолжающаяся на Иртыше (Баты), в Центральном Казахстане (Кара-кенгир, быть может Кош-агач и Боровое), не затронутая так сильно скрещиваниями, как две более южных: тяньшанская и алайская «горная» и сырдарьинская «равнинная» (к последней, вероятно, следует присовокупить и ферганские и чаткальские катакомбы).

Своеобразные катакомбы Ташкентского оазиса (джунская культура, Каунчи, катакомбы Пскента, курганы с катакомбами у ст. Вревская) явно разновременны, но в основном первых веков н. э. Типично для могильников этого времени весьма компактное расположение (и в большом количестве) конических и уплощенных земляных насыпей. Не случайно, что местное население эти могильники именует «Минг тепе» («Тысяча холмов»). Значительная часть коллекций из этих катакомб не опубликована и хранится в Музее истории АН Узб. ССР.³

¹ Приведенный материал и новые данные по гунно-тюркским комплексам Тяньшаня будут опубликованы нами в подготовляемом к печати труде «Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-алая».

² Ср. наши хроникальные заметки в: ВЛУ, № 12, 1947, № 11, 1948.

³ Особенно Пскент и Вревская. См. М. Э. Воронец, Археологическая экспедиция Музея истории Академии Наук Узб. ССР, Доклады АН Узб. ССР, 2, 1948, стр. 38—40. Полный отчет: Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1, Ташкент, 1951.

Среди находок в этих могильниках следует отметить монголоидные деформированные черепа, разнообразную керамику в виде полнотельных кувшинов, чаще без орнамента, редко с ручками. Орнамент в виде волнистых линий. Тесто сосудов черное и розоватое. Наряду с этой керамикой представлена и керамика каунчинского типа — кубки с ручками в виде животных (хищников). Следует отметить, что в катакомбах, особенно Пскента, керамика имеет явное сходство с керамикой из курганов Шегнакская (Сыр-дарья), которую мы датировем VI—VIII вв. Эта близость керамических форм и других находок (тип меча, подвески из камня на пояс, железные пряжки) наглядно показывает связь между культурой катакомб и грунтовых могил Сыр-дарьи и их роль в формировании культуры тюркских кочевников Сыр-дарьи. Отмечу, что по Сыр-дарье много курганов такого типа в Ташкентском оазисе, особенно на левом берегу Сыр-дарьи между Узун-Ата и Коксу (к северу от Чар-Дары) и около сел. Чар-Дара (Минг тепе).

Курганы типа «Минг тепе» есть и в Чаткальской долине. В 1950 г. здесь были вскрыты пять катакомб в Узунбулаке и Миян-Коле. Они содержали близкую к Кенколу керамику, большое количество бус и стекла, пасты, сердолика, кварца, агата, малахита, бронзовые полушаровые и т. п. украшения из бронзы в виде подвесок, кольца с незамкнутыми концами из бронзы и железа, графитовые палочки и т. д. Вооружения почти нет — найдены были только железные ножи.

Чаткальские катакомбы, сосредоточенные в нижней части долины, примыкающей к Ташкентскому оазису, представляются нам как одни из ранних среди катакомб Ферганы и Ташкентского оазиса, — примерно I—II вв. н. э. Особый интерес представляет и местоположение этих катакомб, они как бы связывают гуннские погребения Таласа (Кенкол) с Ташкентским оазисом и Ферганой.

Раскопанные в 1950 г. гуннские катакомбы Соха у перевала Бадамча Даван в урочище Бор-Корбаз дали, пожалуй, наиболее поздний вариант катакомб, вряд ли раньше III—IV вв. В Сохских погребениях найден разнообразный материал и выяснена очень устойчивая картина погребального ритуала. Насыпи были земляные, иногда обведенные кольцом камней. Айвон располагался вдоль ляхата, иногда перпендикулярно и весь аккуратно закладывался каменными плитами. Покойники были ориентированы головой на север. В мужских погребениях стояли у головы и в ногах сосуды, на поясе короткие мечи, ножи, сбоку луки с роговыми обкладками, железные черенковые трехреберные стрелы, железные пряжки с овальной рамкой и подвижным язычком.

В женских погребениях были найдены сосуды, бусы (в основном стекло), бронзовые зеркала, косметические принадлежности в виде каменных палочек для сурмления бровей и графит, малые сосуды с косметикой и другой бытовой инвентарь.

Весьма важно отметить, что керамика, обнаруженная в катакомбах, имеет аналогии в ближайших к могильнику селищах (например, у сел. Отукчи), а один из центров ее изготовления был обнаружен в соседней долине Исфаре (тепе Лякан).

В Сохских катакомбах особенно ясно ощущается связь кочевников, гуннских по происхождению, с местным оседло-земледельческим населением Ферганы, как впрочем это прослеживается и в других комплексах, особенно в приферганских районах. Кочевники этих районов были более «оседлыми», чем в горных, как Тяньшань или Алай. Значение этих комплексов особенно важно для истории не только киргизов, но и узбеков. Приферганская группа кочевых племен, оставивших катакомбы, была тесно связана с кушанской культурой и, следовательно, при изучении кушанского периода игнорировать гуннские комплексы нельзя.

Нам представляется возможным утверждать, что эти гуннские племена объясняют нам, почему ни в Тяньшане, ни в Семиречье нет раннекушанских памятников. Гуннский «барьер» обеспечил за Семиречьем и Тяньшанем тюркский этногенез и одновременно был сильным источником тюркизации восточноиранских племен Средней Азии. Если на Тяньшане гунны в основном подвергались воздействию со стороны усуней, а в Фергане влиянию восточноиранских племен, точное этническое имя которых сейчас установить трудно, то в зоне Ташкентского оазиса и по Сыр-дарье они скрещивались с кангюйским и сармато(массагето)-аланским кругом племен. Эти этнические различия и хронологическая разнообразность объясняет нам варианты инвентаря, находимого при раскопках катакомб гуннского происхождения.

Конечным результатом этих скрещений, по нашему мнению, было формирование кангюй и гузов средневековья, обитателей Сыр-дарьи. В этой связи уместно вспомнить, что с кангюйской средой связано выделение печенегов, непосредственно, как и в прошлом гунны, сыгравших немаловажную роль в истории восточноевропейских народностей. Но это тема специального исследования.

Так намечается классификация памятников гуннской культуры в Средней Азии. Несомненно, наибольшая древность принадлежит тяньшаньской группе. Не исключена возможность, что с ней будут равны по возрасту, а быть может и старше, приалтайские памятники.

В то время как обогащенная связями со среднеазиатскими племенами часть гуннов идет на запад (втянув в свою среду и другие среднеазиатские племена), вторая группа гуннов оседает в пределах Средней Азии.¹ Западная ветвь, не втянутая в дальнейший исторический процесс в Средней Азии, сохранила еще в сильной степени пережитки военно-демократического строя, среднеазиатская ветвь, наоборот, вступает в активные взаимоотношения с идущей к гибели среднеазиатской античностью. Почти также сложилась история китайской ветви гуннов, напоминающая судьбы их среднеазиатских соплеменников.

---

¹ Отто Мэнчэн Хэлфэн, несмотря на знакомство с некоторыми трудами советских исследователей (Тревер, Сосновский, Бернштам), правда, в основном по рефератам И. Фильда и Е. Простова, считает, что: 1) для теории восточного происхождения западных гуннов нет ни прямых, ни косвенных литературных и археологических свидетельств; 2) нет свидетельств, что они говорили на одном языке, и 3) насколько известно искусство гуннов, оно различно у западных и восточных. (Otto Mentschen Helfen. Huns and Hsiung-nu. Byzantion, XVII, стр. 243). Отто Мэнчэн Хэлфэн не учитывает этническую и культурную трансформацию гуннских племен, которые в процессе своего переселения, естественно, изменяли свой облик. Следует только вспомнить их путь и тот факт, что они прошли этот путь, минимум, за пять столетий (с середины I в. до н. э. до второй половины IV в. н. э.). Из среднеазиатского материала ему известен (по реферату) только Кенкол, совершенно неизвестны нижневолжские раскопки И. Синицына. Археологию западных гуннов он знает по известной сводке А. Альфельди.

Глава VII

ПАДЕНИЕ ГУННОВ И ПРОБЛЕМА «ВАРВАРИЗАЦИИ» ЖУАНЬЖУАНИ

Первый из вновь выступивших шаньюев был Би, который использовал внутрикитайские династийные смуты, а в 25 г. во время восстания Пыньчуна, соединившись с повстанцем Луфаном — претендентом на престол, пытался завладеть Китаем.¹ Освобождение гуннов из-под власти китайского двора способствовало развитию классовой борьбы в Китае. Гунны вначале пытаются наладить мирные отношения с этими соседями. Однако приобретение временной независимости способствовало возвышению гуннов, их политическому укреплению. «Хунны, напротив, усилились и день ото дня усугубляли свои грабительства и неистовства. В тринадцатое лето, в 37 году (н. э., — А. Б.) они произвели набег на Хэдунь».² Благодаря успешному набегу восточные племена гуннов получили часть северной территории соседей.

В то же время (48 г.) происходят раскол гуннов на две орды и столкновения южной орды с северной, причем в 49 г. северная орда (во время шаньюя Би) имела поддержку Китая. Ориентация господствующей прослойки на Китай вызвала разногласия внутри гуннских племен. В 50-х годах Югянь, восточный чжуки-князь гуннов, взятый шаньюем Би

---

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 110—111.

² Там же, стр. 113. Политика узурпатора Ванмана в первые годы его царствования выражала интересы основной массы крестьянского населения. После его смерти положение крестьян ухудшилось, что действительно вызвало (правда, значительно позднее), новое крестьянское движение — движение «желтых тюрбанов». Реформы Ванмана и крестьянское движение изменили характер общественных отношений в Китае, развивали феодальный уклад за счет снижения роли рабовладельческого. В этом немалую роль сыграли так называемые «варвары», которые выступают в Китае в качестве антирабовладельческой силы. См.: M. G r a n p e t. La Civilisation Chinoise, стр. 153.

в 49 г. в плен, взбунтовался и бежал.¹ Возвышение шаньюев южных гуннов тесно связано с поддержкой их господствующей верхушкой Китая. Последние выплачивают ежегодную дань шаньюям, а племенная организация гуннов по образцу соседей устанавливает своеобразную иерархию бывших племенных вождей. Характерна поддержка некоторых гуннских родов китайской знатью и их возвышение (например, роды Хуань, Хэйбу, Циолинь и Лань, из них Хуань считался старшим). В пограничной полосе были выделены восемь областей, над которыми стояли гуннские владетели.

Укрепление политической мощи южной орды заставило северных гуннов обратиться за поддержкой к Китаю.² Они предварительно отпускают военнопленных китайцев и отправляют в 51 г. посланника для переговоров. Китайский двор не принимает посланника. Северные гунны повторяют попытку в 52 г. и добиваются согласия Китая на союз. Представитель «палаты финансов» Баньбу возражал против этого союза, указывая, что «большое количество их даров доказывает большую бедность, а повторяемое желание сблизиться есть знак большого страха».³ Баньбу указывал, что в прошлые времена предок южных гуннов Хуханье был покорен Китаю, в то время как Чжичжи «был коварен». Поэтому императорский двор решил послать ответные дары, но не вступать с северными гуннами в такие же тесные связи, какие существовали у него с южными гуннами. Подобная осторожность объясняется тем, что северные гунны являлись «варварами» в большей мере, чем южные, а потому представлялось трудным держать их в подчинении методами китайского государственного управления.

В 55 г. северные гунны отправляют нового посланника, но все же безрезультатно, как и в предыдущем, после чего с 62 г. начинают производить набеги на Китай. В результате император Минди в 63—64 гг. приступил к мирным переговорам с северной ордой. Это вызвало недовольство южной орды, которая стремилась перейти на сторону северной и отколоться от Китая.

С указанного времени отмечают существенные социальные изменения у северных гуннов, которые вновь усиленно развивают торговлю с китайцами. Развитие обмена повлекло к неравномерному накоплению богатства и действовало разла-

---

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 117.

² «Северные гунны» в данном случае относятся к остаткам центральноазиатских гуннов — Монголии и Восточного Туркестана, а не к среднеазиатским.

³ Бичурин, ч. 1, стр. 122.

гающе на общественный строй северной орды. В 73 г. здесь нарастают волнения и под ударами динлинов, сяньбийцев и южных гуннов северная орда была разбита.

Вторично сяньбийцы при поддержке китайских войск, которыми руководил Дэусянь, разбили северных гуннов в 87 г., о чем мы писали выше, и привели их орду «в большое смятение». Походами 89—91 гг. южные гунны, которых тогда возглавлял шаньюй Туньтухэ, снова значительно ослабили северных. В это время сяньбийцами был убит их князь Юлю.¹

Однако в орде южных гуннов нарастает недовольство племён. Установленная иерархия гуннских шаньюев вызвала усиление кровопролитной борьбы между племенами и их старейшинами. В 93 г. на гуннский «престол» сел шаньюй Аньго, воюющий с гуннским же вождем Шицзы. Аньго был вскоре убит своими родственниками. В 94 г. на его место садится Шицзы, который предводителем восстанием гуннов, живших в северных провинциях Китая. История «царствования» его и его преемников — перечень бунтов, возмущений и столкновений с Китаем. Последний использует в своей борьбе с гуннами их восточных соседей ухуаньцев, сяньбийцев и наносит ряд поражений примерно в 94 г., 117 (шаньюй Тан), 124—128 гг. (шаньюй Ба).

Все более и более выдвигается значение сяньбийцев, которые иногда производят набеги и на Китай. При шаньюе Хели, с именем которого связано одно из крупных восстаний гуннов в 141 г., сяньбийцы снова разбивают последних. В основных гуннских племенах сохраняется родоплеменной строй, препятствующий росту классовых отношений. Шаньюи часто являются ставленниками «мятежных» гуннов (например Аньго, Гюйгюйр и др.) и выражают интересы племен, резко расходящиеся с внешнеполитическими интересами Китая, который в знати гуннов хотел видеть своих союзников. Этим объясняется попытка Китая установить должность гуннского «пристава».

Гунны стремятся наладить связь с такими же, как они, кочевыми племенами, например ухуаньцами и сяньбийцами, для борьбы с Китаем. Императорский двор, в свою очередь, в качестве средства усмирения кочевников, предлагает подкупы и награды для «раскаивающихся». В 178 г. император Хуньди лишил власти гуннского шаньюя, «неспособного к государственной деятельности», и «поставил восточного луликнязя»,² т. е. китайский двор пытался изменить внутреннее

¹ Ср.: Г. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926.

² Бичурин, ч. 1, стр. 142.

устройство общества гуннов, сталкиваясь, конечно, с сопротивлением основной массы их племен.

Гибель гуннов вызвана двумя причинами. Во-первых, сказалась неудачная попытка Китая поставить своих наместников над их племенным союзом. Спаянный еще пережитками родового строя гуннский союз был достаточно силен, чтобы противодействовать этим стремлениям императорской знати. Во-вторых, потерпела неудачу попытка установить извне хотя бы примитивные формы государственного устройства. Родовой строй гуннов был силен, а элементы классового расслоения, способные создать базу для возникновения государства, оказались недостаточными.

Нельзя не считаться, кроме того, с продолжающейся «варваризацией» гуннов под влиянием племен (ухуань, сяньби и т. д.), которые стояли на более низком уровне развития. Набеги ухуаньцев и сяньбийцев и стычки их с гуннами сопровождались смешением племен и возрождением среди новых племенных образований древних институтов родового строя. Процесс варваризации заключался в уничтожении господствующего рода или племени, в ликвидации «древней родовой знати». Многочисленные убийства гуннских шаньюев — частное выражение этого процесса.

На основе растущего рабства имущие элементы стремились к узурпации прав и к захвату органов родового строя, к замене родовых, первобытно-общинных форм взаимопомощи — формами эксплуатации. Это стремление было противоречиво, так как новой племенной «знати» приходилось сохранять старые формы родовой организации в качестве необходимого условия для ведения скотоводческого хозяйства, и в то же время родовой строй противодействовал эксплуататорским тенденциям имущих элементов новой «знати», способствовал усилению сопротивления основной массы гуннских племен. Не выражая интересов племен, новая «знать» оказывалась в затруднительном положении, выход из которого искала в предательстве (переходе на службу к Китаю). Эта новая «знать» вызывала возмущение не только среди своих соплеменников, но и у населения периферии.

Наконец, вступают в борьбу с гуннами, точнее с их правящей знатью, соседящие племена. У них слабее было развито имущественное неравенство (в силу их подчинения гуннам). Результатом этой борьбы явился окончательный разгром, уничтожение шаньюйского рода.

Внутренняя борьба гуннов против китайского господства, выделение у них эксплуататорского господствующего класса, борьба племенных масс против роста всех форм эксплуатации — все это подорвало мощь гуннского союза. Ослабев, пле-

менной союз вынужден был уступить место другим, более варварским, следовательно и более сильным в военном отношении, племенным образованиям в этих условиях раннеклассового, патриархально-родового общества (сяньбийцы и тоба). Войдя в состав последних, гунны в последующие периоды истории носят и новое племенное название.

Летопись по этому поводу сообщает (93 г. н. э.): «Северный шаньюй бежал, и сяньбийцы, пользуясь сим обстоятельством, заняли земли его. Оставшиеся роды хуннов, простиравшиеся до 100 000 кибиток, сами приняли народное название «Сяньби».¹

Это сообщение, указывая на трансформацию племенного названия, вместе с тем является новым доказательством того, что значительная часть северных гуннов никуда не уходила из степей Центральной Азии. Однако не исключается тот факт, что одна их ветвь двинулась в западном направлении, «обрастая» на пути другими племенами, что было указано ранее.

Это движение мы пытались отметить, характеризуя среднеазиатскую ветвь гуннов. Таким образом, «варваризация» ликвидировала шаньюйский род, сохранила у гуннов еще на некоторое время военно-демократический строй. «Варваризация» в начале III в. решила «судьбу» гуннов, не дав развиться классовым отношениям. Объективно успеху «варваризации» способствовал Китай.

Процесс «варваризации» шел, как уже было отмечено, со стороны трех племенных образований: ухуань, сяньби и этнически родственные сяньби племена тоба.

По китайской исторической традиции, эти племена являются потомками дунху (буквально «восточные варвары»), которые при шаньюе Модэ были разбиты гуннами. Ухуань — общество, стоящее, вероятно, на этапе патриархального рода с сильными пережитками отношений матриархата. Китайские хроники повествуют: «В семействе женина дома жених ежедневно всем по утру кланяется, но не делает поклонения перед отцом и матерью. Когда он (жених, — А. Б.) проработает в женином доме год или два, то тесть щедро отпускает его и отдает все вещи, находившиеся в жилище его дочери. В обычай введено жениться на мачехах, брать жен после братьев: по смерти мужа они возвращаются в дом прежних мужей (в дом отца, — А. Б.). В каждом деле следуют мнению жен; одни военные дела сами решают».² Приведенная краткая

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 163. О сяньби см.: R. Grousset, Histoire de l'Extrême Orient, стр. 219. Вообще остатки северных гуннов известны китайским летописям до 132 г. н. э. Потом, вероятно, исчезло племенное название «гунну», замененное племенным «сяньби».

² Бичурин, ч. 1, стр. 152—153.

характеристика социального строя ухуаньцев наглядно свидетельствует о пережитках материнских отношений внутри их общества, а также о том, что названное племя скотоводов-охотников стояло на более низкой, чем подчинявшие их гунны, ступени общественного развития. Поскольку же гунны становились на путь классового расслоения, постольку они оказывались слабее ухуаньцев, особенно когда выступали в союзе с другими племенными образованиями, например, динлинами.

В 140 и 166 г. ухуаньцы совместно с сяньбийцами и южными гуннами борются против китайцев, а в 206 г. кончают свое самостоятельное существование, подчинившись Китаю и заселив в количестве 10 000 семейств его северные провинции.

Сяньби, а особенно один из домов тоба, непосредственно сменивший гуннов, имел несколько иную историю. Сяньби во многом напоминают ухуаньцев. Они так же, как ухуаньцы, не знали классовых отношений. Особый подъем сяньбийцев известен в 177 г. и связан с именем их вождя Таньшихуайя. До этого времени их история тесно сплетена с историей гуннов. В 45 г. н. э. они еще вместе совершают набеги на Китай, но в последующем, когда характер внутренних отношений среди гуннов резко меняется, сяньбийцы не столь часто являются их союзниками. Уже в 93 г., когда гунны перестают господствовать в Монголии,—сяньбийцы занимают их место. Победа над ухуаньцами в 117 г. и в 124 г. над гуннами усилила сяньбийцев. После разгрома сяньбийцев в 127 г. ухуаньцами, племенная знать первых, подобно гуннской, стремилась подчиниться Китаю.

Хотя история сяньбийцев сходна с гуннской, но между ними имеются некоторые отличия. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что Таньшихуай, с именем которого связано возвышение сяньби, был «выбран народом» за храбрость (как говорят китайские хроники, его избрали старейшиною).¹ Таньшихуай расширил владения сяньбийцев вплоть до земли усуней. Владения сяньбийцев были разбиты на три части: «восточную, занимавшую нынешнюю Маньчжурию и доходившую до моря; среднюю, между р. Ляохэ и Великой стеной, и западную, охватывающую нынешнюю Монголию до Кульджи». ² Китайские советники императора, как свидетельствуют источники, отмечают силу сяньбийцев и то, что «китайцы служат им советниками». ³ Несомненно, сила сяньбийцев, так же как гуннов, основывалась на росте классовой борьбы внутри Китая. Недаром императорский сановник Цайюн гово-

¹ Там же, стр. 168.

² Толль. Скифы и гунны, стр. 59.

³ Бичурин, ч. 1, стр. 173.

рит: «Если в настоящее время мы не в состоянии прекратить разбоев по областям и уездам, то будем ли в состоянии покорить гадких дикарей».¹

Со смертью Таньшихуайя (181 г.) сяньбийцы вступают на путь, аналогичный гуннам, значительно ослабевают, и к началу III в. их политическая роль переходит к дому муюн и тоба, племенам сяньбийского происхождения. История дома муюн и тоба, а также позднее и жуаньжуаней, связана с Китаем эпохи Вэйской и Суйской династий. С падением Ханьской династии, до возникновения Танской, кочевые общества каледоскопически сменяют друг друга.²

Необходимо отметить, что перед возвышением племен муюн и тоба, являющихся остатками быстро распавшегося племенного объединения сяньби, наблюдается некоторое усиление политической активности гуннов. В конце периода существования Ханьской династии в стране происходили крестьянские восстания. Этим воспользовались заседавшие на северные области гунны, которые в 304 г. под предводительством Лююаня, объединившего пять гуннских аймаков, основали в Северном Китае династию Хань.³

Классовая борьба в Китае этого времени способствовала овладению новой гуннской «династией» довольно обширной территории. В 311 и 316 гг. ей удалось захватить обе китайские столицы, Лоян (позднее Хэнаньфу) и Чанань (позднее Сианьфу). Одновременно с гуннами сяньбийские племена тоба (дай) и муюн (янь) захватывают другие части северного Китая.⁴ Походы гуннов на север были менее удачными. Их разбили сяньбийцы, находившиеся, как уже указывалось, на более низкой ступени развития, чем гунны. Гунны этого времени представляли общество, уже далеко зашедшее за грань варварских отношений. Их владычество в Северном Китае представляет собой не что иное, как историю варварского «полугосударства» дофеодалного типа, раздираемого межплеменной борьбой. Об этом говорит, например, борьба преемников Лююаня — Люлю и полководца Шилэ за власть в Северном

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 173.

² Н. Cordier. Histoire Général de la Chine, стр. 307—308.

³ Там же, стр. 306. В конце Ханьской династии происходили крестьянские восстания (с 184 г. «желтые тюрбаны») и гражданская война (с 189 г.), которые привели Китай к распадению на три независимых государства (так называемое троестарствие). Цзинская династия (265—420 гг.) объединила всю страну (280 г.), но через 20 с небольшим лет после этого, в первые годы IV в., Северный Китай был завоеван варварами. Наиболее полное изложение истории гуннских княжеств в Китае, не являющееся предметом нашего специального рассмотрения, см. Mc Govern. The Early Empires of Central Asia...

⁴ Н. Cordier, ук. соч., стр. 308—310.

Китае. Шилэ объявил себя государем и основал столицу в восточной части Северного Китая, в Сян (позднее Шуньдэфу).¹

В 329 г. династия Лююаня прекращает свое существование под ударами Шилэ.² Шилэ и его потомки победили сородичей гуннов, но сами они в 352 г. были разбиты сяньбийским домом Муюн.³ Историческая роль гуннов на этом и была закончена. Наличие в степях Монголии новых варварских образований не дало возможности гуннам, порвавшим со своим варварским прошлым, снова занять господствующее положение в степях. Намного позднее, в V в. потомки южных гуннов заставили обратить на себя внимание, но уже в пределах Восточного Туркестана, в Турфанском оазисе. Имеем в виду политическую карьеру Мугян и его брата Аньчжеу, владевших Гаочаном в середине V в.⁴ Появление в степях Монголии кочевников сяньби, племен муюн и тоба было вторым этапом варваризации. В этой «варваризации» и надо искать объяснение, почему степи Монголии еще ряд столетий не знали государственных образований феодального типа.

Характерно указание китайских источников о положении в Китае во время победы династии Муюн. «В 311 г. (Великий шаньюй сяньбийский Муюн Хой, вступивший на престол в 307 г.,—А. Б.) покорил сяньбийские поколения Сухи и Мувань. Сухи и Мувань-Цзинь, кочевавшие при укрепленной линии в Ляодун, покорили многие китайские уезды и часто поражали областные войска. Фынши, пристав восточных инородцев, не мог усмирить их. Великое множество жителей (китайцев,—А. Б.), лишившихся состояния, перешло к Муюну Хой».⁵ «В 313 г. Муюн Хой напал на дуаньских (племена—А. Б.) и взял у них города Тхухэ. В сие время престол империи сильно был потрясен южными хуннами, и Северный Китай весь занят был иноземными войсками, которые вели кровопролитную войну с Китаем и между собой. Большая часть народа, уклоняясь от смятений, уходила к Ваньсюнь

¹ Там же, стр. 311.

² Там же, стр. 313.—A g e n d t, Synchronistische Regententobellen, MSOS, ч. I, год III, стр. 93.

³ Сообщение о домах Лююань и Шилэ, в извлечении из Ганьму, см.: Бичурин, ч. I, стр. 148—151. См. также: Mailla. Histoire Général de la Chine, IV, стр. 234 сл., а главным образом, под 304 г.; о победе дома Муюн см.: H. Cordier. Histoire Général de la Chine, стр. 317.—R. Grousset. Histoire de l'Extrême Orient, стр. 247. О завоевании гуннами Китая см.: Piton. China During the Tsin Dynasty,—ChR, XI, 1882—1883; XII, 1883—1884.

⁴ Об этом эпизоде см.: O. Franke. Eine Chinesische Tempelinschrift aus Idikutsahri bei Turfan (Turkiſtan). Anhang zu den Abhandlungen PAW, 1907.

⁵ Бичурин, ч. I, стр. 177.

(губернатор в Ючжеу.—А. Б.)».¹ В этих условиях сяньбийцы добиваются господства как над областями, пограничными с Китаем, так, отчасти, и в нем самом.

В 352 г. они оказываются победителями гуннов и берут в плен Жаньмина, последнего представителя гуннских шаньюев.

В 351 г. вожди племени ди основывают новую китайскую династию Цинь, которой в 377 г. удается подчинить все прочие мелкие государства (Муюн-Янь, Тоба-Дай и др.) и объединить весь Северный Китай. Затем Цинь предпринимает поход против Цзиньской династии, продолжавшей владеть Южным Китаем, но терпит страшное поражение (383 г.). В результате мелкие объединения возрождаются в еще большем числе, чем прежде. Только в 439 г. представителю одного из них, Тобавэй, удается уничтожить прочие династии и образовать «империю», существовавшую в Северном Китае целое столетие.

Господство племени тоба в степях Центральной Азии не было столь длительным, как господство гуннов.² Рост и сложение классовых отношений в предшествующих обществах, возможность легкого покорения Китая—вели к тому, что вновь складывающиеся варварские образования Центральной Азии вскоре переходили к классовым отношениям. Все последующие за гуннами племенные образования быстрее сходили с исторической арены, поскольку они «наследовали» определенную ступень классового расслоения. Этим и объясняется частая их смена. Раннеклассовые государства быстро уничтожались патриархально-родовыми союзами. Так, например, тоба, усилившись к 261 г. благодаря покорению ряда племен и особенно благодаря успехам при Юйлюй (с 307 г.), быстро подошли к формированию классовых отношений.³ Завоеванные области превращены в уделы. В 399 г., при Шеигяне, сработан своеобразный «свод законов», в котором имелись пункты о бунтовщиках, убийцах и грабителях.⁴ Тоба, в силу быстро развивающихся у них классовых отношений, становятся союзниками Китая и принимают буддизм, т. е. религию развитого классового общества. Среди них было много китайцев и роль их в создании тобаской культуры велика. Покорить же их и ассимилировать, как раньше гуннов, Китай не мог, так как сам находился в состоянии упадка и политической слабости. Китаизация племен тоба при Тобагуй (386—409 гг.), знаменующая быстрый рост у кочевников феодаль-

¹ Бичурин, ч. 1, стр. 178.

² Н. Cordier, ук. соч., стр. 307 сл.

³ Там же, стр. 194.

⁴ Бичурин, ч. 1, стр. 194.

ных отношений, законодательство (например, установление рубежей столичного округа, и т. д.) совпадает с гибелью самостоятельности тоба. Следует отметить, что характер завоевания варварами Китая в IV—V вв. по своему историческому содержанию аналогичен событиям конца V в. в Европе (завоевание варварами Рима). Китай переживал глубокий социальный кризис и экономическую разруху. Его общественные отношения — сплетение рабства и феодализма — служили причиной застойности развития, долгое время существовавшее рабство привело к аграрному кризису. Латифундии стали убыточными. Завоевание Китая племенами тоба приводит к падению удельного веса рабства, и период «троецарствия» (отчасти и Суйский период) является временем образования классических форм китайского феодализма типа Танской эпохи.¹

В Центральной Азии в IV в. возникает новое объединение кочевников — жуаньжуаней, последних крупных представителей племенных образований в дотюркский период; оно связано с именем некоего Мугулюй (Моколу или Мукуру), бывшего невольником, и действиями «шайки беглецов» из Китая. Китайцы презрительно называют их «жуаньжуань», что значит «ползающее насекомое». Возможно, что их самоназвание было иным, в частности, как предполагает В. Томсен, они могли называться «апар-пурум» и, может быть, являлись предками аваров.² Возможно, что мы имеем здесь дело с организацией, возникшей из разных племенных образований и беглых китайских крестьян. На данном этапе развития исторических знаний сказать что-либо определенное об их племенном составе еще нельзя. Для определения их социально-экономического строя характерно, однако, указание, что наградой у них служили пленные. Возвышение жуаньжуаней связано с именем Шелуня, умершего в 410 г. Весь V в. и начало VI в. заполнены в истории жуаньжуаней войнами с сяньбийцами и Китаем, ведшимися с переменным успехом для обеих сторон. Общество жуаньжуаней было этнически разнородным. Имеются факты, указывающие на то, что предки тюрков были у жуаньжуаней рабами. Несомненно, рабство у

¹ См.: M. G. Galet, ук. соч., стр. 484 и 485 сл. О династии Тобавэй и о том, как тоба приняли китайскую культуру, см.: R. Grousset, ук. соч., стр. 250—252, отмечавшего быстрое восприятие тоба китайской цивилизации.

² По нашему мнению, термин рунических текстов следует читать *апар пурум* и его надо разбить на две части: первая *апар* очевидно транскрипция термина *авар*, точнее *абар*, вторая *пурум*, как это уже показано в литературе, — транскрипция китайского термина *фолинь—пурум—рум*, т. е. Византия. Сплетенность истории аваров с Византией и вызвала к жизни древнетюркское имя *апар-пурум*.

жуаньжуаней было сильно развито, причем невольниками здесь были не столько китайцы, как в предшествующие времена, а усунь, динлины и представители других более родственных им племен. Весьма вероятно, что покоренные племена находились в положении данников. С. Толстов определяет жуаньжуанское общество как рабовладельческое.¹ Конец политическому господству жуаньжуаней наступил из-за возвышения тюрков, разбивших жуаньжуаней во времена Тумыня, в 550 г. Политика последнего кагана жуаньжуаней (вожди жуаньжуаней назывались не шаньюями, а каганами) Анахуаня характерна для заключительных этапов истории предшествующих племенных образований переходного типа от племенного союза к рабовладению. Анахуань просит войск у китайского императора, чтобы «истребить мятежников и собрать рассеявшихся».² Характерная для жуаньжуаней «мятежность» (выражение китайских летописцев) приводит к возникновению восточнотюркского каганата. В первые два века господства этой династии завершились процессы образования государства, происходившие в Центральной Азии со времени гуннов. Чем ближе по времени к тюркам VI—VIII вв., тем короче время существования тех или иных кочевых образований. История племен дотюркского периода должна рассматриваться в ее цельности, и историю гуннов вкратце повторяют сяньби, создавая новый этап развития племен центральноазиатских степей, а историю сяньби в свою очередь продолжают тоба и жуаньжуань. Рассмотрение развития этих «варварских полугосударств» приводит к заключению о нарастании классового расслоения в каждом кочевом образовании дотюркского периода. История всех патриархально-родовых образований — предистория сложения дофеодального государства у кочевников Монголии. Возвышение «варварских полугосударств» до господствующей политической роли временно задерживало процесс сложения государства, но в целом общества кочевников шли к формированию классов, к росту классовых противоречий, к созданию развитого государственного строя. С утверждением последнего было связано и завершение первого этапа тюркского этногенетического процесса.

Роль этногенеза тюрков в истории племенных образований Центральной Азии огромна. Этногенез дотюркского периода имел, примерно, следующую историю. Сначала этнический процесс развивался на основе союза племен — «скифского» периода и времени гуннов. Затем произошел распад древних племенных образований, господствовавших после гуннов

---

¹ С. Толстов. Возникновение каганата жуаньжуаней. ИЗ, III, 1938.

² Бичурин, ч. 1, стр. 227; см. стр. 231.

сяньби (распавшиеся на две ветви — тоба и муюн); к этому времени относится появление жуаньжуаней, представляющих собой (при сохранении пережитков родового строя) примитивно-рабовладельческое государство, подлинный «аморфный конгломерат» племен. Наконец, еще позднее мы наблюдаем тюркский этногенез на основе государства дофеодалного типа.¹ Разнохарактерные, разноплеменные и «разнородные» по составу общества объединяются не на основе родового строя, а в условиях образования государства, окончательного выделения и сложения господствующего класса, носителя власти, литературного языка, письменности и т. д. Однако характерной чертой этих этнических образований являлось сохранение родоплеменных связей, определявших специфику этнических категорий вновь созданных народностей. Условия, которые мешали развитию процесса, были уже указаны: активная военная роль Китая — во-первых, «варваризация» — во-вторых. Основной варварский резерв к тюркскому периоду был исчерпан, почему тюркам и удалось в сравнительно быстрый срок создать государство и закончить этот процесс этнического объединения. Варварской периферией остались север и восток Центральной Азии и Сибирь.

Гуннское общество было обществом патриархально-родовым. В нем только складывались отношения господства и подчинения. История гуннов неразрывно связана с историей Китая. Не учитывать влияние последнего нельзя. Китайский император Вэньди писал гуннскому шаньюю Гиюю: «Хань и Хунну суть два смежные и равные государства». Он предлагал Гиюю: «Пусть народы двух государств (Китай и Хунны, — А. Б.) составят одно семейство», «беглецы» (речь идет о перебежчиках из Китая, — А. Б.) не могут умножить населенность земли. Пусть хунны не входят в границы, а китайцы не выходят за границу. Сим средством можно упрочить сближение».² Гунны были «варварской» периферией Китая. Южные гунны III—IV вв. н. э., как мы показали, находились в системе его классовых отношений.

Оценка социально-экономического строя гуннского общества в советской исторической науке окончательно еще не установилась. С. П. Толстов предполагал, что гуннское общество было рабовладельческим.³ Согласиться с этим мнением можно только с существенной оговоркой. Гунны знали раб-

¹ Об этом подробно в нашей работе: Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. н. э. Л., 1946.

² Бичурин, ч. 1, стр. 31—32; см. более позднюю записку Хоуина и законодательство Ванмана (см. стр. 77 и 81).

³ С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, вып. 103, Л., 1934.

ство, не затронувшее еще основы их общественного строя настолько, чтобы быть базой рабовладельческого государства. Ведущими оставались патриархальные отношения, хотя и на стадии распада. Если гуннское общество в целом было бы рабовладельческим государством, то как можно объяснить стремление эксплуатируемых в Китае перебежать к гуннам? Гуннская аристократия знала рабство, но оно не было основой экономической жизни. Если же считать гуннское общество рабовладельческим, то тогда перебежка зависимого из Китая в рабство к гуннам свидетельствовала бы о стремлении эксплуатируемого к возврату рабовладельческих отношений, что никак не подтверждается историей классовой борьбы. Эксплуатируемые массы в Китае видели в гуннах, особенно в северных, как мы уже указывали, своего союзника. Гуннское общество противостояло государству Китая, как сила, способная если не уничтожить, то значительно ослабить классовый строй Ханьского Китая.

Процесс, начатый в гуннское время, заканчивается в период владычества тоба. Последние завершают синтез и создают все возможности, условия и предпосылки к формированию феодальных отношений в Китае. Раньше этого времени феодальных отношений не знала и Центральная Азия.

Мы не можем согласиться и с мнением тех исследователей, которые утверждают, что гуннское общество было феодальным и что сяньби, тоба и тому подобные образования были не чем иным, как повторными феодальными образованиями. Мало убедительными эти теории кажутся потому, что их авторы или не отделяют южных гуннов от северных, или увлекаются описаниями варварских обществ у китайских историков и становятся на путь признания в лице предводителей племен сюзеренов-феодалов; многие из предводителей племен и в послегуннский период были ставленниками родов, а не классов. Это не были выборы Чингиса, а выборы старейшин.¹ Вопрос о социально-экономическом строе гуннов будет более или менее окончательно решен, когда исследователи получат новые материалы, но и сейчас ясно выступает патриархально-родовой, военно-демократический характер гуннского племенного союза Центральной Азии, отчасти и Средней Азии.

Роль и значение гуннского союза в Центральной и Средней Азии заключались в том, что это было общество переходного типа, стоящее на грани крушения первобытного общинного строя и мучительного созревания классового.

В этом процессе рабство играло значительную роль, но оно не было развито до тех пределов, когда могло бы стать осно-

¹ См.: А. Н. Бернштам. Наследственность и выборность у древних народов Центральной Азии. ПИДО, № 7—8, 1935, стр. 160—174.

вой общественного производства. Рабовладельческий уклад в системе патриархальных отношений, без которого немислим переход к классовым отношениям, был существенной частью, но не ведущей или единственной формой новых отношений. Уклад не создал у гуннов рабовладельческого общества, продолжая играть значительную роль в конгломератных образованиях Центральной Азии дотюркского периода.

Конкретные исторические связи гуннов с Китаем, а затем с оседлыми оазисами Средней Азии определили временное затухание этого уклада, а не его развитие. Но этот процесс мы и пытались показать.

В условиях Центральной и Средней Азии роль гуннов исключительно велика, как мы пытались показать, в политической, социально-экономической и этнической истории. Здесь, в недрах гуннского племенного союза, складывались все условия для начала формирования прежде всего тюркоязычных народностей на востоке СССР. Политическое и военное могущество гуннов в течение столетий содействовало ассимиляции этнически различных племен тюркоязычными племенами. Объективно историческая роль гуннов в крушении рабовладельческих отношений в свете вышеприведенных фактов также достаточно ясна.

Однако, наряду с этим следует особо подчеркнуть и еще другие стороны процесса.

Кочевники гунны были в культурном отношении более отсталыми, чем население земледельческих оазисов, которые были объектами их завоеваний. Археологический материал показывает, как в каждом отдельном случае гунны попадали под активное культурное воздействие ими же побежденных народов. Среди находок в гуннских могилах и поселениях настойчиво выступает влияние ремесла тех стран, откуда уводились военнопленные, или с которыми они, гунны, имели торговые связи. Труд этих людей оказывал прогрессивное влияние на культуру кочевников гуннов. Археологические факты, документирующие этот процесс, приобретают уже массовый характер. Это относится к гуннам центральноазиатским, где особенно ясно воздействие на них культуры Китая, это относится и к гуннам среднеазиатским, где особенно сильно сказалось воздействие на культуру гуннов земледельческих оазисов Ферганы, Ташкентского оазиса и даже Согда.

В условиях Средней Азии гуннский «барьер» на Тяньшане остановил движение Кушанской империи на восток, стабилизировал на определенный период кочевые племена, содействовал укрупнению их объединений. Это привело к усилению их исторической роли и прямым следствием этого явилось наступление варварской периферии на склоняющуюся к упадку

Кушанскую империю. Вне роли гуннской коалиции племен невозможно представить себе образование эфталитского государства V—VI вв., когда Средняя Азия решительно стала на путь разрушения рабовладельческих отношений. Да, это сопровождалось известным упадком культуры, как неизбежным следствием переживаемого внутреннего кризиса, так и в значительной степени в результате развязанных войн и набегов. Однако за этими отрицательными, неизбежными для того времени событиями созрели в быстром темпе условия формирования феодальных отношений, ясно выступающих уже в тюрко-согдийский период VI—VIII вв. По сравнению с ним арабское завоевание Средней Азии VII—VIII вв. и тем более монгольское завоевание XIII века выступают как злое, реакционное наступление варварства на растущий, прогрессивный феодальный порядок.

Так, нам представляются разными причины и следствия внешне и формально единообразных актов завоевания кочевниками государств в Средней и Центральной Азии. Прекрасно сознавая отсталость гуннов в культурном отношении, мы должны дать себе отчет в их объективной исторической роли, несмотря на субъективные намерения знати, на их стяжательство и любовь к грабежу и наживе. Решало историческую действительность движение рядовых масс кочевников, видевших в рабовладельческих государствах, да и в собственной племенной знати, своих прямых врагов. История показывает, что и гуннским шаньюям неоднократно приходилось считаться с волею своих подчиненных рядовых кочевников.

Часть вторая

ИСТОРИЯ ЗАПАДНЫХ ГУННОВ

Глава VIII

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ГУННОВ

Древнейшие упоминания племен с именем «гунн» в пределах Восточной Европы крайне немногочисленны и, в основном, спорны. Наибольшее значение имеют упоминания Птолемея. Видимо, появление здесь этнонима «гунн» в первых веках новой эры связано с первым движением гуннов в Восточную Европу.

Первое упоминание племенного названия «гунн» для юга России зарегистрировано Дионисием Периегетом, писавшим около 160 г. н. э. С тех пор до так называемого «гуннского периода» — IV—V вв. название «гунн» не исчезает и отмечается рядом других, позднейших авторов. Кл. Птолемей в 175—182 гг. отмечает «гуннов» и помещает их между бастарнами и фоксаланами у берегов Борисфена. Некоторые ученые полагали (Шафарик), что можно видеть упоминания гуннов для III—IV вв. Так, отмечали, что для второй половины III в. и начала IV в. (259—312) якобы сохранились упоминания армянских историков, в частности Моисея Хоренского, который называет их «хунк» и помещает на севере Кавказа, между Доном и Волгой. Однако точная датировка сочинений Моисея Хоренского (не ранее V в.) делает недостоверными эти сообщения. «Северные народы», т. е. гуннские племена, воевали якобы с Тиридатом Великим. Армянские историки предполагают, что Дербентская стена была выстроена для защиты от набегов кочевников, подобно Великой китайской стене, которая охраняла земледельческий Китай от скотоводческих кочевых племен, соседящих с ним с севера и северо-запада. Столь же неправдоподобным является известие Зонары о том, что в 284 г. император Кар участвовал в борьбе с гуннами и не может быть принято как свидетельство о реально существо-

вавших гуннах юга России.¹ Реальными являются сообщения античных авторов IV—V вв. Так, Филосторгий, автор IV в., указывает, что «Унны, вероятно, тот народ, который древние называли неврами, они жили у Рипейских гор, из которых катит свои воды Танаид, изливающийся в Мэотийское озеро».² Как современников и соседей скифов отмечает гуннов указанный ранее Дионисий, говоря: «Первые — скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря по устью Каспийского моря; потом — унны, а за ними каспийцы».³

Любопытное свидетельство о происхождении европейских гуннов приводит Зосим в «Новой истории», написанной в конце V в. Отмечая нападение некоего варварского племени на скифов (готов), он указывает: «Их называли уннами; остается неизвестным, следует ли их называть царскими скифами или признать за тех курносых и бессильных людей, которые, по словам Иродота, жили по Истру, или они перешли в Европу из Азии. Я нашел и такое известие, что киммерийский Боспор, занесенный илом из Танаида, дал им возможность перейти сухим путем из Азии в Европу».⁴ Приск Панийский, автор V в., описывая свою поездку к гуннам, называет их в начале своего описания «царскими скифами».⁵

У латинских писателей сведения о гуннах мы находим уже в последней четверти IV в. Авзоний упоминает о «свирепых хуннах»⁶ (*hunosque truces*), Аврелий Виктор отмечает (во Франкии и Дакии) гуннов вместе с аланами (*Hunnis et Alanis*) (вторая половина IV в.).⁷ Аммиан Марцеллин (конец IV в.) коротко сообщает, что «род гуннов (*Hunnorum gens*), о которых мало знают древние памятники, живет за Мэотийскими

¹ См.: П. Шафарик. Славянские древности, I, кн. 2, М. 1837—1848, стр. 85 сл. См. сводку древнейших упоминаний, например, у: I. Klapproth. *Tableaux historique de l'Asie*. Paris, 1826; см. также: Am. Thierry. *Histoire d'Attila et de successeurs*. Paris, 1856, стр. 7. Как мы указали, эти древнейшие упоминания менее всего достоверны и требуют тщательного уточнения. Мы их приводим постольку, поскольку они имеются в литературе и часто обращали на себя внимание исследователя.

² СК, I вып. 3, СПб., 1900, стр. 741.

³ СК, I, вып. 1, стр. 186. Вообще о гуннах (и аvaraх) и их связях с Римской империей см.: Эдуард Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи. Русск. пер., М., 1885, III—IV (о гуннах), V (об аvaraх). См. английское издание под ред. и с прим. Bury (London, 1890) или под ред. Milmon, Guizot and Smith, London, 1904. Переиздание текстов В. В. Латышева см. в приложениях к ВДИ за 1946—1950 гг.

⁴ СК, I, вып. 3, стр. 800—801.

⁵ Там же, стр. 811; см.: Сказания Приска Панийского в переводе Г. С. Дестуниса, Уч. зап. 2-го отд. Акад. Наук, кн. 7, вып. 1, СПб., 1861, стр. 19, прим. 5.

⁶ СК, II, вып. 2, стр. 315.

⁷ Там же, стр. 318.

болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости».¹

Те же сведения о гуннах (чаще — *Chuni*, реже — *Chunni*) сообщают Амвросий (IV в.),² Пруденций (IV — начало V в.),³ Евсевий и Иероним (IV—V в.).⁴ Клавдий Клавдиан (IV—V в.) подтверждает сообщения Филосоторгия, Зосима и др., указывая: «Этот народ (гунны, — А. Б.) живет на крайнем востоке Скифии за ледяным Танаисом».⁵ Орозий (первая половина V в.) отмечает, что между хуннами, скифами и гандаридами — гора «Кавказа».⁶ Упомянутый Орозий пишет, что гунны, до их столкновения с готами, на 13-м году царствования императора Валента, были «долгое время отрезаны неприступными горами».⁷

Судя по первым известиям о гуннах, до массового нашествия из Азии, т. е. до 371 г., можно предполагать, что образование союза кочевников, известного под именем гуннов, в дальнейшем аваров (для Азии гунно-эфталитов), объединение их на юге Восточной Европы, было процессом автохтонным, в котором возникновение местного объединения кочевых племен сочеталось с нашествием кочевников гуннов с Востока, причем нашествие с Востока не положило начало гуннскому периоду на Западе, а лишь ускорило процесс образования племенных союзов Восточной Европы и восточные гунны дали имя этому новому племенному объединению. Историк середины VI в. (551 г.) Иордан приводит интересную легенду о происхождении гуннов: «По истечении краткого времени (376 г.), как рассказывает Орозий, на готов напали гунны, народ, превосходящий всех своей жестокостью. По преданию древности, я узнал следующее об их происхождении. Филимер, король готов и сын Гандариха Великого, пятый в порядке лиц, управляющих королевством готов по удалении их с острова Скандзы (Скандинавии), и под предводительством которого его народ вступил в землю скифов, узнал, что среди его народа водятся какие-то ведьмы, которых он сам на-

¹ Там же, стр. 337.

² Там же, стр. 350.

³ Там же, стр. 367.

⁴ Там же, стр. 368 и 369. «Вот весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Мэотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами Массагетов, где александровы запоры сдерживают дикие племена скалами Кавказа, вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, все наполняли резней и ужасом». В книгах же против Иовиниана Иероним говорит: «*Nunquam nova feritas*» — новая дикость гуннов (стр. 370).

⁵ СК, II, вып. 2, стр. 378, см. также стр. 384.

⁶ Там же, стр. 394.

⁷ Там же, стр. 404.

зывает на своем родном языке алиорумнами. По его приказанию они были выгнаны и осуждены блуждать в степях, далеко от лагеря готов. Нечистые духи, увидев ведьм, скитавшихся в пустыне, сочетались с ними и породили этот варварский народ — гуннов». ¹

Не придавая данному сообщению (о переселении готов) значения точного исторического факта, считаем необходимым подчеркнуть характерное указание на то, что какая-то часть западных гуннов возникла непосредственно на европейской почве, т. е. автохтонно. Связь с предшествующими гуннам образованиями запечатлена и археологическим материалом (см. далее).

Хотя европейские гунны не представляют племен, целиком пришедших с Востока, а включали в свой состав местные этнически разнообразные племена, однако историю их приходится начинать с момента исторического возвышения, связанного с проникновением на Запад азиатских кочевников, т. е. примерно с конца IV в. Первые, очень краткие характеристики гуннов являются чрезвычайно ценными, так как в них дается описание гуннского кочевого образования на начальном этапе сложения крупных объединений, и сопоставление этих известий с последующими помогает уяснить историческое развитие этих обществ.

Авзоний (умер после 395 г.) дает материал для истории первого этапа появления гуннов и отмечает «бродячие полчища хуни»,² подобно тому, как Евсевий и Иероним указывают на «хунн», летающих на своих конях «туда и сюда».³ Определение «хунн» как кочевников дает Клавдий Клавдиан,⁴ а как вооруженных, облеченных в доспехи всадников — Вегеций.⁵ Клавдиан дополнительно сообщает о гуннах: «Север не питает ни одного племени более свирепого. У них безобразная внешность и постыдные на вид тела, но они никогда не отступают перед тяжелым трудом. Пищею их служит охотничья добыча, они избегают даров Цереры, их забава разрезывать лицо, у них считается прекрасным клясться убитыми родителями. Двойная природа не более их сочетала двухобразных

---

¹ Иордан. Цит. по М. Стасюлевич, История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1885, ч. I. Об этой легенде см.: Otto Menchen Helfen — The Legend of the Huns. Byzantion, XVII, Baltimore, 1945, стр. 244—251 — считает, что в этом тексте оказалась традиция раннехристианской литературы. Ср. Deguines. Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, I.

² СК, II, вып. 2, стр. 316. (Chuni).

³ Там же, стр. 369.

⁴ Там же, стр. 384.

⁵ Там же, стр. 391.

тучерожденных с родными конями (т. е. природа сочетала их с конями столь же тесно, как и кентавров, — А. Б.). Они отличаются необыкновенною подвижностью, но без всякого порядка, и неожиданными обратными набегами».¹ Отмеченные Клавдианом детали кочевого древнегуннского общества подтверждаются и другими авторами, в частности Зосимом, который указывает, что гунны «не могут даже твердо стоять на ногах, а живут и спят на лошадях».² Описание гуннов у Клавдиана целиком согласуется с классическим описанием их у Аммиана Марцеллина (IV в.). Аммиан Марцеллин, описывая события 353—378 гг., т. е. период первого появления гуннов, сообщает о них самые ранние данные.

У Аммиана Марцеллина следующее классическое описание гуннов.

«Семенем всех несчастий и корнем разнородных бедствий, которые возбудила воинственная ярость обычным, все смешивающим пожаром, послужила, как нам известно, следующая причина. Племя гуннов, о котором мало знают древние памятники, живет за Мэотийскими болотами у Ледовитого океана и превосходит всякую меру дикости.

«При самом рождении делаются на щеках ребенка глубокие надрезы острым оружием для того, чтобы рост выступающих в свое время волос притуплялся образующими морщины рубцами, и, таким образом, они стареются безбородыми и лишенными всякой красоты, подобно евнухам; все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей или уподобить сваям, которые грубо вытесываются при постройке мостов.

«При столь неприятном человеческом облике они так дики, что не употребляют ни огня, ни приготовленной пищи, а питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением.

«Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение как к гробницам, отрешенным от обычного людского обихода. У них нельзя найти даже прикрытого тростником шалаша; кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду; и на чужбине они не входят в жилище за исключением разве крайней необходимости: у них даже не считается безопасным находиться под кровлей.

---

¹ Там же, стр. 373.

² СК, I, вып. 3, стр. 801.

«Они одеваются в одежды холщевые или сшитые из шкур лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой; раз надетая туника устарелого цвета снимается или меняется не прежде, чем от долговременного гниения расползается в лохмотья.

«Головы они прикрывают кривыми шапками, а волосатые ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом. Поэтому они плохо действуют в пеших стычках; но зато как бы приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошадекам, и иногда сидя на них по-женски, они исполняют на них все обычные свои дела: на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон с разнообразными сновидениями.

«Если случится рассуждать о серьезных делах, они все сообща советуются в том же обычном порядке. Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути. Иногда, под угрозой нападения, они вступают в битвы клинообразным строем с свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство; вследствие их необычайной быстроты не случается, чтобы они напали на укрепления или грабили неприятельский лагерь.

«Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а врукопашную рубятся, очертя голову, мечами и, сами уклоняясь от удара кинжалов, набрасывают на врагов крепко свитые арканы для того, чтобы, опутав члены противников, отнять у них возможность усидеть на коне или уйти пешком.

«У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи. Все они, не имея ни определенного места жительства, ни домашнего очага, ни законов, ни устойчивого образа жизни, кочуют по разным местам, как будто вечные беглецы, с кибитками, в которых они проводят жизнь. Здесь жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости. Никто из них не может ответить на вопрос, где его родина: он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше.

«В перемирии они неверны и непостоянны, быстро увлекаются всяким дуновеньем новой надежды и во всем полагаются на свою необузданную храбрость. Подобно неразум-

ным животным, они не имеют никакого понятия о чести и бесчестии; они уклончивы и темны в речах, когда не связаны с уважением к религии; они пылают неудержимой страстью к золоту и до такой степени непостоянны и вспыльчивы, что иногда в один и тот же день без всякого подстрекательства изменяют своим союзникам и снова примиряются без всякого посредничества». ¹

Из этого описания явствует, что гуннское общество первого периода представляло собой племенное объединение, экономической базой существования которого являлись охота и скотоводство. Последнее начинало преобладать в экономике гуннов, и расширение угодий, новых территорий становилось очередной насущной задачей. Земледелия у них не было, и они были еще в полном смысле этого слова кочевниками. Потребность в охотничьих угодьях и пастбищах была непосредственным экономическим стимулом их первичного движения. Возможно, что эта потребность и запечатлелась в легендарных рассказах о том, как гунны проникли в южнорусские степи. Например, в рассказе Ермия Созомена мы читаем: «Однажды случилось, что преследуемый оводом бык перешел через озеро и за ним последовал пастух; увидав противолежащую землю, он сообщил о ней соплеменникам. Другие говорят, что перебежавшая лань показала охотившимся гуннам эту дорогу, слегка прикрытую сверху водой». ² Эти, казалось бы, два противоречивые предания, оба по своему верны. По первому следует, что потребности скотоводства и уход за домашним скотом (бык и пастух) повлекли к занятию новых территорий, по второй — охота (лань) привела гуннов к новым районам. Варианты легенды отражают те два основных вида производства — охоту и скотоводство, — которые требовали захвата новых территорий и являются по существу новой редакцией легенд, известных еще для скифского периода. Как видно из вышеизложенного, охота и скотоводство, особенно по данным Аммиана Марцеллина и Клавдиана, служили основными источниками существования гуннов в первый период. О земледелии Аммиан Марцеллин категорически заявляет: «У них никто не занимается хлебопашеством и никогда не касается сохи». ³ Для характеристики социальных отношений наиболее ценным является указание Аммиана Марцеллина о том, что

¹ СК, II, вып. 2, стр. 337—339; см. также: Ю. А. Кулаковский. Аммиан Марцеллин, История. Пер. с латинского, Киев, 1908, вып. 3, стр. 236—239.

² СК, I, вып. 3, стр. 763, см. в легенде об Огуз-кагане указание на такую же роль волка, тотема тюрков: W. Bang und Rachmati. Die Legende von Oghuz Qaghan. SPAW, 1932, вып. 25, Berlin, 1932, стр. 12, строка 141 сл

³ СК, II, вып. 2, стр. 339.

гунны, если случится рассуждать о серьезных делах, «все сообща советуются в том же обычном положении (т. е. сидя верхом). Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути».¹ Это указание бесспорно свидетельствует о первобытно-общинном характере гуннского общества первого периода. Судить о системе родовых отношений трудно, однако нужно полагать, что в это время патриархальный род и патриархальная семья уже заступили место материнского рода. Описывая положение женщин, Аммиан Марцеллин не отмечает их особого общественного значения, которое ему бесспорно бросилось бы в глаза, если бы оно имело место; а просто говорит: «жены ткнут им жалкую одежду, спят с мужьями, рожают детей и кормят их до возмужалости».² Шаманизм, судя по данным албанского историка Моисея Каганкатуйского, имевший место у позднейших гуннов, дополняет картину охотничье-скотоводческого быта. На данном этапе гунны представляли раннюю ступень формирования варварских отношений. Развитие скотоводства потребовало увеличения пастбищных угодий. Требовался захват новых территорий, естественно возникала необходимость объединения племен на основе общности экономических интересов, создания более или менее устойчивой организации. Появляются военачальники. Развитие скотоводства обеспечивает создание объединения большого кочевого союза. Первое имя вождя гуннов Баламбера (или Валамира) связано с победой гуннов над аланами, позднее над готами в 370—371 гг.³

---

¹ СЖ, II, вып. 2, стр. 338.

² Там же, стр. 339.

³ Здесь и далее мы употребляем термин «готы» как политическое название, а не как конкретно этническое образование, ибо в составе готского союза были самые разнообразные племена. Несомненно, например, что культура южнорусских степей, Крыма, Северного Кавказа и т. п. оставалась местной.

Глава IX

ОТ ВАЛАМИРА ДО АТТИЛЫ

С укреплением и развитием высшего типа варварских отношений у гуннов начинается второй, мировой по своей значимости и известности период их истории.

Первое событие, которое отмечается источниками в связи с возвышением гуннов,—разгром аланов¹ около 370 г. связан с именем Валамира. Как сообщают древние авторы, в частности Аммиан Марцеллин, аланы были кочевниками. Во многом они были похожи на гуннов.² Для характеристики их социального строя достаточно указания Аммиана Марцеллина: «они (аланы) не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения; в судьи они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами».³ Отличие их от гуннов Аммиан Марцеллин видит в том, что они «с более мягким и более культурным образом жизни».⁴ Кроме того, некоторые авторы отмечают и антропо-

¹ См.: Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских авторов. Чтения общества Нестора Летописца, XIII. Спорную точку зрения об археологических памятниках аланов высказывает Ю. Готье: Кто были обитатели Верховного Салтова? ИГАИМК, V, стр. 65—84. См.: ИС, ч. 3—4, гл. I.

² См.: Амвросий. СК, II, вып. 2, стр. 350.—Орозий, СК, II, вып. 2, стр. 406. Дегинь предполагает, что аланы были разбиты северными гуннами, которые под предводительством Чжичжи удалились в Европу; в начале нашей эры, по его заключению, гунны с берегов Яика завоевали соседей на западе, называемых «яньцай», упоминаемых еще Птолемеем и являющихся известными аланами (см.: Deguines. Histoire générale des Huns, I, ч. 2, 1756, стр. 278—279). Упомянутые яньцай были известны Китаю, на основании чего Ф. Хирт предполагает, что Китай познакомился с ними через своих купцов, бывавших у гуннов и аланов. На этом же основании, в интересах торговли, как предполагает Ф. Хирт, и произошло передвижение гуннов с Востока на Запад; см.: F. Hirt. Über Volga-Hunnen und Hiung-nu, стр. 250 сл. Ср. также его: Mr. Kingsmill and the Hiung-nu. Leipzig, 1910, отд. отт. из AOS, XXX, 1909.

³ СК, II, вып. 2, стр. 342.

⁴ Там же, стр. 341.

логические различия.¹ Иордан отмечает, что гунны «завоевали аланов, утомив их непрерывной борьбой; аланы не уступали им в военном деле, а образованностью, образом жизни и наружностью существенно отличались от них».² Несомненно, что этнически аланы разнились от гуннов, но по социально-экономическому строю почти не отличались. Аланы уже знали земледелие. Победа гуннов над аланами может быть объяснена тем, что удар аланам был нанесен гуннами, азиатскими кочевниками, в союзе с местными племенами. К этому же периоду относится разгром гуннами, быть может с их союзниками аланами, Боспорского царства.³

Происхождение восточноевропейского гуннского племенного союза в научной литературе еще не выяснено. Несомненно, что в состав западного гуннского объединения входили древние птолемеевские «хуны» и «хоны» Кавказа. Имела место бесспорная связь между гуннским образованием и предшествующим скифо-сарматским. В образовании большого объединения гуннского типа несомненную роль сыграли, вступившие в гуннский союз, охотничьи и пастушеские племена Поволжья и даже Приуралья. Повторяем, что кочевые образования юго-восточной Европы, вошедшие в гуннский племенной союз, сформировались как его часть, вероятно, задолго до конца IV в. в связи с восточными кочевниками гуннами. В каких формах осуществлялась эта связь, сейчас можно установить только в общих чертах. Однако, как покажем далее, для поздних гуннов, и особенно для аваров, эта связь документируется археологическим материалом и прежде всего волжскими памятниками. Отмечают монголоидный тип гуннов, в противовес европеоидному аланов, и древние авторы (например Аммиан Марцеллин).

В Восточной Европе до гуннского завоевания имели место два крупных племенных союза — аланский и готский. Объединяя большинство племен Восточной Европы, они не включали в свой состав племена Поволжья и Приуралья, где складывалась экономика племен, ведущих, в частности, скотоводческое хозяйство. Эти скотоводы выделялись из массы охотничьих племен, например, Приуралья. Свидетельством этому являются археологические находки Приуралья и Прикамья, связывающиеся с культурами юга.⁴ Вероятно, из этой среды и составилась значительная часть «автохтонов» восточноевропейских

¹ Иордан. Цит. по М. Стасюлевич, История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых, СПб., 1885, ч. I, стр. 239—240.

² Там же, стр. 239.

³ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, Л., 1949, стр. 478.

⁴ См. публикация материалов в: Материалы и исследования по археологии СССР, I, М.—Л., 1940.

гуннов, которые в совокупности с более южными племенами (напоминаю, что готский и аланский союз не включали всего населения юга Восточной Европы), с остатками того же разбитого аланского союза, а также вместе с азиатскими гуннами (в свою очередь смешавшимися с среднеазиатскими племенами и не представляющими чистых «монгольских» гуннов), составили западногуннский племенной союз.

Надо оговориться, что каждое из приведенных выше сообщений о гуннах у античных авторов не обладает оригинальностью и зачастую является новой редакцией старого сюжета. Эту некритическую преемственность античных авторов, особенно в отношении народов восточного происхождения показал Ю. Юнге.¹

На основе этих сообщений возникли по существу две версии: одна, — указывающая на местное происхождение гуннов, — с нашей точки зрения более древняя, когда гунны просачивались еще в небольшом количестве в южнорусские степи, ассимилировались местной средой, а посему, не составляя обособленного этнического целого, были восприняты как местные племена, и другая — более поздняя, — отражающая уже массовое проникновение восточных гуннов в IV в. Попытку примирить эти две версии видим мы у Иордана.

Связь с Востоком, с азиатскими гуннами, выражалась в том, что часть гуннов после распада гуннского племенного объединения на Востоке двинулась на Запад, отношения с которым через яньцай или аланья (аланов) поддерживались с сравнительно древних времен. Особый интерес в этой связи представляют племена юебань, жившие в середине V в. на территории Семиречья, в долине Или и, возможно, на Тяньшане. О них история Северных дворов сообщает: «Владение юебань лежит от Усуня на северо-запад, от Дай в 10 930 ли. Это есть аймак, прежде принадлежавший Северному хуннскому шаньюю, прогнанному китайским полководцем Дэусянь (93 г. н. э. — А. Б.). Северный шаньюй, перешед через хребет Гиньвэйшань, ушел на запад, в Кангюй, а малосильные, которые не в состоянии были следовать за ним, остались по северную сторону Кучи. Они занимают несколько тысяч ли пространства, и по числу составляют до 200 000 душ. Жители области Лянчжоу владельца еще называют шаньюй — государь. Обычай и язык одинаковы с гаогюйскими, но более опрятности».²

¹ Julius Jung e. Saka Studien. Klio, Beiheft XLI, Neue Folge, Heft 28, Leipzig, 1939.

² Бичурин, ч. 3, стр. 163. Наши последние раскопки в Центральном Тяньшане отмечают гуннского происхождения памятники вплоть до VI—VIII вв., которые мы именуем «чубаньскими».

Этот отрывок представляет исключительный интерес. Прежде всего он указывает, что значительная часть гуннских племен была на территории Советского Союза и, повидимому, ближайшим образом связана, как было указано в главе VI, с этногенезом племен, из которых позднее образовались среднеазиатские народы. Сходство по языку с гао-гюйцами свидетельствует об их тюркоязычности и этническом родстве с уйгурами.¹ Этот отрывок представляет также интерес и потому, что это совершенно достоверный факт движения гуннов на запад, подтверждающий, в какой-то мере, передвижения части гуннов с Востока на Запад. Движение их, как мы выше отметили, происходило, видимо, севернее Сырдарьи, через страну кангюй.

Марксистско-ленинская наука не отрицает такого типа переселений.² Известны многочисленные указания К. Маркса и Ф. Энгельса о характере и причинах переселений, например: «То же давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства. Здесь под другую внешнюю форму действовала та же причина. Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе».³

В этом объяснении дается разгадка причин передвижения какой-то части азиатских племен в эпоху гуннов. Но совершенно ясно, что не они были «праотцами» европейских народов, и не это доказывают К. Маркс и Ф. Энгельс. И суть заключается не в личных духовных качествах такого варвара-завоевателя, и не в самом акте завоевания. «Феодализм, —

---

¹ Об этом подробно в нашей работе: *Очерки древней и средневековой истории уйгурского народа*.

² Неоднократны упоминания о переселении народов у Ф. Энгельса в «Происхождении семьи», «Анти-Дюринге» и других произведениях, у К. Маркса в «Критике политической экономии», в статьях Маркса и Энгельса об Азии (см.: Соч., т. IX), в «Немецкой идеологии» и т. д. По этому поводу см. нашу статью: *О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса*, ПИДО, № 3—4, 1933, стр. 46—51.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Революционная эмиграция в Лондоне. Эмиграция из Англии*, Соч., т. IX, стр. 278—279.

говорят К. Маркс и Ф. Энгельс, — вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в военной организации варварских войск во время самого завоевания, которая лишь после завоевания, благодаря воздействию найденных в завоеванных странах производительных сил, развилась в настоящий феодализм».¹

Из всех высказываний по данному вопросу явствует одно — ни Ф. Энгельс, ни К. Маркс не отрицали таких передвижений и, судя по их словам, относили их к сравнительно далеким временам, во всяком случае включая и время гуннов.

Принимая историческую возможность такого передвижения, мы, однако, основное внимание уделяем вопросу участия в гуннском племенном союзе автохтонных племен. Каковы бы ни были размеры движения из Азии, не оно определило возникновение гуннского образования на Западе. Корни этого образования в значительной мере надо искать в истории местных, восточноевропейских племен. На антропологическом и лингвистическом материалах исследователи стремятся доказать автохтонное происхождение гуннов. Они отмечают, что антропологический тип не является показателем для утверждения о миграции кочевников из Азии, так как, например, антропологические данные тюркской «расы» настолько разнородны, что говорить о каком-либо расовом единстве западных и восточных тюрков не приходится.²

Более оседлые скотоводы и в антропологическом типе отличаются от кочевников. Мы отмечали ранее кочевников двух типов — «гуннского» и «аланского». Это деление крайне условно и показывает лишь, что вопрос о степени влияния разных условий кочевого быта на различие в антропологических типах еще не решен. Если эта проблема будет разрешена, то тогда, возможно, объяснится и наличие на юге России двух антропологических типов, «гуннского» и «аланского», в Азии гуннского и динлинского. Мы предполагаем, что различия между гуннами и аланами вызваны принадлежностью тех и других не только к разным этническим группам племен, но и к разным социально-экономическим образованиям. Гунны происходили из районов степей, в прошлом были охотниками и скотоводами; аланы были скотоводами пастушеского типа (т. е. знали земледелие). Может быть, в этих условиях происхождения и формирования гуннских и аланских племен и кроются объяснения различия их антропологического типа.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. 1935, стр. 63.

² Т. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М., 1949.

Самыми яркими миграционистами — Ам. Тьерри и Ю.Клапротом высказывалась мысль, что в Восточной Европе гунны приобрели финские антропологические черты в результате смешения их с уральскими, угрофинскими народами. Бесспорно, что в гуннском племенном союзе Запада надо учитывать новые племенные образования охотников-скотоводов лесостепной полосы. Для Ю. Клапрота — это угрофинские народы. Для нас это — совокупность этнически разнообразных племен, по социальному строю сравнительно сходных с аналогичными племенами Центральной Азии в эпоху сложения там гуннского племенного союза. Как мы покажем далее, многие предметы материального производства западноевропейских гуннов могут быть объяснены на основании данных раскопок, например, Пермского края. Многие памятники гуннской культуры в Западной Европе корнями своими уходят в эпоху существования культуры обществ Ананьинского и Пьяноборского типов. Объяснение вещей Петроссы, например, мы ищем здесь, а не на далеком от Венгрии Алтае. Доступный науке материал по культуре гуннов скорее позволяет установить связь между европейскими гуннами и предшествовавшими образованиями, чем всецело увязывать происхождение западных гуннов с восточными. Только сравнительно небольшая часть явлений найдет себе объяснение в восточном происхождении. Судя по тому, что аланы были такими же, как и гунны, кочевниками, можно предполагать, что часть из них включилась в гуннскую орду, другая часть передвинулась к югу, на Северный Кавказ, где следы их сохранились вероятно в сабирах, а до наших дней среди племени осетин, возможно, в дигорах «тохарах».¹ Несомненно, что смешение гуннов с аланами происходило еще в приаральских степях, на восточных границах расселения аланов. С другой стороны, и Приаралье с древнейших времен, как показал С. Толстов,

¹ Павел Орозий сообщает, что «два клина готов (остготы и вестготы, — А. Б.), затем аланы и гунны грабили друг друга, производя разные убийства» (СК, II, вып. 2, стр. 406). Это место свидетельствует о характерных для такой стадии общественных отношений раздорах внутри варварских объединений. См. также о совместном упоминании гуннов и аланов: Аврелий Виктор, СК, II, вып. 2, стр. 318. — Латиний Пакт, Дрепания. СК, II, вып. 2, стр. 346. — Амвросий, СК, II, вып. 2, стр. 353. Несомненно, что восточноиранские элементы в аланской этнической группе, тесно связанные прежде всего с Хорезмом, отражают древнее состояние аланских племен. «Иранизация» верхушки этих племен — древнее гуннского вторжения. Последнее имело значение только для расселения народов Северного Кавказа и, быть может, некоторой тюркизации равнинных племен. Устойчивая самобытность культуры племен Кавказа удержалась и при гуннском нашествии. Ср. точку зрения В. И. Абаева, считающего аланов догуннского периода иранскими племенами (см. его: Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949).

было связано с Приуральем. Возможно, тогда складываются те этнокультурные близости, в которых все больше и больше утрачивались восточные элементы гуннов. Напомним, что уже среднеазиатские гунны являлись носителями местной, т. е. среднеазиатской, культуры.

Гунны двинулись к южным степям Восточной Европы, представлявшим собою удобные пастбища и потребную для форм хозяйства гуннов территорию. Естественной границей этой территории на западе был Днепр. Здесь и произошло столкновение гуннов с готами в 371 г.

В первую очередь гунны столкнулись с остготами. У греческих и латинских авторов, говорящих о варварских обществах юга Восточной Европы, имеются неоднократные упоминания о разгроме готов.

Готы в то время (время Германариха) были обществом, стоявшим на ступени формирования классовых отношений варварского «полугосударства» (К. Маркс). Успех пропаганды Ульфилы и распространение христианства служат этому подтверждением. Некоторые данные о внутреннем строе готов дают возможность предполагать, что у них процесс разложения родового строя основывался на широко развитом рабстве. Труд рабов использовался, главным образом, в развитом у готов земледелии. О социально-экономических отношениях готов к моменту гуннского завоевания имеются яркие свидетельства древних авторов.

Готы, называемые многими источниками скифами, во времена Германариха господствовали над многими племенами, в частности над племенами, жившими по Борисфену, т. е. Днепру.

Имеется любопытный рассказ Иордана о готах: «В то время, когда Германарих, хотя он, как я выше сказал, вышел победителем из борьбы со многими народами, однако же начал думать о появлении гуннов, вероломные россомоны (роксолане, — А. Б.), бывшие у него в рабстве, нашли случай погубить его».¹ Апологет готов, Иордан объясняет победу гуннов смертью Германариха. Источники скупы на факты о внутреннем устройстве готов, но, хотя и немногочисленные, приведенные данные отчетливо говорят о сильной степени разложения родового строя у готов и об их известной слабости по сравнению с сохраняющими еще свою варварскую силу гуннами. Вскоре после разгрома остготов гунны столкнулись с вестготами.²

¹ Иордан, ук. соч., стр. 240; см.: Am. Thierry, Histoire D'Attila, I, стр. 16.

² О разгроме готов и смерти Германариха см. П. Шафарик. Славянские древности, I, кн. 2, стр. 248—250.—ИС, ч. 3—4, стр. 29 сл.

Подобно тому как аланы включались в состав гуннской орды, так и часть вестготов под начальством Гунимуда, сына Германариха, вошла в состав гуннского племенного союза, другая часть направилась на запад, к римским границам.

Вторым местом борьбы гуннов с готами, вернее с вестготами, были берега Днестра (Истра). Здесь был нанесен вестготам сокрушительный удар, они были разбиты на две части, одна из них во главе с Атанарихом была отброшена на Карпаты,¹ другая под начальством Фритигерна искала защиты у Рима.²

По этому поводу источники сообщают:³ «Побежденные скифы (готы, — А. Б.) были истреблены уннами, и большинство их погибло; сии их ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при избииении; другие, собравшись вместе и обратившись в бегство, числом немного меньше 200 000. . .».⁴ Иордан сообщает, что вестготы «общим приговором решили отправить в римскую землю посла к императору Валенту, брату старшего Валентиниана, прося дать им часть Фракии или Мизии для поселения, на основании римских законов, с повиновением его воле».⁵ В 376 г. император Валент принял готов, а в 378 г. произошло большое восстание вестготов.⁶

Собственно первоначальное движение гуннов заканчивается на Днестре. Проспер Аквитанский (середина V в.) отмечает, что «племя гуннов опустошает землю готов, которые, будучи приняты римлянами без сложения оружия, поднимают восстание».⁷

Филосторгий, описывая движение гуннов вслед за готами, указывает, что, «перейдя через замерзшую реку (Истр, — А. Б.),

¹ См.: Аммиан Марцеллин, СК, II, вып. 2, стр. 343; см.: Сократ, СК, I, вып. 3, стр. 751.

² См.: Созомен, СК, I, вып. 3, стр. 763.

³ Оросий, СК, II, вып. 2, стр. 404; см.: Созомен, СК, I, вып. 3, стр. 762 сл.

⁴ Евнапий, СК, I, вып. 3, стр. 727.

⁵ Иордан, ук. соч., стр. 240; см.: Евнапий Сардиец. Византийские историки, СПб., 1861, стр. 125.—Амм. Марцеллин, СК, II, вып. 2, стр. 342—344.

⁶ На истории готов в Восточноримской империи мы здесь специально не останавливаемся. Необходимо отметить лишь, что в Восточноримской империи готы поднимают восстание (восстание 378 г. и бой у Андрианополя). По указаниям Зосима, готы предпочли «предаться уннам, чем погибнуть в страшных мучениях, которые обыкновенно бывают следствием голода» (Зосим, СК, I, вып. 3, стр. 803) или «произошло такое избиеение скифов (готов, — А. Б.), что они в отчаянии предпочли лучше переправиться обратно из Истр и предаться уннам, нежели всем погибнуть от рук сарацинов» (Зосим, ук. соч., стр. 802). Умиротворение готов и заключение союза с их знагью было делом царя Феодосия.

⁷ СК, II, вып. 2, стр. 408.

одни из гуннов вторглись своими полчищами в Римскую землю и, пройдя по всей Фракии, разграбили всю Европу».¹ О занятии Фракии гуннами говорит и Зосим.² Известно успешное выступление гуннов против готов под предводительством Ульда и битвы Ульда с Гайном.³ Созомен, описывая поход гуннов под предводительством Ульда во Фракии, указывает, что Ульд, взяв путем измены мизийский город Кастра Мартис, «совершал оттуда набеги на остальную Фракию и по своей самонадеянности не хотел и слышать о договоре с римлянами».⁴

Во времена Ульда происходит распад кочевой гуннской орды.⁵ Огромная территория и большое число покоренных племен, а также рост классовых отношений, — все это, вместе взятое, препятствовало закреплению достигнутых успехов. Столь грандиозные завоевания привели гуннское общество к усилению классовообразующих процессов. Гуннская орда ослабевает, чем воспользовалась Восточноримская империя. Феodosию, разбившему готов, удалось разбить и гуннов, находившихся в пределах его империи. Зосим сообщает, что «множество уннов заняло обитаемые ими (скифами, т. е. готами, тайфалами и другими племенами, — А. Б.) области; император Феодосий стал готовиться со всем войском к войне».⁶ Непосредственно военной операцией ведал Модар, «происходивший из скифского рода, но незадолго перед тем перебежавший к римлянам и за высказанную верность получивший начальническую должность в войске».⁷ Успешные военные операции привели к тому, что «Фракия, которой грозила самая печальная участь, на время успокоилась после столь неожиданной гибели пребывавших в ней варваров».⁸ Ульд спасся бегством за Истр, а основная масса войска, состоявшего из ряда племен (Созомен особо выделяет скифов⁹),

¹ СК, I, вып. 3, стр. 742.

² Там же, стр. 804.

³ Зосим, СК, I, вып. 3, стр. 809.

⁴ СК, I, вып. 3, стр. 771.

⁵ В то время как Ульд воевал под Константинополем в 400 г. и заключил мир с Аркадием (404), другая часть гуннов под начальством Аспара была в Италии и воевала вместе с королем Иоанном (424), гремя под начальством Ронласа опустошала Фракию (432), остальные были в Паннонии под начальством Руя. Шафарик, Славянские древности, I, кн. 3, стр. 90. О гуннах и их связях с Византией и с Западной Европой см.: ИС, ч. 3—4, гл. I.

⁶ СК, I, вып. 3, стр. 804.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 805, см. стр. 806; см.: Орозий, СК, II, вып. 2, стр. 405.

⁹ Созомен, СК, I, вып. 3, стр. 771.

попала в рабство. Одних продали по дешевой цене, других даром роздали в рабство,¹ или они попали в «вассальные» отношения: «значительное число их, оставшихся непроданными, получило приказание жить в разных местах».² Победа Восточноримской империи над варварами-гуннами и обращение захваченных в плен гуннов в рабство — временно затормозили развитие классовой дифференциации в гуннском обществе и нанесли удар всему объединению. Гуннское образование распадается. События, связанные с первым распадом гуннского *варварского* объединения, показывают, что завоевания, если они не сопровождались у племен-завоевателей быстрым формированием *государства*, оказывались непрочными. Гуннский племенной союз был слишком велик, чтобы его можно было сохранить средствами патриархально-родового строя. Захват варваров в рабство Восточноримской империей, удар, нанесенный гуннам Феодосием, только временно приостановили рост могущества гуннов, создали все предпосылки для их возрождения. Гунны имели в качестве своего союзника сельское население Восточноримской империи, варваризировавшееся во время Валента и Феодосия. Надо помнить, что в составе этого населения было немало задунайских варваров, жаждущих освобождения.

Подъем гуннской орды и третий, самый значительный, этап истории западных гуннов (V в.) связаны с именем их вождя Руя или Ругилы.³ Распадение гуннской орды было недолговременным. Однако нам не известны вожди гуннов этого периода. Гунны не совершали походов, и поэтому источники, в частности византийские, почти не знают имен их вождей. Возможно, что варварское общество в короткий период упадка вообще не имело вождей типа Валамира.

Приск Панийский сообщает, что Руя (Руа) «решился вести войну против амилзуров, итимаров, тоносуров, войсков и других народов, поселившихся на Истре и прибежавших к союзу с римлянами».⁴ Племена, с которыми Ругила вел борьбу, вероятно, жили ранее по северному побережью Черного моря и входили в состав гуннской орды во время первого этапа их истории. Ругила пытался еще раньше устано-

¹ Созомен, СК, I, вып. 3, стр. 771.

² Там же, стр. 772.

³ Мы отделяем второй этап от третьего на том основании, что на втором этапе подъем гуннов был связан с успешностью завоевания и превосходством раннего этапа варварства гуннов над разлагающимся варварством готского союза, на третьем же этапе подъем и успех гуннов основаны целиком на «синтезе» — союзе восставших рабов и колоннов Римской империи с завоевателями.

⁴ Г. С. Дестунис. Сказания Приска Панийского. Уч. Зап., II, Отд. Ак. Наук, кн. VII, вып. 1, СПб., 1861, стр. 18.

вить прерванный во времена Ульда мир с римлянами и вторично послал в Константинополь некоего Ислу. Несогласия между Ругилой и Римской империей объясняются задержкой и невыдачей гуннам их перебежчиков. Ругиле удалось снова объединить племена, и он даже перешел Дунай и занял Паннонию.¹ В результате этого усиления он и потребовал «возвращения всех перебежчиков, свободной и равноправной торговли на границе и увеличения ежегодной дани до 700 фунтов золота».²

При Ругиле гунны обменялись с Империей посольствами. К римлянам был послан Исла, который вернулся обратно с Сангилахом, но гунны и римляне не пришли к окончательному соглашению. Ругила объединял племена, главным образом, в восточной части степей. Продолжение дел Ругилы выпало на долю его племянника — Аттилы, который вошел в историю, как один из самых крупных представителей варварских образований. Не случайно А. Тьерри пишет, что «имя Аттилы завоевало себе место в истории человеческих гениев рядом с именем Александра и Цезаря».³

Собственно, после смерти Ругилы, последовавшей в 433 г., наследниками его являлись два племянника, Бледа и Аттила, сыновья его брата Мундзука. История первых 8 лет их царствования неясна. С 445 г., после смерти Бледы, Аттила становится единственным вождем гуннского объединения.

---

¹ Н. Толль. Скифы и гунны, стр. 73. Впрочем, по Приску, этот поход гуннов состоялся при Аттиле, после смерти Ругилы.

² Н. Толль, стр. 73.

³ Am. Thierry. Histoire d'Attila et de successeurs.

Глава X

АТТИЛА И ГУННЫ В ЕГО ВРЕМЯ

По Иордану, Бледа и Аттила были не родными братьями, а двоюродными; Бледа был, по всей вероятности, сыном Актара, братом Ругилы, с которым он разделял власть. Иордан также говорит о том, что двойственность власти Аттилы и Бледы кончилась братоубийством, а не естественной смертью Бледы.¹

Римляне стремятся продолжить свои мирные связи с гуннами. Еще при жизни Бледы было направлено посольство Плинфа и Эпигена, которые встретились с царскими скифами (гуннами) в Марге, Мизийском городе, в Иллирике на берегу Истра против крепости Констанции (при впадении р. Моравы в Дунай).² После этих переговоров было достигнуто соглашение (как мы указывали, приписываемое Ругиле), по которому, помимо вышеперечисленных привилегий (выдача перебежчиков, равноправная торговля и дань в 700 фунтов золота) были выданы гуннам дети Мамы и Атакама, происходящие из царского рода, вскоре Аттилой и Бледой умерщвленные в Карсе (Добруджия).³ Известием о войне с соросгами (скифским племенем) исчерпываются сведения о первом периоде истории господства Бледы и Аттилы.

Аттила продолжает дипломатические сношения с римлянами. Раздраженные тем, что епископ города Марга в 442 г. разграбил их «царские гробницы», гунны потребовали выдачи перебежчиков и «духовного грабителя». Этот повод приводится источниками для объяснения перехода гуннов через Истр и разгрома Виминаякия. В это время гуннам было легче совершать свои набеги, так как они могли опереться на вос-

¹ См.: Иордан. Цит. по М. Стасюлевич, История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1885, ч. 1, стр. 421.

² См.: Приск. Цит. по: Г. С. Дестунис, Сказания Приска Панийского (в дальнейшем: Приск), стр. 19, прим. 4

³ Там же, стр. 21—22.

стания плебса в городах Римской империи. Так, например, был взят город Марг. Как свидетельствует Приск, «могущество варваров возросло после того еще более».¹

Феодосий младший ответил отказом на вторичное требование Аттилы выдать перебежчиков. Это повлекло за собой опустошение гуннами Иллирика и Фракии. Необходимо было немедленно принять меры для улаживания конфликта, что было сделано посланниками Империи Сенатором и Феодулом в городе Одессе (нынешняя Варна). Но дипломатические переговоры ненадолго задержали дальнейшие набеги гуннов. Вскоре произошло сражение в Херсонесе Фракийском, после которого был заключен мир на тяжелых для римлян условиях.

Посольству Анатолия, отправленному после сражения в Херсонесе, предъявлено было требование о размере дани и перечень обязательств римлян. Они должны были уплатить 6000 литров золота единовременно и по 2100 литров ежегодно; за каждого бежавшего военнопленного римлянина (раба) платить 12 золотых монет, либо выдать его обратно гуннам; кроме того, Империя обязана была выдать гуннам всех перебежчиков и в дальнейшем выдавать их систематически. Характерно, что гунны одним из условий ставят освобождение Римом военнопленных — ремесленников, колонов, рабов. Согласившись на все требования гуннов, римляне в виде компенсации намного увеличили поборы с местного населения.

В последующее время Аттила неоднократно направляет к римлянам послов с требованием выдавать беглецов. Настойчивость Аттилы свидетельствует о том, как много внимания он уделял сплочению гуннского племенного союза. Объединить разноплеменной состав орды одними средствами военного принуждения, конечно, было трудно.

Патриархально-родовые средства управления были уже недостаточны для объединения, классовые же отношения для формирования государственного устройства еще не созрели. Рабы, находящиеся во владении у гуннской племенной знати, обеспечивали известную автономность гуннских вождей, хотя это рабство и имело еще патриархальную форму.

Аттила не допускал распада союза кочевников. Наоборот, судя по характеру требований, предъявляемых его посольствами, он старательно объединял вокруг себя всех тех, кто имел отношение к племенному союзу.² Сила вождя гуннов заключалась в том, что в тылу своего врага он имел союз-

¹ Там же, стр. 23.

² Там же, стр. 30.

ника — зависимое население Рима, в частности рабов, бывших варваров. В союзе с восставшими рабами и колонами, да вообще со всей зависимой массой населения, он сумел создать новое объединение и успешно продвинулся на запад.

Для удовлетворения непосредственных интересов кочевников Аттила организовал захват земель; в частности, посол Эдикон был уполномочен добиться соглашения с римлянами по поводу земель по течению Истра от Паннонии до Нов Фракийских, завоеванных Аттилою, которые гунны запрещали возделывать; кроме того, было повторено требование возвратить беглецов.¹ В случае невыполнения этого гунны угрожали войной.

Ближайший соратник Феодосия II — евнух Хрисафий предложил Эдикону убить Аттилу. Для организации убийства к вождю гуннов отправили послов, служивших посредниками в заговоре и, одновременно, бывших ответственными за посольство Эдикона. В числе послов (448 г. до н. э.) были Вигила, знавший гуннский язык, знатный имперский сановник Максимин и Приск. Последний и оставил подробное описание своего путешествия, которое служит основным источником для изучения истории западных гуннов.

Приск отмечает одну любопытную деталь. Он рассказывает, что послы заехали к предводителю иллирийского войска в районе Наисса, чтобы получить от него для выдачи гуннам 5 беглецов из общего числа 17. Перебежчики-гунны не попадали, следовательно, в рабство как военнопленные, а использовались в армии в качестве наемной силы. Этим и объясняется дезертирство из гуннского объединения. Вольный гунн, беглец был у римлян не обычным непосредственным производителем — колоном, а солдатом.²

Из передаваемого Приском разговора Аттилы с римским послом выясняется причина упорства вождя гуннов в его требованиях о выдаче всех перебежчиков. Аттила заявил, что «он не позволит, чтобы его рабы действовали в войне против него, хотя они и не могут принести никакой пользы тем, которые вверяют им охранение страны своей».³

В этих словах сказывается уверенность Аттилы в том, что племена, покоренные и включенные им в состав гуннского объединения, не могут быть его противниками, по существу же они становились союзниками. Вождь гуннов, однако, чувствовал, что для успеха его военных операций необходима консо-

¹ См.: Приск. Цит. по: Г. С. Дестунис, Сказания Приска Панийского, стр. 44. В этот период Аттила подчиняет акациров (или акатиров) — племена, жившие по берегам Днестра.

² Там же, стр. 35.

³ Там же, стр. 42.

лидация сил, и прибегал к самым жестоким мерам для сохранения единства кочевого объединения.

Приск указывает, что у гуннов имелись рабы, которых разрешалось продавать и покупать; он отмечает явления, по которым можно было бы заключить, что в варварском государстве в достаточной степени были развиты классовые отношения, разделение на рабов и рабовладельцев. Вместе с тем, его сведения дают все же основания предполагать, что строй гуннского объединения сохранял ряд черт первобытно-общинного общества. Гуннский союз на той стадии не был еще сложившимся классовым обществом. Одним из ярких мест, доказывающих это положение, является приводимый разговор с греком, жившим долгое время у гуннов. У дома Онигисия римский посол повстречал к своему изумлению одетого в богатые скифские одежды человека, говорящего на греческом языке. Грек, как это отмечает Приск,¹ явно не был рабом. В разговоре грек дает меткую характеристику положения немущих слоев населения у «цивилизованных» римлян и «варваров» гуннов.

«...Бедствия, претерпеваемые римлянами во время смутное, тягостнее тех, которые они терпят от войны, по причине жестокого взимания налогов и притеснений, претерпеваемых от дурных людей, ибо закон не для всех имеет равную силу. Если нарушающий закон очень богат, то несправедливые его поступки могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дел своих, тот должен понести налагаемое законами наказание», и т. д.²

Приск возражал своему знакомцу, оправдывая систему общественных отношений в Восточноримской империи, в частности, тем, что «римляне поступают с рабами гораздо снисходительнее, чем варвары», и что «не позволено предавать их (рабов,—А. Б.) смерти, как это водится у скифов. Рабы имеют много способов получать свободу».³

Единственным возражением грека на слова Приска было: «Законы хороши, и римское общество прекрасно устроено, но правители портят и расстраивают его, не поступая так, как поступали древние».⁴

Оценка греком общественных отношений в Империи и у «варваров», противопоставление последних Риму, как более справедливых, является одним из подтверждений того, что гуннское общество аттиловской эпохи не было окончательно

¹ Там же, стр. 52.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 57.

⁴ Там же, стр. 58.

сложившимся классовым обществом. Недаром Сальвиан, пресвитер из Массилии, указывает: «Если обманывает хун или гипид, то что же в этом удивительного, если он совсем не знает преступности обмана.¹ Чья несправедливость такова, как наша? Франки этих преступлений не знают, хуны от этих преступлений свободны».²

Уже указывалось, что гунны Аттилы знали классовые отношения. Наличие у них рабов отмечается Приском неоднократно. Римским посланникам «запрещалось освобождать римского военнопленного, покупать варварского невольника».³ Архитектор, построивший баню Онигисию, был жителем Сирмии, взятым в плен «скифами», т. е. гуннами. Он надеялся получить свободу в награду за свое искусство, но вместо того был обречен на труд, более тяжкий, «чем скифская неволя».⁴ О доме жены Аттилы, Креки, Приск отмечает: «...вокруг царицы стояло множество рабов: рабыни, сидя на полу против нее, испещряли разными красками полотняные покрывала, носимые варварами поверх одежды, для красоты».⁵ Приск сообщает, что «два человека, бывшие у скифов в неволе, были приведены со связанными назад руками за то, что убили своих господ, владевших ими по праву войны. Обоих распяли...»⁶

У гуннов этого периода отмечается рост имущественных различий. Сам Аттила имеет свой дворец-ставку, жена его Крека — отдельную ставку. Одна из жен Бледы была старшиной селения, в которое заезжал Приск. Онитисий имел лучший дом после Аттилы. Взятые в плен люди в первую очередь «доставались на долю, после Аттилы, скифским (гуннским, — А. Б.) вельможам, имеющим большую власть».⁷ Члены господствующего рода были подобны наместникам над покоренными племенами, например над акатирами. Рабы использовались главным образом в домашнем хозяйстве и не являлись у гуннов основными непосредственными производителями. Хозяйственной базой у гуннов оставалось скотоводство, хотя земледелие в это время было широко развито среди местных славянских племен. Продукты земледельческого производства получались путем обложения данью племен, вошедших в состав гуннского объединения.

---

¹ СК. II, вып. 2, стр. 413.

² Там же, стр. 414.

³ Приск, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ Там же, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 72.

⁷ Там же.

Гунн Хелхал, главнокомандующий римскими легионами, вел переговоры с вождями покоренных готов о том, что он «даст готам земли, но (этот дар пойдет на пользу,—А. Б.) не для них самих, а в пользу уннов; что унны, не занимаясь земледелием, будут, как волки, приходиться к готам и похищать у них пищу; что готы, находясь в состоянии рабов, будут работать для содержания уннов...».¹

Из сообщения видно, что собственно гунны земледелием не занимались: римскому посольству в селениях давали «в пищу вместо пшеницы просо, вместо вина так называемый у туземцев медос», а «следующие за ними служители получали просо и добываемое из ячменя питье, которое варвары называли камос».² Такое противоречие надо понимать в том смысле, что в гуннском обществе основные земледельческие работы выполнялись племенами, вошедшими в состав объединения в процессе завоевания. Эти, главным образом древнеславянские племена были, в основном, земледельцами, сами же гунны являлись скотоводами-кочевниками и непосредственно земледелием не занимались. Надо отметить, что селения, в которых посольство получало продукты земледельческого производства, находились «по ту сторону Дуная» т. е. за пределами территорий — фактических ставок кочевников.

Несмотря на наличие классового расслоения на рабов и рабовладельцев, несмотря на рост имущественной дифференциации, гуннское общество в целом еще сохранило свои примитивные формы. Атила был еще вождем, близко стоявшим к племенам. Когда Приск описывает прибытие вождя, то отмечает, что Атила остановился перед домом и многие просители, имевшие между собою тяжбы, подходили к нему и слушали его решения.³ Иордан дает такую характеристику: «Любя войну, Атила был уверен в деле, тверд в совете, снисходителен к просьбам и благосклонен к тем, кого однажды принял под свое покровительство».⁴ Эти характеристики показывают, что вождь варваров не являлся выразителем классовых интересов рабовладельцев, а в первую очередь осуществлял интересы скотоводческих гуннских племен, сохранивших еще патриархально-родовые отношения.

Иордан отмечает, что Атила по своему облику гунн, а гуннов все древние авторы, особенно Аммиан Марцеллин, антропологически отличают от остальных племен (например аланов). На пиру Атила ест из деревянной посуды; в ряде

¹ Там же, стр. 96.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 61.

⁴ Иордан, ук. соч. стр. 241.

его действий ясно заметно соблюдение традиций кочевого быта скотоводов патриархально-родового строя.

Приск упоминает дальнейшее развитие завоеваний при Аттиле. Целью было не только захватить территорию, но и взимать дань. Увеличение владений путем завоеваний, включение в состав племенного союза большого количества покоренных племен были в то время и на том этапе общественных отношений средствами борьбы против тех форм эксплуатации, которые росли внутри гуннского общества и могли бы в конце концов подорвать (и подорвали) силу гуннского племенного союза. В результате этих причин, во времена Аттилы накануне европейского похода, вследствие бурного развития классовообразующих процессов, вырастает особое значение покорения других племен и народов. Аттила относится еще к представителям той власти, которая достаточно сильна и опытна для покорения и угнетения чужого народа, но недостаточно сильна для угнетения собственного народа.

Таким образом ближайшим поводом к организации похода был рост социальных противоречий внутри гуннской орды.

К моменту похода на запад Аттила имел значительные войска из разных племен. Из восточных племен можно назвать гуннов и акациров, роксаланов, антов, аланов; в гуннское объединение входили, кроме них, и другие славянские племена; из германских упомянем герул, остготов (во главе с Валамиром, Теодомиром и Видемиром) и гепидов (во главе с Адариком). Руководство союзными племенами осуществлялось их собственными вождями.

Продвижение Аттилы было направлено к Рейну. Путь стратегически выбрали удачно, он шел через варварскую периферию Империи, население которой могло явиться наиболее вероятным союзником. Отряды были разделены на две группы: одна группа шла по правому берегу Дуная и имела задачей снести передовые римские укрепления, что и выполнила; другая, левобережная, подчинила своему союзу квадов в Западных Карпатах и маркоманов в Шварцвальде. Соединение гуннов произошло у истоков Дуная.

Франки (восточные), жившие по берегам Неккара, свергнув своего короля, примкнули к Аттиле. То же сделали тюринги и зарейнские бургунды. Фактически у Рейна произошло окончательное, хотя и временное объединение сил варваров, после чего, с помощью ими самими сделанных мостов, они переправились в нескольких местах через Рейн.

Наибольшее смятение поход Аттилы вызвал в Галлии и в Бельгийских провинциях, где жители пытались бежать с

насиженных мест. Из укрепленной Лютеции (Париж), известной большими восстаниями 360 и 383 гг., жители также хотели бежать. Легенда приписывает спасение Лютеции некоей Железьеве (Геновеве), которая якобы сумела воздействовать на жителей, и они остались на своих местах.

Однако Атила не дошел до Лютеции. Опустошив Мец (6 апреля 451 г.) и ряд других городов Галлии — Страсбург (Аргенторат), Шпейер (Новиомаг), Вормс (Ворбетомаг), Майнц (Могонтиак), Безансон (Безонтион) и др., Атила осадил Орлеан (Аурелиан), но вследствие отсутствия поддержки в тылу должен был после жестокого сражения снять осаду.

Аэйций Теодорик, король готов, и его сын Торнэмэд, как рассказывает Григорий Турский, отбили второе наступление гуннов на р. Марне (Матроне) в 451 г. в окрестностях г. Труа (по Иордану — в окрестностях Шалона) и окончательно их разбили. Это была знаменитая Каталунская битва, после которой могущество гуннов больше не расцветало. Битва эта вошла в историю и запечатлелась в ряде мифов и сказаний вплоть до скандинавских саг.¹

На обратном пути Атила разгромил Трир, а в 452 г. вошел «в верхнюю Италию, разорил Аквилею, овладел Миланом (Медиоланом), но из Равенны поспешно удалился назад».² После этого известно еще одно вторжение Аттилы в Галлию. Затем наступила его смерть (454).³

Неудача Аттилы объясняется слишком большим размахом его походов и невозможностью в пределах огромной территории сдержать под единым руководством огромную массу племен, социально и этнически с гуннами не связанных. Поэтому выход из союза отдельных племен и даже довольно значительных объединений образовал в тылу брешь и решил судьбу гуннов на Западе и, пожалуй, на Востоке.

---

¹ И. Шаровольский. Древнескандинавское сказание о битве готов с гуннами и его историческая основа. Киев, Универс. изв., 1904, № 4; описание битвы см.: М. Стасюлевич, История средних веков, СПб., 1885, ч. I, стр. 261, 269.

² Шафарик, Славянские древности, I, кн. 2, стр. 91.

³ Подробности смерти Аттилы до сих пор неясны. Может быть, в связи с этим и создано столько разноречивых легенд о его кончине, времени смерти (453) и месте погребения. См. по этому поводу: В. Вieg-bach. Die Letzten Jahre Attilas, 1906. Автор заявляет, что обстоятельства смерти Аттилы до сих пор остаются неясными (стр. 54). Ю. Моравчик, исследуя легенды, показывает, что различные интерпретации смерти вождя гуннов относятся к разным периодам его пребывания в тех или иных странах и склоняется к мысли, что Атила был убит, по всей вероятности, в Византии после похода на Запад. См. его: Attilas Tod in Geschichte und Sage. KСzA, II, вып. 1—2, 1926, стр. 116.

Племена Западной Европы в это время были более сильны своим социальным строем, чем гунны, находившиеся уже на стадии сложения классового общества. Восстание и победа варварских племен Западной Европы над гуннами предопределили «варваризацию» последних. Появление новых варварских государств на смену гуннам представляет собою выступление свежих сил (поскольку самими же гуннами был нанесен удар процессу классового образования у готов, франков и других племен Запада). В то время как у гуннов власть переходила по наследству, у упомянутых племен вожди избирались. Другим племенем, сохранившим у себя патриархально-родовой строй, в частности франкам, удалось несколько позднее, а именно в 476 г., окончательно завершить политический разгром Римской империи, что было одной из важнейших предпосылок создания западноевропейского феодализма. Гуннское нашествие разбудило варварские «запасы» племен, сломивших Рим, и в этом заключается всемирно-историческое значение гуннского похода на Запад, в этом заключается всемирно-историческая роль Атиллы. Если источники (Иордан и Приск) отмечают субъективные причины похода гуннов на Запад (требование дани, которую римляне отказались платить после смерти Феодосия младшего и при Маркиане, а также отказались выдать за Атиллу Гонорию), то несравненно важнее отметить объективную историческую роль гуннского нашествия.

Гуннское «нашествие» всей буржуазной литературой рассматривалось и рассматривается как движение «азиатов», громивших европейскую цивилизацию. Гунн — синоним дикаря, разбойника. Это представление, доминирующее в литературе, ничего общего с действительностью не имеет.¹ Гунны и созданный ими огромный племенной союз отнюдь не были, как это представляет западноевропейская наука, разбойничьим отрядом.² Они стояли несравненно выше многих европейских племен и по своему социальному строю и по своей культуре. Разгромив готов, гунны, тем самым, высвободили из-под их политического господства славянские племена и сами воспри-

---

¹ По этому вопросу см. посвященные ранней истории славянства работы М. И. Артамонова и А. Д. Удальцова, Б. А. Рыбакова и П. Н. Третьякова. О прогрессивной роли гуннов мы высказывались в ряде наших работ и в докладах, например в упоминавшейся статье: Из истории гуннов I в. до н. э. СВ, I.

² Е. Томпсон называет гуннов «паразитическими мародерами», всячески отрицая их прогрессивную роль и считая, что они задержали развитие Западной Европы (E. A. Thompson. A History of Attila and the Huns. Oxford, 1948, стр. 204—207, 214—215).

няли скифо-сарматскую и древнеславянскую культуру.¹ Стоит только вспомнить постройки гуннов, одежду, пищу и т. п., столь красочно описанные Приском. Культурное влияние гуннов на западноевропейские племена отмечается даже буржуазными учеными на основании археологического материала.

По сравнению с рабовладельческой системой, в гуннском племенном союзе были элементы новых, более совершенных общественных отношений — имелись предпосылки образования феодальных порядков. И этим не исчерпывается превосходство гуннов над Европой, особенно над ее варварской периферией.

Гуннский племенной союз, включавший в известной мере и элементы азиатских культур, а главное культуру южнорусских степей, принес, наряду с ними, и черты древнейших государственных образований Средней Азии и, может быть, Китая. В известном смысле можно сказать, что гунны принесли с собой в Европу это влияние.²

Наконец, самое главное, гуннский союз сыграл ту всемирно-историческую роль, что он мобилизовал всю варварскую периферию рабовладельческой системы Средиземноморья и Причерноморья и подготовил разгром не только Римской империи, но и античных центров Причерноморья, исчерпавших к этому периоду внутренние возможности своего развития. Гунны, в значительной степени определившие падение античности, были, прежде всего, теми варварами, которые, по определению Ф. Энгельса, «вдохнули новую жизненную силу умиравшей Европе...».³

---

¹ О политической роли славянских племен и их культуры в гуннский период см.: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М.—Л., 1948, стр. 65 сл. О роли разгрома готов гуннами см.: А. Д. Удадьцов, СЭ, вып. 6—7.

² См. далее о вещественных источниках гунно-аварского периода. См.: Zoltan v. Takacs. Huns et Chinois. Turan, 1918, стр. 273—285.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 132. По отношению к причерноморским античным центрам этой точки зрения придерживается и В. Ф. Гайдукевич (См.: Боспорское царство, стр. 383).

Глава XI

РАСПАД ЗАПАДНО-ГУННСКОГО ПЛЕМЕННОГО СОЮЗА

После смерти Атиллы гуннское объединение распадается. Иордан отмечает восстание гепидов под предводительством Адарика. Это восстание, по Иордану, освободило и ряд других народов: старший сын Атиллы был убит, младшие сыновья, Ирнах и Денгизих, удалились с гуннами на восток. Ряд племен — сциры, сарагуры и аланы — осели в Малой Скифии и нижней Мизии.

Племенной состав удалившихся на Восток гуннов в деталях неизвестен. Имеется только свидетельство, что они на востоке делятся на две части — на гуннов-акатиров и гуннов-кидаритов.¹ Первые (вероятно, предки хазар), связаны с племенами сарагуров, огоров и онугуров. История вторых, гуннов-кидаритов (эфталитов?) связана с историей Средней Азии, Кавказа и Ирана.

Однако эти две основных ветви гуннов не были оторваны друг от друга. Одной из них руководил Денгизих, другой — Ирнах. Денгизих продолжал войны с Римом (он был убит в 469 г.).² Ирнах войны с Римом не вел, так как, по Приску, «домашняя война отвлекла его от войны с римлянами».³ Под «домашней» войной следует понимать войну с окружающими племенами и подавление междоусобиц.

В это время гунны занимались сплочением вокруг себя племен для похода в Иран. Часть сарагуров и акатиров уже вела борьбу с народами Кавказа. Удар гуннов на кавказские владения Ирана был дополнением набегов эфталитов.

¹ О гуннах-акатирах см. М. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937. О гуннах-кидаритах и об отождествлении кидаритов с именем кушанского вождя Цидоло см. у Маркварта в ряде его работ (см. далее).

² Иордан. Цит. по: М. Стасюлевич. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых, ч. I, стр. 269.

³ Приск. Цит. по: Г. С. Дестунис. Сказания Приска Панийского, стр. 93 (в дальнейшем: Приск).

Приск отмечает, что «персы, воевавшие уже давно с кидаритами, устрешенные и этим нашествием (сарагуров и акатиров), отправили римлянам посольство...».¹

Таким образом устанавливаем, что кидариты и акатирь— не совсем одно и то же. Это две ветви гуннов, вернее два союза, гунно-акатирских и гунно-кидаритских племен. Первый союз имел большое значение в сложении хазар, второй был соединением восточноевропейских гуннов с среднеазиатскими кочевниками эфталитами.

Распад гуннской державы Аттилы стал фактическим концом самостоятельного существования гуннского племенного союза. Гунны Восточной Европы в дальнейшем выступают в источниках под двойными названиями, свидетельствующими о возрастающей роли племен, им прежде подвластных.

Источники еще долго сохраняют термин «гунн», отличая этим словом кочевые объединения, в которых гуннские племена играют если не господствующую, то, во всяком случае, руководящую роль.

Вместе с тем разгром гуннов на Западе и новое усиление кочевников дает возможность и на юге Восточной Европы подняться новым племенным образованиям варварского типа. Их подъем особенно отражен двойными названиями: гунны-кидариты, гунны-акатирь, гунно-аварь и т. д. Происходит «омоложение» варварской периферии за счет вновь поднятого племенного резерва. Создаются новые объединения. Изменяется ориентация походов. Так как основной резерв идет с Востока (эфталиты), то гуннское общество известно своими походами, главным образом, на Кавказе и в Закаспии.

История западных гуннов, когда они вступают в союз с эфталитами, заканчивается в V в.

Ирнах, который поселился сначала в Добрудже (Малая Скифия), был разбит готами; то же случилось и с Денгизихом, и гунны, ненадолго задержавшись у Днепра (названного, кстати, ими «Гунновар»), вернулись в Черноморские степи. Здесь они снова входят в союз с аланами, которые стали известны на Востоке и даже в Китае, куда они отправили в 455 г. свое посольство.² Уже для этого времени (V—VI вв.) Прокопий отличает среди гуннских племен утургуров и кутургуров, а в VI—VII вв. среди них упоминаются четыре группы болгар (кубанские, днепровские, волжские и донские). Происхождение первой и второй групп неясно.

¹ Там же, стр. 94. Далее Приск отмечает, что «персы одержали победу над уннами кидаритами и осаждают город их Валаам» (Варначан?—А. Б.) (стр. 98).

² F. Hirth. Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu... SKAW, 1889, II, вып. 2, стр. 248—249.

В VI в. термин «гунн» исчезает и лишь спорадически встречается у некоторых историков более позднего времени в качестве анахронизма.

Появляется новое объединение кочевников — авары (см. далее). Оно возникает на развалинах гуннского объединения и является историческим продолжением тех же кочевых племен юга России, которые в более раннее время входили в состав гуннского союза. Политическое господство аваров укреплялось тем, что они являлись авангардом двигавшейся с Востока части кочевников жужан (в связи с разгромом их тюрками). Если названные выше группы племен (кутургуров, утургуров, болгар и т. д.) и входили в состав аварского объединения, то сформировались они несколько ранее; в частности, болгары (кутургуры) известны были до формирования аварского союза племен.

В новых условиях естественно получают первенство племена, сохранившие в какой-то степени силу и крепость родовых связей. Для юга России это были авары, которые в качестве варварского резерва и поднимаются над всей массой раздробленных и разноплеменных союзов и, распространив свое племенное название «авар» (верней «абар»), создают новое племенное объединение, являющееся логическим продолжением первого гуннского; логическим — в смысле продолжения этногенетических процессов, совпадающих в данном случае с процессом образования классов.

В гуннском образовании шел процесс классового расслоения, продолжался этногенетический процесс, дальнейшее развитие которого в той же среде привело к рождению тюркского языка.

Когда Приск встретил грека, он был крайне удивлен «эллинской речью», так как «скифы, будучи сборищем разных народов, *сверх своего собственного языка*, варварского (курсив мой, — А. Б.), охотно употребляют язык уннов, или готов, или же авзониев (латинский) в сношениях с римлянами...».¹

Следует обратить внимание на указание, что гунны, кроме «языка гуннов», употребляют свой «варварский» язык. Очевидно, что в условиях разноплеменного состава гуннского объединения выработался свой язык скорее всего на базе тюркского языка господствующего гуннского рода. Согласно более поздним свидетельствам, племена, происходившие от гуннского племенного союза (кочующая часть — печенеги), знали тюркский язык. Сын Атиллы Денгизих носил тюркское имя (от слова *Денгиз—море*), по армянским историкам позднее

¹ Приск, ук. соч., стр. 52.

гунны (V—VI вв. н. э.) поклонялись божеству Тенгрихан—*небесный царь*.¹ У хазар, среди которых несомненен гуннский этнический элемент,² вся социальная номенклатура была тюркской, полученной, вероятно, от среднеазиатских тюрков (хакан, тудун, ябгу и мн. др.). Насыщенность тюркскими словами говорит о том, что «варварским» языком верхушки гуннского образования был тюркский, почему впоследствии некоторые племенные группировки данного района, происходящие от гуннов, сохраняют тюркскую терминологию. Любопытно, что продукты земледельческого производства называются славянскими терминами, отвечающими языку иного этнического образования («камос», «медос»). Полагаю, что язык «варварский» был тюркский, язык же «уннов» в основном славянский.

Тенденция к широкому распространению тюркских диалектов в период господства гуннов не получила своего завершения очевидно по тем же причинам, по которым шла история монгольского языка. Напомню замечательные слова И. В. Сталина: «бывают и обратные процессы, когда единый язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином языке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком».³

«Варварский» язык гуннов, это не третий, новый язык, а не овладевший господствующим положением в Восточной Европе язык тюркской системы. Победили в конечном счете, после свержения владычества гуннов, местные диалекты, в первую очередь славянские языки, скорей всего язык «уннов», по Приску. Они явились победителями над чуждым, хотя и некоторое время господствующим тюркским языком восточных гуннов, пришедших в Европу из Средней Азии. Слова Приска Панийского наглядно свидетельствуют, что даже при владычестве гуннов сохранялись отдельные языки («уннов», готов, авзониев), а временное преобладание имел один из тюркских языков («собственный», «варварский») в силу этнического происхождения политической верхушки гуннов. Язык этой знати несомненно был отличен по своему лексическому составу от тех языков тюркской системы, которые были распространены на Востоке (например, в Средней Азии) и кото-

¹ Моисей Каганкатуйский. История агван, стр. 193.

² М. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 44.

рые мы знаем по современным данным. Он не мог не впитать в себя лексику местных, временно покоренных гуннами, племен Восточной Европы. Напомню слова И. В. Сталина. «Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них».¹

Тюркские диалекты гуннских племен в Восточной Европе не победили, они утратили свою значимость с падением гуннского племенного объединения, победили славянские диалекты и языки. Для восстановления относительной роли тюркских диалектов потребовались новые исторические условия — выступления новых государственно-политических объединений тюркских кочевников, но это происходит позднее, не ранее VI—VIII вв., а главным образом в период вторжения тюркских народностей раннего средневековья (тюрки западного каганата, печенеги, половцы).

Гуннский период, особенно время Атиллы, оставил неизгладимый след в истории. Этот след имеется не только в исторических сочинениях и хрониках, описывающих гуннское нашествие, но и в многочисленных эпических произведениях. Сводку преданий и их интерпретацию можно найти в трудах Ам. Тьерри,² А. Вельтмана³ и др. Память о гуннах сохранилась в скандинавских сагах, народных квидах Севера, витязных песнях и сказаниях Эдды, в исландских и гренландских сагах XI—XIII вв., в Волуспа (сборник северных сказаний), в латинских и мадьярских сказаниях и т. д. и т. д. Наконец, отражение гуннского нашествия встречаем мы и в «Песни о Нибелунгах».

Гуннам посвящены аэвентюры XX и XXIX «Песни о Нибелунгах», в которых описываются женитьба Этцеля (Атиллы) на бургундке Кримгильде (бывшей жене Зигфрида) и войны между гуннами и бургундами. Сообщается ряд интересных деталей,⁴ касающихся, главным образом, быта гуннов. «Нибелунги» доказывают проникновение гуннов во время Атиллы в Западную Европу, успешное сражение их с бургундами. Покорение бургундов произошло до поражения гуннов западными варварскими племенами под руководством римского полководца Аэция.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 29.

² Ам. Thierry. Histoire d'Attila et des successeurs, II.

³ Аттила и Русь IV и V вв., М., 1858. Дана сводка народных преданий западного происхождения. Выводы автора для нас неприемлемы.

⁴ Исследование о «Нибелунгах» и текст см.: М. И. Кудряшев. Песнь о Нибелунгах. СПб., 1890, стр. 123 и 127.

Предвидя нашествие гуннов, бургунды стремились к союзу с готами, но, как сообщает Проспер Аквитанский (V в.), союзом «Гундикарий (по «Нибелунгам» — Гунтер, — А. Б.) пользовался недолго, ибо его вместе с его народом и родом уничтожили гунны».¹ «Песнь о Нибелунгах» также говорит, что союз, который пытался создать Атила в Западной Европе, был непрочен, и временно входившие в гуннское объединение племена стремились к выходу из него, ориентируясь на новый союз с теми племенами, которые были ближе к ним по своему экономическому и социальному, а быть может и племенному положению. Поэтому в «Нибелунгах» отразились восстание гуннов и борьба их с бургундами внутри гуннского союза, во дворце Атилы. Сам Атила погибает от руки своей жены бургундки Кримгильды.² «Песнь о Нибелунгах» вместе с тем еще подтверждает несовместимость, в условиях общественных отношений этой эпохи, союза земледельческих и скотоводческих племен.

---

¹ Там же, стр. 123.

² Там же, см. авентюру XXX сл.—бой бургундов с гуннами.

Глава XII

АВАРСКИЙ КАГНАТ

История наследников Атиллы — Ирнаха и Денгизиха — это история распада гуннского объединения. Она начинается, примерно, с 461 г. (свидетельство Приска).¹ Уже к концу V в. н. э., когда, согласно западным и армянским источникам, гунны возвращаются на Восток, они выступают там под иным названием. Прокопий и Моисей Хоренский называют предводителя белых гуннов, разбивших Пероза, «Кушнавар». В имени этого полководца сочетались два слова: *кушан* — термин, которым ряд армянских историков обозначает кочевников, т. е. кушан Средней Азии, и *аваз*—*авар*, имя известных предков гуннов в Восточной Европе. Появление термина *авар* не совсем ясно. Отметим, что Днепр назывался термином *Гунновар*, в котором объединены два названия *гунн* + *авар*.² В сокращенной форме термины *авары* и *гунны* сохранялись в племенном названии *вархониты*, являющемся изменением словосочетаний *уар* + *хуни*. Появление этого названия в письменных источниках падает на начало второй половины VI в. (примерно 557 г.) Приск упоминает в 461—465 гг. аваров, которые разбили савиров, потеснивших, в свою очередь, сараугуров, угуров и оноугуров, и отправивших в Константинополь

¹ Об истории аваров и, в частности об указанном упоминании Приска см.: Н. Н о w o r t h. The Avars. JRAS, XXXI, нов. сер., 1889, стр. 721—810. О Приске см. стр. 722. Краткая история аваров изложена мною совместно с М. И. Артамоновым в «Истории СССР» (ч. 3—4).

² На лезгино-аварском языке река называется *ог*, *hog* или *wog*. Х. Хоурс отмечает единый для гуннов и современных лезгино-аваров термин для обозначения воды, реки, так как, по Иордану, гунны называли Днепр *Hunnivar* (см.: Н. Н о w o r t h, ук. соч., стр. 729; см. также его сравнение 13 собственных имен: ук. соч., стр. 728). Не является ли термин *вар* родственным авестийско-эфталитскому термину *вар* — *город*, *поселение*? В связи с этим напрашивается этимология: *авархуни*—«*гунны поселений*», «*оседлые гунны*».

посольство.¹ Э. Шаванн считал, на основании данных Феофилакты, что *Уар* и *Хуни* — имена двух наиболее древних уйгурских князей, положивших начало двум родам, на основе которых возникли впоследствии *вархониты*: «они выявляются в наиболее знаменитых двух родах уйгуров *Уар* и *Хуни*, имена которых происходят от двух наиболее древних уйгурских принцев».²

Вархониты и авары были «псевдоаварами». Действительных аваров, или собственно аваров, Эд. Шаванн видит в кермихионах. Маркварт считал, что кермихион состоит из двух слов: *Керм* — червь и *Хион* — название жуаньжуаней, известных на Востоке в V—VI вв. н. э. Так как *жуаньжуань* есть имя насекомого, которым китайцы презрительно называли племена Мокулу, то это презрительное название сохранилось и на Западе в иранской форме *Керм* + *Хион*. Эд. Шаванн предполагал, что разбитые в 50-х годах VI в. тюрками жуаньжуани прибыли на Запад, где они образовали аварский союз и от псевдоаваров отличались своим названием «кермихионы».³

В. Томсен показал, что племена «апар апурым», упоминаемые в древнетюркских рунических текстах, и есть авары, пе-

---

¹ Приск. Цит. по: Г. С. Дестунис. Сказания Приска Панийского, стр. 87. Вообще эта часть сочинения Приска не достоверна и, быть может, только приписана Приску.

² Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue Occidentaux, СПб., 1903, стр. 231. Я предполагаю, что имя владельца Хуни в области Судэ (по китайским источникам) есть название племен гунно-хионов. С. Толстов считает, что «Хуни китайской хроники — не кто иной, как Куноха, царь среднеазиатских гуннов-кидаритов, который, по византийским данным, в 468 г. вел упорную войну с сасанидами и был разбит шахом Ирана Перозом» (См. его: По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 213).

³ Ed. Chavannes, ук. соч., стр. 232. О восточном происхождении аваров см.: P. Pelliot. L'origine de T'ou-kiue Nom Chinois de Turcs. TP, 1915, стр. 2 сл; см. также: P. Pelliot. Neuf Notes sur des questions d'Asie Centrale. TP, 1920, стр. 250.—Он же. La Haute Asie, стр. 12.—С. А. Масартней. On the Greek Sources for the History of the Turks in Sixth Century. BSOS, XI, ч. 2, 1944.—Н. Нортх, ук. соч., стр. 723. Х. Хоурс полагает, что авары были монголами (ук. соч., стр. 721—22). Иную точку зрения см. у С. Толстова (Города гузов. СЭ, вып. 3, 1947), где автор склонен в термине «керм» видеть также слово «город», «поселение», тогда «авархуни» и «кермихион» по существу одно и то же понятие — «гунны поселений», т. е. гунны «болотных городищ Сыр-дарьи». О монголизме аваров см. вышеуказанные работы П. Пелльо. Ср. также: J. Marquart. Über des Volkstum der Komänen. Osttürkische Dialektstudien. Abhandlungen d. Königl. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen, Phil. Hist. Class., нов. сер., VII—XIII, Berlin, 1914, стр. 71 сл.; ср. P. Pelliot. A propos des Comans. JA, 1920, стр. 17. О миграции жуаньжуаней и идентичности с ними аваров см.: J. Marquart, ук. соч., стр. 74; ср.: P. Pelliot, A propos des Comans, стр. 17.

переселившиеся из Центральной Азии в Европу. Но предполагать миграцию всех жуаньжуаней в Европу вряд ли приходится.¹ Надо считаться с тем, что по пути предполагаемой миграции имелись полуосевшие массивы племен Средней Азии, в частности кангюй и эфталиты. Поводом к миграции жуаньжуаней мог бы являться разгром их тюрками в 550 г. Но авары известны на Западе уже во второй половине V в. (в 461 г.). То же следует сказать и о племенах уйгуров, имена которых с разными атрибутивными префиксами известны были на Западе раньше, чем на Востоке. Надо принять в этой части утверждение В. В. Радлова, что все разновидности уйгуров — кутургуры, утургуры, сарагуры и оногуры — колена и членения племени уйгуров; их названия — западнотюркского происхождения.² Термин *авар* — греческое произношение термина *абар*. Русские летописи знают обрв, арабский писатель Ибн-Хордадбех отмечает (наряду с хазарами) абаров или аваров.³

Аварское общество, повидимому, состояло из четырех основных элементов: 1) местного, 2) гуннского, 3) тюркского (эфталитского), 4) жуаньжуаньского. Жуаньжуани после их разгрома в какой-то части были, наверное, включены в состав тюркских орд Средней Азии, связь которых с югом России бесспорна. Одна часть жуаньжуаней вошла в состав тюрков Монголии, другая бежала в Китай. В непосредственной связи с западнотюркским каганатом возникают хазары.⁴ Это проникновение монголо-тюркских племен в Восточную Европу не снимает возможности автохтонного возникновения аварского союза как непосредственного «наследника» гуннского образования.

Однако вопрос о происхождении аваров нельзя считать еще окончательно выясненным. По сочинениям византийских авторов известна только их политическая история, Прежде чем переходить к собственно аварскому периоду, следует кратко остановиться на последнем периоде истории гуннов.

После распада объединения Аттилы вновь появляются многочисленные племена, которые откололись от гуннов и пред-

---

¹ Миграцией жуаньжуаней на запад объяснял возникновение объединения аваров еще Дегинь: Deguines. Histoire de Huns des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux, стр. 334, 355. *Авар-анурим* теперь (P. Pelliot, JA, 1914) читают раздельно. *Авар-авары; Пурим-Фолинь*, т. е. Римские владения в Малой Азии. См. В. Ögel, Göktürk yazitlerinin «apurum» lafı ve «fu-lın» problemi, Türk Tarih Kurumu, Belleter, b. 33, İstanbul.

² В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. Прил. к т. LXXII ЗИАН, вып. 2, стр. 14.

³ Ср. далее; см.: Н. Noworth, ук. соч., стр. 724.

⁴ Что убедительно доказывает М. И. Артамонов в своей работе: Очерк древнейшей истории хазар. Л., 1937.

ставляли в течение некоторого времени совершенно автономные образования.

Мы можем только по некоторым данным констатировать рост рабовладельческих тенденций, которые были сметены возникновением аварского объединения. Аварское объединение по своему хозяйственному облику так же, как и предшествующее, было «гуннской» (варварской) реакцией среди разнохарактерных по своему социально-политическому строю племенных образований Восточной Европы. Эта разнохарактерность и явилась основным препятствием в сложении аварского союза, бывшего значительно меньшим и по объему и по значению, чем гуннский.

Отметим те основные племенные образования, которые были связаны с гунно-аварским объединением. Здесь, прежде всего, нужно выделить: 1) утургуров, 2) кутургуров, 3) саби-ров, 4) позднее болгар (для Восточной Европы) и 5) эфталитов или белых гуннов для Средней Азии.

Появившиеся на территории Восточной Европы племена гуры с их различными атрибутивными префиксами (*кут* — *счастливый*, *он* — *десять*, *ут* — *огонь* (или *трава*), *сары* — *желтый*), являются ордами уйгуров, в конце V в. (492 г.) разбитыми к Западу от Алтая жуаньжуаньским каганом Дэулу-нем и его дядей Нагаем. С этого времени уйгуры (по-китайски *гаогюй*) оказались разбитыми на несколько частей, причем одна часть их откочевала на Запад. Получили они свою самостоятельность после разгрома гуннов, когда вообще в степях Восточной Европы выступают частные племенные названия.

Утургуры и кутургуры назывались гуннами-киммерийцами и составляли две ветви гуннского племени. Утургуры обитали в области от впадения Дона в Азовское море и вплоть до Боспора Киммерийского. Кутургуры занимали место между Тиссой и Дунаем. Утургуры проникли в Крым, где столкнулись с «готами-тетракситами». Кутургуры в 551 г. вошли в союз с гепидами против лангобардов.

Император Юстиниан, стремясь к умиротворению кутургуров, заключил союз с утургурами, которые после победы «готов-тетракситов», разбили кутургуров, взяв множество их в плен. Покорению кутургуров утургурами много способствовал Рим. Оправившись после поражения, кутургуры в 559 г. под предводительством Забергана перешли Дунай и разгромили несколько восточноримских провинций. Юстиниану удалось

---

¹ А. А. Васильев. Готы в Крыму. — Он же. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов. Изв. ГАИМК, I, 1921, стр. 247—344 (отд. оттиск) II, стр. 179—282.

основа поднять утургуров под руководством Сандилаха против кутургуров.¹ Борьба племен между собою ослабила их; авары получили тем самым возможность подчинить их себе и сделать своими подданными.

Сабиры или савиры (уйгуры?) сложились в «нацию», по выражению Ю. Клапрота, из нескольких родов.² В середине V в. (указан 456 г.) они обитали на Северном Кавказе и входили в состав аварского каганата, где были под непосредственным началом урогов или онугуров. До этого еще в 516 г. они проникли через Каспийские ворота в Армению, заняли также Каппадокию, Галатию и Понт, вплоть до Евхатии, которую, однако, не покорили.

В 528 г. сабиры участвовали в восстании маздакитов, как и эфталиты, но были разбиты византийскими войсками под командой Дорофея. В 531 г. сабиры, снова пройдя через Каспийские ворота, напали на византийские владения в Армении, на Евфрате, в Киликии и Киррестике. В 555 г. 2000 сабиров под командой Балмаха, Кутилсиза и Илигера в союзе с Византией выступают против Ирана. В это время сабиры представляли собою еще внушительную военную силу. К 558 г. они были разбиты вархонитами и осели в Албании, а в 585 г. их покорили византийцы. Последнее упоминание относится к 585 г., когда сабиры составляют часть византийских войск, но еще в 622 г. они участвуют в войсках Ираклия против Сасанидского Ирана. Заключительным этапом их истории является подчинение болгарам.

«Булгаре Сибирами или Сербами называли слуг и рабов, и в этом смысле слово Серб не только употреблялось Булгарскими Славянами, но и соседями их, Сербами, отчего в древних Сербских законах человек простой, подданный (*plebeus*, *rusticus*) иначе не называется как Сербом. Даже теперь (1837 г., — А. Б.) несмотря на всякого рода перемены Сербы и Далматы называют селянина себар, сибор, ципор и т. п. Таким образом, из собственного и народного имени Сабиры, или Себиры, образовалось общее (нарицательное) Серб (селянин, деревенский житель, крестьянин)».³ Такого типа изменения семантики племенных названий неоднократно. Такие названия возникали вообще довольно часто, ибо труд земледельца, в представлении варвара-кочевника, был уделом прежде всего раба. Об этого типа отношениях говорил Ф. Энгельс: «...добывание средств к существованию соб-

¹ J. Klapproth. Tableaux historiques de l'Asie. Париж, 1825, стр. 255.

² Там же, стр. 256.

³ П. Шафарик. Славянские древности, I, кн. 2, стр. 103. О том, что сабиры были предками хазар, см.: А. Крымский. Из истории Северного Азербайджана. Сб. С. Ф. Ольденбургу, 1934, стр. 296, прим. 4.

ственным трудом стало признаваться делом, достойным лишь раба...».¹

Значительное место в племенном составе аварского союза занимали еще болгары.

Происхождение дунайских болгар во многом не ясно и требует специального изучения. Споры об их этногенезе в буржуазной науке не привели еще к положительным результатам. Всего вероятнее, что дунайские и волжские болгары — автохтонные образования. Во всяком случае, как уже доказывали Дринов и Иречек, образование дунайских болгар тесно связано с местными автохтонными славянскими и фрако-иллирийскими этническими образованиями. Этногенетический процесс у обоих болгарских образований происходит в отличных от гуннов условиях. Дунайские болгары были захвачены в орбиту гуннского завоевания и временно подверглись гуннскому, позднее аварскому влиянию, которое сказалось в их языке в виде тюркской лексики.²

Как следует из перечисления племенных групп, имена которых стали известными после разгрома гуннов, Восточная Европа не была охвачена политической властью аваров. Авары оказались политически намного слабее гуннов и включили в свой состав значительно меньшее количество племен. Однако авары сохраняли кочевой образ жизни, о чем свидетельствуют византийские авторы. В этом отношении авары явились продолжателями традиций западных гуннов, уже на высшем этапе развития общественных отношений.

Историю аваров следует писать в связи с историей современных им варварских союзов типа болгарских и историей Византии. Этой задачи мы перед собой не ставим. Попытаемся дать лишь основную хронологию главнейших политических событий.

Авары не представляли собой мощного племенного образования. Союза, подобного гуннскому, они создать не могли

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 140.

² О болгарях см.: Ю. И. Венелин. Критические исследования по истории болгар. М., 1849.—И. Иречек. История болгар. Одесса, 1878; см. рецензию: В. Макушев. История болгар в труде Иречека. ЖМНПр., 1878, апрель и май. У Иречека и Макушева см. литературу вопроса. По всей вероятности, бурное развитие земледелия у болгар и их оседание приводят к иному пути этногенеза, сходному со славянским. Во всяком случае, древнетюркский пласт языка отражает стадию до их оседания. Категорически против древнетюркских элементов в истории болгар ныне выступает акад. Н. С. Державин (см. его Историю Болгарии, I; ср. его статью: СЭ, вып. 1, 1946; см. нашу рецензию в: ИАН ОИФ, IV, вып. 3). На роль фрако-иллирийских элементов в этногенезе Средней Азии, что отмечает связь степей от Дуная до Сыр-дарьи, указывает С. Толстов; см. его: По следам древнехорезмской цивилизации. — Он же. Из пред- истории Руси. СЭ, вып. 6—7.

и являлись, повидимому, относительно немногочисленной ордой, органически не связанной ни с болгарскими племенами, ни со славянскими. Объясняется это и ростом могущества указанных племенных союзов, ростом социального расслоения внутри аваров и теми поражениями в конечном счете, которые им нанесли франки. Характерно, что в своей массе аварское искусство, известное нам по археологическим данным, являет собой искусство уже классового общества.

Появление аваров, как кочевников, на юге Восточной Европы вызвано было, как мы указали уже: 1) экспансией тюрков в Закаспий и 2) возвышением феодализирующихся кочевых племен, происходящих от древних гуннов, выступающих в южных степях под новым племенным названием «аваров».

Оставшиеся после распада гуннского объединения кочевники — непосредственно гуннского происхождения; назывались они по имени их предводителя Оуара.¹

Византиец Менандр сообщает, что авары «после долгого скитания пытались установить через своего посланника Кандиха связь с римлянами, требуя от последних дани и обещая ему (Юстиниану, — А. Б.) защиту римских владений». Менандр далее отмечает, что «авары завели войну с утургурами с залами (уннского племени, — А. Б.) и сокрушили силы савиров».² Дальнейшая история аваров связана с разгромом антов (557 г. н. э.) и убийством антского посланника Мезамира за дерзкое обращение его с аварским каганом.³

Авары находились в конфликте и с западными тюрками, их хаканом Силзивулом. После покорения сабиров, утургуров и кутургуров, авары напали на антов, которые отправили к ним посла Мезамира. Последний и был ими убит по совету некоего Котрагига (559—561).⁴

Авары требовали у римлян земли для поселения и отправили в 562 г. специальное посольство к Юстиниану. Однако посланники были задержаны, так как некто Икунимон предал их, рассказав, что авары задумали восстание немедленно после переселения в римские земли. Задержка послов отмечается и Менандром в качестве причины возникновения недовольства аваров римлянами и попытки их хакана Баяна разбить римлян.

---

¹ J. Klapproth, ук. соч., стр. 262.

² ВизИ, стр. 324. — Шриттер. Известия Византийских историков, объясняющие Российскую историю древних времен и переселения народов. СПб., 1770—1775, стр. 90. — Н. Howorth, ук. соч., стр. 733.

³ Шриттер, ук. соч., стр. 92.

⁴ П. Шафарик, ук. соч., II, кн. 1, стр. 92—93. Ср.: ВДИ, вып. 1, 1941, стр. 247.

Шафарик указывает, что «авары, между прочим, и оттого еще так упорно налегали на восточных антов, чтобы, наведши страх на прочих западных славян, тем легче можно было через них открыть себе путь в средину Европы, Панонский Подунай, этот рай кочевых и разбойничьих племен».¹

Их стан, делившийся на девять больших кругов, обведенных рвом и насыпями (567—568), «занимает обе стороны Дуная, откуда они слишком 250 лет ужасным образом промили и теснили окрестные народы».²

Шафарик также предполагает, что в это время (в 563 г.) произошло покорение дулебов при вторжении аваров в Венгрию. Дулебы жили между Бугом и Стырем и проникли в Венгрию через Татрские горы у Дуклы.³ Это был один из древнейших и наиболее могучих союзов славянских племен, сохранивших свое значение несмотря на поражение, нанесенное им аварами. Очевидно, что его сложение произошло вслед за распадом гуннского племенного союза.⁴

Аварам удается в течение ряда лет получать дань с римлянами. Они не могли распространять своей экспансии на Восток, так как там, в частности над эфталитами, господствовали западные тюрки. Естественно, что после отказа римлян (примерно в 565 г.) платить аварам дань, авары ориентируются на Запад.

Благодаря постоянным взаимоотношениям аваров с римлянами до нас дошли указания, что авары сносились с аланами, в частности они просили аланского царя Сароса облегчить им доступ в Константинополь.

Византия знала, что авары находились под властью тюрков.⁵

В силу многоплеменности аварского каганата трудно установить их этническое происхождение, тем более, что до сих пор не установлена этническая принадлежность жуаньжуаней, часть которых вошла в состав аварского каганата. Можно ука-

¹ П. Шафарик, ук. соч., II, кн. 1, стр. 93.

² Там же, стр. 93—94.

³ Там же, стр. 94. О дулебах, как известно, сохранила воспоминание и русская летопись. См.: Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Л., 1926, стр. 11. «В си же времена быша и Обри иже ходиша на Ираклия царя и мало его не яша. Си же Обри воеваху на Словенах; и примучиша Дулебы, суцая Словены, и насилье творяху женам Дулебским: аще поехати будяше Оборину, не дадыше въпрячи коня ни вола, но ведяше въпрячи 3 ли 4 ли, 5 ли жен в телегу и повести. Обьрена и тако мучаху Дулебы. Быша об Обьре телом велици и умом горди, и бог потреби я, и помороша все, и не остана ни един Обьрин, и есть притьча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обре, ихже несть племени ни наследька».

⁴ См.: Б. Греков. Киевская Русь. Изд. 4-е, 1944, стр. 251—252.— В. Мавродин. Образование древнерусского государства. 1945.

⁵ Am. Thierry, Histoire d'Attila et des Successeurs, I, стр. 399.

зять, что в аварском каганате были тюркоязычные племена, славянские, вероятно и угрофинские. Отмечаются и монгольские элементы. Так, например, имя предводителя аваров «Баян» не что иное, как монгольское слово *богатый*. В племенном названии «вархуниты» окончание «т» одна из монгольских форм множественного числа. Возможно, что монгольские элементы в аварском союзе были принесены жуаньжуанями, монголизм которых в настоящее время более или менее установлен.¹ Византийские и западноевропейские источники (например Менандр, Павел Диакон) связывают аваров с гуннами, указывая (Менандр) на сходство аваров с гуннами, в обычаях и языке, или на генеалогическую связь аваров с гуннами (Павел Диакон). Поражал византийских историков явно восточный обычай ношения аварами кос.

Все это лишь доказывает, что аварский каганат, независимо от того, в каком количестве входили в него пришельцы, продолжил историю местных племенных образований на новом этапе варварского полугосударства. Письменные источники мало что говорят об экономике аваров. Как уже указывалось, еще в 562 г. они отправляли посольство к Юстиниану с просьбой предоставить им земли для поселения. Можно предполагать, что они собирались переходить на пастушеские формы скотоводства, т. е. сосуществующего с земледелием. Стан на Дунае являлся основной их ставкой. Здесь была создана возможность оседающим аварам заняться земледелием, тем более, что в составе каганата были славянские племена, знавшие задолго до этого земледелие. Однако еще в конце VI в. авары, как правило, были скотоводами.

Константин Багрянородный сообщает: «Каждый год из других городов Далматии собирались конные воины и около тысячи были посылаемы из Салоны стоять стражей на реке Дунае ради аваров. Авары же жили на том берегу реки Дуная, где теперь тюрки, и вели кочующий образ жизни. Приходившие каждый год из Далматии видели часто за рекой скот и людей. Однажды они решили переправиться, чтобы узнать, кто там живет. Переправившись таким образом, они нашли сдних женщин и детей аваров, мужчины же и юноши были в походе».² Это свидетельство указывает на общую экономическую основу аваров и гуннов-скотоводов. Авары были кочевниками-скотоводами, расширявшими свою экономическую базу посредством грабежей и завоеваний. Завоевание служило

---

¹ P. Pelliot, JA, апрель — июнь 1925.

² Константин Багрянородный. О фемах и О народах. С пред. Гаврила Ласкина, М., 1899, стр. 118. О номадном характере общественного строя аваров см.: Н. Howorth, ук. соч., стр. 727.

обмену с земледельческими народами, получению рабов, данников и новых территорий.

Почти нет сведений и о социальном строе аваров. Известно, что внутри аварского племенного союза особую, руководящую роль имело племя «Вархуни». Ряд подчиненных им племен, в том числе гепидов, они рассматривали как своих рабов, получали с них регулярную дань, главным образом продуктами земледельческого производства. Так, например, в качестве выкупа из плена Сигиберта франкские племена дали аварам муку, овощи, овец и быков. Менандр, обобщая, указывает, что авары требовали от гепидов «десятую часть всех четвероногих», а в случае победы лангобардов над гепидами требовали себе половину предполагаемой добычи и «всю землю гепидов». Существенной стороной в жизни аваров являлась война, покорение племен и взимание дани деньгами или земледельческими продуктами, либо просто грабеж. Авары, судя по лапидарным данным письменных источников, знали рабство, были знакомы уже с примитивными формами эксплуатации, но классовые отношения были лишь в зачаточных, «детских» формах.

Благодаря посольству Маниаха в 568 г. и ответному Земарха римляне непосредственно связались с тюрками и узнали, что последние считали аваров своими подданными. С этого времени авары и назывались псевдоаварами.

Отказ Византии платить дань дал повод аварам направиться в Западную Европу, где они, по свидетельству Григория Турского, имели столкновения с племенами, населявшими Тюрингию, воевали с австразийскими франками во главе с их королем Сигибертом,¹ захватив даже его в плен на Эльбе.

В 570 г. от аваров в Византию был послан некий Апсих. Только после удачного сражения с византийским полководцем Тиверием договор, предложенный аварами, был утвержден и выполнен.

Боясь военных столкновений с азиатскими тюрками, авары заключают союз с Византией и пользуются ее защитой. Это вызывает негодование предводителя тюрков Турксанфа, который говорил византийскому послу Валенту (576), что «вархониты» являются подданными и рабами тюрков.² Тюрки считали своими подданными не только вархонитов, но и утургуров.

---

¹ Am. Thierry, ук. соч., I, стр. 408—409. — Deguines, ук. соч., стр. 355—356. — ВизИ, стр. 359, прим. — Н. Howorth, ук. соч., стр. 734.

² ВизИ, стр. 419. — Н. Howorth, ук. соч., стр. 742.

В 578 г. авары, по настоянию Византии, выступают против напавших на нее славян и их предводителя Лаврентия.¹ Под предлогом военных действий против славян Баян врывается в Паннонию, и возобновляется борьба с Византией за город Сирмий;² авары использовали момент, когда Византия была отвлечена войной с Ираном. Борьба за Сирмий кончилась успешно для аваров. Мир с Ираном был заключен Византией в 591 г.

Несмотря на частичные победы Византийской империи над славянами (593), положение аваров на политической арене не улучшается особенно из-за натиска со стороны западных тюрок Средней Азии. С войнами со славянами связано проникновение аваров в области, расположенные на восток от Эльбы. На запад от Эльбы авары проникли до Тюрингии.

В начале VII в. авары заняли Далматию вплоть до Тимока. Феофилакт предполагает, что усиление аваров произошло благодаря приходу с востока новых племен под начальством Забендера — тарнихи и котсагиры или, как предполагает Клапрот, им на помощь пришли кутургурь и болгары, обитавшие ранее на севере Черного и Азовского морей.³

Историческое значение полководца аваров Баяна Тьерри склонен сравнивать со значением Чингиза, Тимура или Аттилы. Этот автор дает отрицательную характеристику Баяну, жадному, вечно стремящемуся к наживе и богатству.⁴ С именем Баяна связаны походы на лангобардов, разбитых им в 610 г.

Павел Диакон (автор VIII в.) сообщает, что его предки были в неволе у аваров после того, как те разбили лангобардов. Описывая историю короля лангобардов Аудигуна и вождя Альбуина (конец VI — начало VII в.), тот же автор дает следующее чрезвычайно ценное указание: «Альбуин вступил в вечный союз с аварами, которые первоначально назывались гуннами, впоследствии же по имени своего народа были названы аварами».⁵

В свете этого указания Павла Диакона можно предполагать, что вархониты были этнически связаны с родом «авар» (абар, ауар), быть может древним гуннским родом, объединившим, подобно более древним гуннам, кочевые племена причерноморских степей. Вархониты — продолжение аттиловского рода; псевдоавары и авары суть те племена, которые объедини-

¹ ВизИ, стр. 433. — Н. Howorth, ук. соч., стр. 743.

² Deguines, ук. соч., стр. 361.

³ См.: J. Klapproth, ук. соч. — Deguines, ук. соч., стр. 364—366.

⁴ Deguines, стр. 411. Напоминаем, что это не собственное имя, а титул «князь»; монг. *Vain* — богатый.

⁵ М. Стасюлевич. История средних веков, стр. 301. Сообщение Павла Диакона.

лись вокруг этого рода. Повидимому, в конце V в., после распада гуннской орды и выделения утургуров, кутургуров, онугуров, сарагуров и всех разновидностей болгар, остался гуннский род, который продолжал свою историю под новым именем аваров.

Авары вместе с лангобардами выступали против гепидов и их предводителя Гунимунда. Они заняли территорию гепидов, а позднее, как уже было отмечено, разбили и лангобардов (610 г.).

Разгром гепидов, союзников Византии, авары произвели вместе с лангобардами, требуя от них, как было выше указано, «десятую часть всех четвероногих и если они одолеют неприятелей, то чтоб лангобарды уступили аварам половину добычи и всю землю гепидов».¹ В это время авары объединяли многие племена. Баян согласился было уйти из византийских владений, потребовав с римлян сравнительно небольшую дань, но оскорбленный недипломатическим поведением римских посланников «приказал десяти тысячам уннов, называемых контригурами (кутургуры, — А. Б.), перейти реку Саву и разорить Далматию, а сам со всем находившимся при нем войском направился через Истр и имел пребывание в пределах Гепидских».² Известны дальнейшие попытки Баяна требовать с византийцев дань. Так, например, отмечу посольство Таргития, требовавшего дань, которую выплачивал Юстиниан кутургурам и утургурам, «так как в настоящее время этими народами обладает Баян, ты также выдашь нам (аварам, — А. Б.) Усдивада, Гипеда и его людей; никто не станет отвергать, что это рабы Баяновы».³ В свое второе посольство Таргитий требовал город Сирмий и дань за все годы. Посольства Таргития были неудачны и кончились войной аваров с византийцами.

В это время авары господствуют над славянами, болгарами и гепидами. В 626 г. они нападают на Константинополь и терпят крупную неудачу.

Вся история аваров — история торговой или военной связи их с византийскими провинциями, племенами и народами в области Дуная, где они в значительной степени ассимилировались местным населением.⁴ В конце VIII в. они подверглись нападению со стороны Карла Великого, который в 791 г. раз-

¹ ВизИ, стр. 386.

² ВизИ, Сообщение Менандра, стр. 391. — Deguines, ук. соч., стр. 356 сл.

³ ВизИ, Сообщение, стр. 393. — Н. Н. Noworth, ук. соч., стр. 738.

⁴ О связях аваров с местным населением, главным образом славянами, см.: П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М.—Л., 1948, стр. 94—99.

бил аваров; пятью годами позже Эрик Фриул захватил их главные лагеря и забрал большую добычу. К этому времени относятся неудачные вначале попытки распространения среди аваров христианства. Ревностным проводником этого был Тудун, убитый аварами. Авары избрали нового кагана и начали войну с Пипином Италийским, сыном Карла. В этой войне франки разбили аваров и прогнали их вплоть до Дравы и Дуная.¹ Одна часть аваров была перебита, другая сохранилась на Тиссе, где авары жили до 809 г., т. е. до усиления политического могущества болгар.

По существу уже к концу VII тем более началу VIII в. авары теряют свою силу, и их история идет по иному пути, чем история гуннского союза.

Под зависимостью франков авары еще управлялись своими ханами.² Аварские ханы, равно как и славянские воеводы, были под управлением франкского маркграфа, повелителя марок Паннонской и Фриульской. Первым маркграфом был Герольд Баварский — брат жены Карла (до 799 г.), последним — Эрибо (два раза — в 876 г. и с 882 г. по 887 г.), после чего маркграфство было уничтожено венграми.³ Так окончилась история попытки реставрации мощи гуннского племенного союза в дофеодальном государстве аваров.

---

¹ Deguines, ук. соч., стр. 358—360. По существу же в VII в. аварский каганат потерял свое политическое значение и Карл лишь довершил их политический разгром.

² П. Шафарик, ук. соч., II, кн. 2, стр. 68.

³ Там же, стр. 78—79. — Н. Howorth, ук. соч., стр. 806 и сл.

Глава XIII

БЕЛЫЕ ГУННЫ (ЭФТАЛИТЫ) и АВАРЫ

Белые гунны, или эфталиты, упоминаются в китайских источниках под названием «Хуа» и «Хуадунь» в истории династии Лян (502—556 гг.). Один из их вождей носил имя «Едаилидо»; китайские источники сокращенно называют его «Еда» как и сами племена. При династии Вэй и Чжоу (VI—VII вв.) еда упоминаются в области Хуа, которая была под властью жуаньжуаней. Уже в V в. еда дошли до Ирана, распространив также свою власть, с одной стороны, в Индию, с другой — в Восточный Туркестан (на Кашгар, Карашар, Хотан и т. д.).¹ По китайским источникам, еда составляли отдельную ветвь юечжей.²

Вот что о них сообщают китайские источники. По одной версии, эфталиты (у китайцев — еда) происходят от юечжей, по другой — от уйгуров (гаогюй). Их первоначальное местобитание было у Алтая. Впоследствии они заняли Среднюю Азию, будучи увлеченными туда движением уйгурских племен. Ставка их предводителя называлась Бадиань (Бамиан в Афганистане) и имела в окружности около 10 ли (5 км). Эфталиты были скорей всего шаманистами, хотя при них продолжали существовать местные культы, зороастризм и буддизм. Буддизм они заимствовали от кушанов. С кушанами их роднят (равно как и с массагетами) явления пережитков группового брака. «Братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, т. е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; многомужняя же умножает число углов по числу братьев, на одеянии нашивает такое же число кистей. Остригают волосы на голове. Язык жителей совершенно отличен от языка жуаньжуаньского, гаогюйского и согдийского».

Далее китайская история сообщает, что эфталиты не имеют городов. Это противоречит сообщениям византийских

¹ Историю эфталитов за пределами Средней Азии мы здесь опускаем.

² Бичурин, ч. 3, стр. 177 сл.

авторов (Прокопий, Менандр). Последние пишут, что эфталиты — кочевники, разводят лошадей и верблюдов. Весьма важно указание, что власть не передается по наследству, а ее получает «способнейший из родственников». Судя по сообщениям о формах захоронений, эфталиты знали уже расслоение на бедных и богатых. Первых хоронили в грунтовых могилах, вторых — в каменных склепах. Название *эфталит* (греческих писателей), по мнению некоторых исследователей, есть соединение термина *Хуа* с именем их предводителя *Еда* или *Етаилло*, в произношении византийских авторов *эфталиты*. Так во всяком случае их называли Прокопий, Агафий, Менандр, Феофан, Феофилакт Симокатта, Кедрин и др. Византийские авторы путали (подобно китайцам) имя легендарного предводителя Эфталана с названием племен эфталитов. Упоминаемый ими предводитель Эфталан известен по другим источникам под именем «Кушнаваз», или в древней форме «Кушнавар». С этим именем связан разгром войск сасанидского царя Пероза.

Племена эфталитов отмечаются в Средней Азии, главным образом в Закаспии и в верховьях Аму-дарьи, арабо- и персоязычными авторами под именем *хайтал* (Табари, Масуди, Фердоуси и др.). Неоднократно упоминают эфталитов и армянские историки, транскрибируя их название *идальян*, *идал* или *хайтал*. У Вардапета есть термин *хайлан тюрк*. Лазарь Парпский (конец V в.) употребляет для их обозначения термин *Хептал*; Михаил Сирийский (IX в.) — *тедал* и *тедалтзи*.¹ Маркварт отметил также армянский термин *Катиск* — кадусии, как одно из названий эфталитов.²

Моисей Хоренский, как отмечает Друэн; не знает термина эфталит, и для обозначения всех кочующих «тюркских» народов Туркестана употребляет слово «кушан».³ «Они

¹ О белых гуннах, или эфталитах, см.: Drouin. Mémoires sur les Huns Ephtalites dans leurs rapports avec les rois Perses Sassanides. Museon, 1895, стр. 73—84, 141—161, 232—247, 277—288; здесь же литература вопроса. См. также: Ed. Chavannes, Document sur les Turcs occidentaux. — Сборник трудов Орхонской экспедиции, VI, стр. 221; о сасанидском Иране и эфталитах см.: Th. Nöldeke. Aufsätze zur Persischen Geschichte. Leipzig, 1887. — E. Parker. The Ephtalits Turks. Asiatic Quarterly Review. July, 1902. — J. Marquart u. J. J. M. Groot. Das Reich Zabul und der Gott Zün vom 6—9 Jahrhundert, Festschrift Eduard Sachau zum Siebzigsten Geburtstage. Berlin, 1915, стр. 254 сл. Обстоятельный очерк об эфталитах см.: К. В. Тревер, История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 125—136. К. В. Тревер в основном развивает концепцию С. Толстова, изложенную им в: ИС, ч. III—IV; а также в трудах: Древний Хорезм, М., 1948, стр. 276 сл. — По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 209 сл.

² Marquart u. Groot, ук. соч., стр. 244.

³ Drouin, Museon, 1895, стр. 78.

(армяне,—А. Б.) употребляют слово «кушан» для обозначения всех тюркских народов Туркестана с эпохи арсакидов».

Под различными названиями упоминаются эфталитские племена в греческих и сирийских источниках. Среди греческих названий следует отметить термин *гунны-кидариты*.¹ Греческие источники употребляют также для названия эфталитов *нафтал* (Феофан), *абдел* (Феофилакт Симокатта) и его разновидности (ефталъ, епталъ, абдаль). В сирийской хронике Иещу Стилита они выступают под именем хионитов как, впрочем, и у некоторых других авторов.²

Именем «эфталиты» назывались не сами гунны. Из приведенного перечня названий очевидно, что первые отличны от вторых и что название «эфталиты» относилось лишь к части гуннского племенного союза. В описаниях китайских и греческих авторов эфталиты отличаются и от восточных и от западных гуннов. Прокопий прямо указывает на эти отличия и выделяет эфталитов из всей массы гуннских племен не только по антропологическим признакам (эфталиты названы «белыми гуннами»), но и по образу жизни. Есть свидетельства древних авторов (Менандр), что эфталиты живут уже в городах. Однако отмеченный Прокопием образ жизни эфталитов, методы их войны и т. д. указывают на многие черты сходства с кочевыми народами. Указание, что эфталиты живут в городах, связано, как мы покажем ниже, с овладением ими городами Средней Азии и созданием местных политических центров. Справедливо, как нам кажется, мнение И. Маркварта, что под именем «эфталит» следует понимать только правящий род нового политического образования в то время, как этническая масса, составляющая эфталитское государство, была разнообразна. В него входили, по Маркварту, кидариты, кушаны, хиониты, гунны и чоль.³ В. Бартольд считал эфталитов иранцами, хионитов — гуннами. С. Толстов предполагает, что эфталиты суть — смесь населения Приаралья с гуннами Семиречья и что эфталиты были тюрками по языку.

История эфталитов известна нам благодаря столкновениям их с сасанидским Ираном, которые отразились в разнообразных источниках (византийских, армянских, сирийских, арабских, персидских и других). На основании этих источников

---

¹ С. Толстов связывает имя «кидарит» с названием города Кердер на нижней Сыр-дарье. См. его: Древний Хорезм. М., 1948, стр. 277.

² Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 47 сл.

³ См.: J. Marquart. Wehrot und Arang, Leiden, 1938, стр. 45 сл.

Друэн устанавливает следующую хронологию истории эфталитов:

- 420—425 гг. — появление эфталитов в Средней Азии.
- 427 г. — первая война их с сасанидским Ираном (с Бахрам Гуром).
- 442—449 гг. — вторая война с Иездегердом II.
- 450—451 гг. — третья война.
- 454 г. — четвертая война.
- 473 г. — сасанидский царь Пероз пытается заключить с эфталитами союз против Хормизда III.
- 474—476 гг. — выступления эфталитов совместно с Перозом против Хормизда III.
- 482—484 гг. — победа эфталитов над Перозом.
- 484—485 гг. — борьба с Сохраем.
- 486 г. — выступления эфталитов в союзе с Кавадом.
- 497—499 гг. — второе выступление Кавада в союзе с эфталитами.
- 503—513 гг. — борьба Кавада с эфталитами.
- 556—558 гг. — борьба Хосроя Ануширвана с эфталитами и падение их под натиском тюрков.¹

Выступая все время в качестве силы, направленной против сасанидского Ирана, само эфталитское государство гибнет под ударом тюрков в 567 г.

Начиная с 455 г., эфталиты имеют самостоятельную связь с Китаем, обмениваясь с последним посольствами. Проникновение эфталитов в Афганистан и Северную Индию в конце V в. приводит к образованию самостоятельной ветви индийских эфталитов. Эфталиты распространяют свою власть, правда не надолго, и на Восточный Туркестан и Среднюю Азию.

Прежде чем перейти к описанию их военных столкновений с Ираном во времена Кавада, отметим основные даты сношений эфталитов и сасанидского Ирана.

Первое столкновение сасанидского Ирана с гуннами-эфталитами произошло при Бахрам V Гуре, сыне Иездегерда (420—438). Сообщая об этом событии, Табари называет эфталитов тюрками. В 427 г. каган эфталитов со значительным войском (по Табари — 250 тысяч) перешел Оксус у Термеза, разрушил города Хорасана и проник до центра сасанидского царства. Один из подчиненных Бахрам Гура, Мобед, с армией бежал к эфталитам. За большой выкуп каган освободил занятые им районы Ирана и отошел к Мерву. Бахрам Гуру удалось разбить эфталитов, убить их кагана и взять себе в жены его «хатун» (жена кагана). Вскоре был установлен союз сасанидов и эфталитов. С этим политическим актом П. Лерх связывал тот факт, что Бахрам Гур чеканил

¹ Иную интерпретацию событий см.: J. Marquart, *Ersahrg nach Geographie des Ps. Moses Xogenacii*. Berlin, 1901. См. Christensen, *L'Iran sous les sasanides*, Copenhagen, 1936. Cp. R. Ghirshman, *Les Chionites — Hephtalites* (Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, т. XIII), Le Caire, 1948.

монеты типа бухархудатов, являвшиеся денежной единицей для обращения между Ираном и Средней Азией.¹

Преемником Бахрам Гура явился Иездегерд II, который царствовал в 438—457 гг. С 442 до 449 гг. Иездегерд ежегодно отправлялся на борьбу с эфталитами. В 442 г. он захватил область Арач; здесь находилась его резиденция — штаб и отсюда он вел борьбу с эфталитами. Мобед возвратился к Иездегерду после смерти Бахрама и стал его советником.

После Иездегерда II, в период Пероза и Кавада, эфталиты спорадически состояли в союзе с сасанидским Ираном. Позднее, в 513 г., Кавад разбил эфталитов, и они попали под влияние тюрков.² Это был самый важный, решающий этап борьбы эфталитов с сасанидским Ираном.

Для характеристики белых гуннов или эфталитов (которых Вивьен де-Сен-Мартэн отождествляет с юечжами, до того как их разбили восточные гунны в Восточном Туркестане, а позднее передвинувшиеся в Среднюю Азию и Бактрию), следует привести одно место из Прокопия Кесарийского:

«Хотя Эфталиты народ Уннского племени, но они не смешаны и не сносятся с известными нам Уннами, ибо ни смежной с ними области у них нет, ни вблизи от них не живут: но они соседят с Персами на севере, там, где город, называемый Горго, у самой Персидской окраины; тут между ними и Персами часто происходит война за границы. Ибо они не кочевники подобно другим Уннским племенам, но издревле населяют плодоносную страну, посему-то они никогда не нападали на римские земли иначе, как вместе с войском Мидийским. Из всех Уннов они одни белы телом и не безобразны лицом. Образом жизни они также не похожи на других Уннов и не живут как те, по-скотски, но состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство, наблюдая между собою и соседями справедливость не хуже Римлян или кого другого. Самые богатые из них приобретают себе друзей, человек, пожалуй, до двадцати и более; друзья всегда обедают вместе с ними, разделяют достаток, имея на него общее с ними право. Когда же тот, кто приобрел друзей, умрет, то по закону, и они должны быть положены в гроб вместе с ним живые.»³

¹ П. Лерх. Монеты бухархудатов. ТВО, XVIII.

² Мы опускаем здесь рассмотрение истории эфталитов за пределами Средней Азии в Индии и Восточном Туркестане, отсылая к упомянутой работе С. Толстова в: ИС, ч. III—IV. Ср. нашу статью: Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 2, 1947.

³ Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, вандалами и готфами, гл. III, пер. С. Дестуниса, комментарий Г. Дестуниса. Записки Историко-филологического факультета СПб. университета, 1876, ч. 1, стр. 20—25.

По описанию Прокопия у эфталитов имели место отношения, характерные для раннеклассового общества, в котором военачальник, окруженный своей дружиной, живет еще в первобытно-общинных условиях. Указание на положение в гроб после смерти «друзей его», вероятно, вызвано обычаем захоронения рабов вместе с их владельцем, встречающимся в более древнее время, например, у скифов.

По армянским источникам, в частности по сообщению Лазаря Парпского, известны военные столкновения между сасанидским Ираном, Перозом и эфталитами («царством кушанским», «царь Кушнавар»). Эти столкновения относятся, примерно, к 484 г. По сведениям Лазаря Парпского, Пероз был исключительно свирепым правителем, в частности «в Армении распространилось страшное восстание против жестоких правителей, назначенных Перозом».¹

Моисей Каганкатуйский (автор X в.), Иоанн Католикос (X в.), Киракос Гандзакский (XIII в.), Вардан Барцрбердаци (XIII в.) единодушно отмечают, что Пероз «свой народ угнетал сильно», что «господь поднял на него народ эфталтский» и что «все войско персидское, вельможи и сам царь со всеми детьми своими погибли в последней битве своей с ними».

Таким образом, эфталитское нашествие, отвлекшее силы Ирана от Кавказа, рассматривается армянскими историками как благо, принесшее освобождение армянскому народу.

Чрезвычайно характерно, что нападение белых гуннов на сасанидский Иран происходило в то время, когда внутри него, как следует понимать армянские тексты, достигла наивысшего подъема борьба угнетенных народов. Эфталитское движение по своим результатам было освободительным для народов, закабаленных сасанидской Персией. Из этого можно сделать вывод о «варварском» строе белых гуннов и *прогрессивном* характере их движения против сасанидского Ирана.

Как известно, непосредственным продолжением восстаний, возникших при Перозе и связанных с эфталитским движением, является движение маздакитов, выдвигавших лозунги восстановления первобытно-общинных порядков (в частности известен их лозунг об общности жен).³ Их поддержал царь Кавад, младший сын Пероза. По свидетельству Прокопия,

¹ К. Патканов. Опыт истории династии сасанидов. СПб., 1873, стр. 42, сообщение Лазаря Парпского.

² Там же, стр. 44.

³ Там же, стр. 48. См. также: Th. Nöldcke. Geschichte Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879. — Он же, Ueber Mazdak und die Mazdakiten, там же, стр. 455 сл. — Н. Пигулевская. Маздакитское движение. Изв. ОИФ, 1944.

«это многим не понравилось», причем по контексту под словом «многим» надо понимать: большинству персидской знати.¹

Кавад был заключен в «замок забвения»,² из которого ему удалось бежать, и он продолжал поддерживать движение эфталитов и маздакитов. Каваду удалось взять Ктезифон и Амиду, причем он «запретил персам убивать жителей, но позволил грабить их имущество и обращать их самих в невольников, приказав отобрать для себя отличнейших из них».³ Судя по приведенному свидетельству источника, обращение покоренных в рабство было одним из способов удовлетворения восставших.

Убийство представителей сасанидской династии характерно для первого периода восстания, и в этот первый период союзниками Кавада являлись эфталиты. Не случайно историк называет «варварами» иранцев (войска Кавада), «ведших войну с римлянами».⁴ При дальнейшем продвижении «римляне», т. е. византийцы, столкнулись с «восемьюстами эфталитов, представлявших передовой отряд персидского войска».⁵ В дальнейшем Кавад пытался изменить характер движения и перешел на сторону господствующего класса Ирана. Это привело к конфликту с гуннами, составлявшими часть иранского войска, вместе с которым он вел «в северных областях своего государства... долговременную войну».⁶

История взаимоотношений с сасанидским Ираном, особенно во времена Кавада, наглядно рисует «варварский» характер эфталитского государства, во многом сходный с социальной сущностью и прогрессивной ролью восточных и западных гуннов. Эфталитское общество было проявлением «варваризации» среднеазиатских племен после распада кушанского государства. Справедливо С. Толстов пишет, что «выступление эфталитов составляет одно из звеньев широкого наступления варварских племен на доживающий последние столетия рабовладельческий мир».⁷ Не менее важна роль эфталитов в

¹ Прокопий, ук. соч., стр. 49. С. Толстов. Древний Хорезм, стр. 278. Комментатор перевода Г. Дестунис указывает, что обычный перевод «это так не понравилось народу» не следует ни из текста, ни из фактического хода событий. Г. Дестунис считает, что восстал отнюдь не весь народ, а «персидские вельможи», которые решили судьбу Кавада. (Там же, прим. 2).

² В «замок забвения» заключали знатных особ, и их имена даже нельзя было упоминать.

³ Прокопий, ук. соч., стр. 84.

⁴ Там же, стр. 97.

⁵ Там же, стр. 100.

⁶ Там же, стр. 101.

⁷ С. Толстов. По следам..., стр. 215.

этногенезе, как связующего звена восточноевропейских племен с центральноазиатскими.

Надо отметить, что район обитания эфталитов в Приаралье издавна был населен различными племенами. Возможно, что дальнейшие исследования, в частности археологические раскопки, дадут материал, достаточный для ответа на вопрос о том, когда и от кого произошли эфталиты. Происхождение городищ этого района С. П. Толстов связывает с массагетами.

Эфталитское общество, павшее под напором тюрков в 567 г., интересно в том отношении, что оно, вероятно, ассимилировалось с остатками гуннских кочевников, откатившихся с Ирнахом и Денгизихом от Византии в Среднюю Азию. В собственном имени одного из их предводителей, как мы указали выше, следует видеть отражение скрещенного названия двух племенных образований, местного — *кушан* и пришлого — *авар*. Мы имеем в виду имя *Кушнавар*. Кушнавар, конечно, не собственное имя, а соединение племенных названий: *кушан* + *авар*.

По предположению древних авторов, и Эфталан был царем, который дал свое имя народу; на самом же деле в обоих случаях собственное имя вождя племени скорее возникло из племенного названия. Оба «собственных» имени, надо полагать, — племенные названия, причем первое из них — скрещенное.

На скрещение эфталитов с аварами указывают и сообщения китайцев, которые заявляют, что «Еда считается сильным государством и находится в брачном родстве с жужанцами» (т. е. аварами, — А. Б.). Таким образом, наш анализ термина *Кушнавар*, взятого из византийских и армянских источников, подтверждается и сообщением независимых от них китайских источников. Можно предполагать, что в среде эфталито-кушанского общества пережитки гуннского племенного союза продолжали свое существование.¹ Надо только учесть, что объединение аваров с кушанами, несомненно, наложило определенный отпечаток на их племенное название.

Резюмируя наши соображения о происхождении эфталитов, можно сказать следующее.

Эфталиты являются частью кушанских (юечжийских) племен, в свою очередь связанных, как показал С. Толстов, с мас-

---

¹ Об этом см. J. Marquart. Über Volkstum der Komänen. Abhandl. Gesell. d. Wissensch. zu Göttingen. Neue Folge, XIII, вып. 1, Berlin, 1914, стр. 74. См. также его замечание о том, что «Государство эфталитов — часть государства большой Кушанской империи» (там же, стр. 70). П. Пелльо склонен связывать племенные термины гуннов западных источников типа *Hunac* с гуннами-аварами. См.: P. Pelliot. A propos des Comans. JA, 1920, апрель—июнь, стр. 16—17.

сагето-аланским союзом, вошедшим в контакт с гуннскими племенами Средней Азии. Политический подъем эфталитов был обязан откочевавшим в Закаспий гуннским племенам Ирнаха. Включение в среду гуннского союза осколков разбитого жужанского союза дает новое этническое имя кочевникам — «авар», сменяющее имя «гунн». Союз гунно-аварских племен с остатками кушанского союза в Средней Азии образует на краткий отрезок времени политическую коалицию кочевников, принявших на себя имя одного из кушанских племен — «эфталит», в другом случае скрещенное имя своих предшественников «кушнавар», в третьем по сходству с предшественниками их именуют «гуннами», отличая эпитетом «белые». Естественно, что в коалиции имели место и новые явления в социально-экономическом строе — бóльшая, например, оседлость, связанная с распадением древних форм кочевого быта.

В этом свете следует отметить плодотворную гипотезу С. П. Толстова о том, что в серии «болотных городищ» нижней Сыр-дарьи и Приаралья имеются гунно-эфталитские поселения, впоследствии города гузов.¹ Находя возможным искать происхождение эфталитов на местной почве, С. П. Толстов не отрицает и факта связанности их с восточными элементами, в частности характеризующейся монгольским языковым вкладом.²

Однако этот монгольский вклад, датируемый скорее всего V—VI вв., — лишь добавление к местной этнической среде, восходящей к массагетской древности, а не изначальная этническая масса.

Не исключена возможность, как мы уже указали, что смена имени *жужан*, на *авар* и его дериваты — *вархуни*, *кермихионы* — произошла в этих районах Сыр-дарьи и Приаралья. Здесь восточные жужанские этнические элементы попали в орбиту влияния «гуннов поселений», где приняли свои имена-прозвища. Несомненно, что аварский каганат возникает в явной связи с этническими массивами Средней Азии и Восточной Европы и его сложный состав отмечается двух-элементными именами племенных союзов этого времени.³

---

¹ Города гузов. СЭ, вып. 3, 1947. — Древний Хорезм, стр. 276. — По следам... , стр. 209 сл.

² Ср.: С. Толстов, Города гузов, стр. 81.

³ См. далее прил. 3, стр. 224.

Глава XIV

РОЛЬ ЭФТАЛИТОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Значение эфталитов в истории Средней Азии заключается в том, что эфталитское государство пытается восстановить, реставрировать былую славу и размах кушанской империи. Если в возвеличении последней существенную роль сыграли усунь не без воздействия гуннов, то в создании эфталитского государства роль гуннов не менее велика.

Нам кажутся бесплодными дискуссии о том, были ли эфталиты кочевниками или земледельцами. Среднеазиатская культура оставалась той же, — согдийской в Согде, кушанской в Фергане и Хорезме, тохарской в Тохаристане. Эфталитское государство — некая политическая «надстройка» над культурой Средней Азии и ничего принципиально нового не создавало. Среднеазиатская культура лишь продолжала развиваться в новых государственных и политических условиях, оказавших весьма важное влияние на размещение культурных центров. Наблюдаемые в этот период изменения были вызваны не какой-то особой ролью культуры эфталитов, оседлой или кочевой, а теми новыми социально-экономическими условиями, которые созрели во время их владычества.

На социально-экономической роли эфталитов в Средней Азии мы сейчас и остановимся.

Появление гуннов в I в. до н. э. — I—II в. н. э. было чревато двумя обстоятельствами: во-первых, усилением тюркского этногенеза и формированием монголоидного расового типа, во-вторых, передвижением кочевников Семиречья, Тяньшаня и Сыр-дарьи в глубь Среднеазиатского междуречья.¹ Не без их влияния укрепляется созревшее именно в эти столетия кушанское государство, в эмблемах которого всадник (ср. монеты)

---

¹ По этому вопросу см.: А. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940.—Он же. Из истории гуннов I в. до н. э. СВ, I, 1940.

играл не последнюю роль, как бы отражая значение конной армии. Культура гуннов, открытая в ряде пунктов Средней Азии (Талас — Кенкольский могильник, Центральный Тяньшань — Кыз-Арт, Арпа и Атбаши, Сыр-дарья — могильники джунского типа, Фергана — катакомбы Соха, Исфары и Ширинсая, Памиро-Алай — катакомбы Мааша и Кызылтуу в Чон-алае),¹ носит характер более кочевой культуры, но и здесь археолог находит ясные доказательства связи с оседлой культурой, например, просо, глиняную посуду из оседлых районов. Более кочевнический характер сохраняют гуннские племена горных районов — Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая.

Приобщение гуннов к оседлой культуре происходило, естественно, в местах их непосредственного соприкосновения с оседлыми племенами и прежде всего по Сыр-дарье. Наличие владений гуннов в этих районах засвидетельствовано китайскими источниками (Вэйшу) в повествовании об области Судэ (северная часть Согда, граничащая с Сыр-дарьей).²

Сыграв значительную роль в передвижении кочевых племен Средней Азии, содействуя тем самым укреплению кушанского государства, укрепляя позиции тюркского этногенеза, коренные обитатели восточных районов Средней Азии, и прежде всего Семиречья, не говоря уже о горных районах — кочевники гунны, остались одним из важнейших резервов патриархально-родового уклада в социально-экономической истории Средней Азии. И этим гуннским племенам, вкуче с кочевыми и полукочевыми племенами остальных районов Средней Азии, выпала честь довершить разрушение мощных рабовладельческих государств, граничащих с Средней Азией с юга. Имеем в виду гунно-эфталитский разгром сасанидского Ирана в V в. н. э.³ Завоевание эфталитов было последним ударом по расшатанной маздакитским движением рабовладельческой системе персов. Да и в самом антирабовладельческом учении

---

¹ Значительная часть материалов еще не опубликована. Результаты наших раскопок см. в вышеуказанных работах. Ср. аналогичный материал в работах В. Гайдукевича: Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг., КСИИМК, вып. 14, 1947. Ср.: М. Массон. Археологические исследования в Узбекистане. Сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет», Ташкент, 1939.

² Подробно об этом см.: F. Hirth. Ueber Wolga-Hunnen und Nioung-pu. SKAW, 1899, II, вып. 2.

³ Впервые об этом в русской литературе: В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского завоевания, ч. 2, СПб., 1900; ср. статью А. Якубовского: ВЛУ, 1947, № 12. Одна из последних работ, где автор возвращается к этой теме. Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941. К сожалению, автор не учитывает высказываний В. Бартольда.

Маздака советские ученые видят воздействие патриархально-родовой идеологии, быть может идущей от эфталитов.¹

События V в. в Средней Азии как бы перекликаются с завоеванием Китая кочевниками Тоба, с ударом варваров, «не-римлян» по Римской империи (также конца V в.), причем во всех этих племенных конфедерациях варваров участвуют гуннские племена.²

Эта коренная ломка общественных отношений в условиях Средней Азии наложила отпечаток на городскую культуру, выразившийся в первом документированном письменными источниками и археологическими данными кризисе, внесенном в историю Средней Азии кочевниками.

Разные результаты кушанского и гунно-эфталитского господства, в обоих случаях определенные кочевниками, объясняются тем, что в первом случае выступали кочевники, издавна сосуществовавшие с оседлыми районами, во втором — кочевники, для которых взаимоотношения с оседлыми районами осуществлялись только с помощью завоеваний и обмена-торговли. Вместе с тем упадок городской жизни в гунно-эфталитский период следует рассматривать не как экономический кризис и не как результат насильственного разрушения, хотя не исключаются и эти факты.

Отмечаемое археологами в рассматриваемый нами период запустение древних античных городов, например в Термезе³ или на Афрасиабе,⁴ прежде всего знаменует переход к новым типам общественных отношений — феодальным — и в связи с этим появление иного типа поселений, прекрасно выявляемых прежде всего в Хорезме,⁵ отчасти в Семиречье⁶ и в Бухарском оазисе.⁷

В это время преобладает расселение в замках и деревенских усадьбах-селениях. Рабовладельческие города архаического типа прекращают свое существование. Страна покрывается многочисленными укрепленными жилищами сельского населения и замками аристократии. Пульс городской жизни резко падает. В этом состоянии Средняя Азия доживает до

---

¹ С. Толстов. Древний Хорезм, стр. 277—278.

² См. нашу статью: СВ, I, стр. 76—77.

³ М. Массон. Работы термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг. Труды УзССР, сер. I, II.

⁴ Вяткин. Афрасиаб, городище бывшего Самарканда. Самарканд, 1946.

⁵ С. Толстов, ВДИ, вып. 1, 1946.

⁶ Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

⁷ В. Шикин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940.

раннего средневековья, когда арабо- и персоязычная литература прежде всего отмечает многочисленные кешки, а затем уж отдельные города. Именно эта «децентрализация» общественной жизни вызвала упадок городской жизни в переходный период от античности к средневековью, а не разгром, мнимый или преувеличенный, жизни в оседлых районах, как это часто воспринимается.

Не вправе ли мы после сказанного считать, что гунно-эфталитский период в Средней Азии, с которым мы связываем крушение рабовладельческой системы и генезис феодализма, был прогрессивным этапом? Мне кажется, что вправе. И в этой колоссальной ломке отживающих социально-экономических отношений решающую роль сыграли кочевые, в частности тюркские, племена Средней Азии. Именно с этого времени IV—V в. н. э. еще более углубляется органическая связь кочевников-тюрок с оседлыми районами Средней Азии, проявляющаяся в двух формах: 1) в зависимости многих областей Средней Азии от кочевников и 2) в колонизационной струе оседлого населения в среду кочевников. Доказательством этого является вся структура отношений в эпоху тюркского каганата, складывающихся еще в предшествующий период.

Напомню расцвет строительства в отдельных центрах эфталитского государства, например в Бамиане. В Бухарском оазисе весьма ярким памятником эфталитского времени является дворец бухархудатов в Варахше.¹

Однако отдельные памятники такого типа еще не свидетельствуют о расцвете именно городской культуры, которая в это время явно переживает упадок, что уже отмечалось выше. В этом отношении Средняя Азия напоминает Западную Европу после падения Рима. Эта особенность развития культуры при переходе от античности к феодализму была отмечена К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Еще в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли особую группу завоеваний, связанных с «разрушением старой цивилизации варварским народом и следующим за этим образованием заново иного общественного строя (Рим и варвары, феодализм и Галлия, Восточноримская империя и турки). У варварского народа-завоевателя сама война, как уже было выше указано, еще является регулярной формой сношений, которая используется все более, по мере того как прирост населения, при традиционном и единственно для него

---

¹ О нем см.: В. Шишкин. Исследование городища Варахша и его окрестностей. КСИИМК, вып. 10. Одну из последних работ В. Шишкина об этом замечательном памятнике см.: Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа, вып. 4. Ср. также его статью в Изв. АН УзбССР, 5, 1948.

возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства».¹

Последствием таких завоеваний является сложение феодального типа собственности. В том же труде К. Маркса и Ф. Энгельса прекрасно резюмируется этот тезис в следующих словах:

«Если античность исходила из *города* и его небольшой округи, то средневековье исходило из *деревни*. Эту перемену исходного пункта обусловило первоначальное редкое и рассеянное по обширной площади население, которое завоеватели не увеличивали сколько-нибудь значительно. Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более широком базисе, подготовленном римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия.

«Последние века клонившейся к гибели Римской империи и самое завоевание ее варварами разрушило множество производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно приостановлена; сельское и городское население убыло. Сложившиеся таким образом обстоятельства и обусловленная ими организационная форма завоевания развили, под влиянием структуры германских войск, феодальную собственность».² К этому тезису К. Маркс и Ф. Энгельс возвращались неоднократно. Напомним, хотя бы, формулировку этих положений в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Картина, нарисованная К. Марксом и Ф. Энгельсом, полностью соответствует тем представлениям, которые начинают складываться в отношении Средней Азии накануне тюркосогдийского времени (VI—VIII вв.). За внешними проявлениями упадка и экономического кризиса следует видеть генезис новых форм общественных отношений, не ограничивая себя только констатацией экономического упадка. Надо сказать, что С. Толстов, анализируя смену типов поселений на ярких памятниках Хорезма, правильно подчеркнул значение этого периода, противопоставляя среднеазиатские города поздней античности типу поселений в афригидское время.³

В отношении Средней Азии следует только подчеркнуть, что преодоление этого упадка произошло в очень краткий срок, поскольку на VI—VIII вв. падает новый расцвет своеобразной культуры Средней Азии.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 13.

² Там же, стр. 14.

³ С. Толстов. Топраккала. Изв. АН СССР, сер. ОИФ, № 14, 1944, стр. 188. Об этом же см. его статью: Новые материалы по истории Хорезма. ВДИ, вып. 1, 1946, стр. 74.

Встает и другой вопрос: в какой степени гунны эфталитского периода содействовали изменению направления этногонических процессов. Мы отмечали, что гунны в условиях южных районов, несомненно, расширяли территорию тюркского этногенеза. Но эти же тенденции прослеживаются и в областях, где этнической подпочвой были ираноязычные племена. Напомню, в частности, сложение тюрк-кумиджиев Чон-алай и Каратегина, где гунно-фруны (катакомбная культура Маашинского типа) скрестились с кумедами. Это тюрки, в которых арабо- и персоязычная литература справедливо видит скрещенные племена, в частности хайтальский (эфталитский) элемент.¹ Совершенно очевидно, что аморфно-конгломеративный характер эфталитского объединения нашел свое отражение и на Сыр-дарье, ибо эфталитские объединения создавались там, где гунны (прототюрки) скрещивались с иной (ираноязычной?) этнической средой. Такими двумя центрами эфталитского государства были средняя и нижняя Сыр-дарья, с одной стороны,² и верхний бассейн Аму-дарьи — с другой.³ В условиях эфталитского государства гунны подвергались сильному воздействию местных ираноязычных племен. Однако этот процесс «иранизации» не был достаточно сильным. Осколки эфталитских этнических групп на Сыр-дарье были впоследствии отюречены и растворились в огузском этногенезе.⁴ Аналогичный процесс «отюречивания» восточноиранских племен имел место в верховьях Аму-дарьи. И только часть из указанных этнических групп по южную сторону Пянджа вошла в качестве важнейшего компонента в состав афганского народа.⁵

В этих двух конечных результатах эфталитского господства, т. е. в разрушении среднеазиатской античности, отразившейся и на судьбах зарубежного Ирана и в образовании огузских племен, с одной стороны, и афганских — с другой, мы видим основное значение эфталитского периода. Следует при этом помнить, что появление эфталитов на исторической арене Средней Азии было обусловлено ролью среднеазиатских гуннов, гуннов Семиречья и Тяньшаня, историю которых мы пытались рассмотреть в первой части нашей книги.

---

¹ Об этом подробнее: А. Бернштам. Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г. на Памире. УЗЛГУ. 1951.

² См.: С. Толстов. Города гузов. СЭ, вып. 3, 1947.

³ А. Бернштам. Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г. на Памире. УЗЛГУ.

⁴ А. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, вып. 3, 1947.

⁵ В данном конкретном случае мы согласны с положениями по этногенезу афганского народа, которые были выдвинуты еще Акэном.

Глава XV

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГУННО-АВАРСКОГО ПЕРИОДА

От западных гуннов (и аваров) сохранилось достаточно много археологических памятников, однако хуже датированных, чем памятники восточные. Основные находки эпохи западных гуннов известны из Венгрии, отчасти на Волге. Слабая изученность могильников этой эпохи и немногочисленность материала, а также тесная связь между гуннами и аварами заставляют делать обзор гуннских и аварских комплексов без точного разделения их по периодам. Для точной их классификации время еще не наступило.

Как отмечают исследователи, находки гуннского периода (это главным образом, предметы роскоши) в основной своей массе связываются с вещественными комплексами предшествующего времени, т. е. с изделиями полихромного стиля — золотыми и серебряными вещами, украшенными разноцветными, иногда драгоценными, камнями (сердолик, рубин, алмадин и др.) или цветными стеклами, — и являются памятниками варварского искусства, возникшего еще в скифо-сарматскую эпоху.

Почти во всех исторических описаниях гуннов, от таких точных, как известия Приска, до таких легендарных, как «Песнь о Нибелунгах», имеются указания на пышность личного одеяния и украшения вождей гуннского общества. Основной вещественный материал и данные письменных источников относятся к характеристике господствующей части гуннского племенного союза. Разнообразию найденных предметов свидетельствует об их происхождении из различных мест: кроме местных ремесленных центров, это Византия, Иран и др. Указанные области либо грабились гуннами, либо гунны получали найденные вещи в порядке дани. Этим можно объяснить разнообразный состав, например, Перещепинского клада, в котором наряду с местными, антскими вещами имеется много предметов византийского и иранского (сасанидского) происхождения.

Находки гунно-аварского времени представляют обычный инвентарь кочевников. В могилах встречались остатки костяной обкладки лука, железные стрелы, керамика разнообразных форм, котлы на высоких ножках, конское снаряжение, предметы роскоши. В числе последних — всевозможные украшения одежды в виде блях, застежек, пряжек и мн. др. Богатые украшения, золотые и серебряные (иногда позолоченные), усыпаны разноцветными камнями (так называемый полихромный стиль). Манера изготовления такого типа вещей присуща так называемому варварскому стилю, продолжением и расцветом которого является стиль гуннского времени.¹ Обычно предметы роскоши представляют собою тонкие золотые или вызолоченные серебряные пластинки, которые нашивались на одежду, они же служили для отделки седел и вообще конской сбруи и вооружения, диадемы; иногда встречается богатая посуда из драгоценных металлов и т. п. К этой же группе следует отнести односторонние, плоские украшения, например в виде рыбы (или птицы?) с чешуей из цветных камней; пряжки конского убора и одежды, основа которых украшалась четырехугольными или круглыми, всегда выпуклыми, цветными камнями.

Вставлялись камни в металл двояким способом, либо в обособленные гнезда, либо на пластинку, перегородженную на отдельные ячейки. Последний прием украшений называется «перегородчатой инкрустацией». Перечисленные группы украшений стилистически связываются, с одной стороны, с сармато-аланским, позднее так называемым готским кругом памятников. Искусство гуннского времени, как уже отмечено, является историческим продолжением предшествующих форм.

«Варварское» искусство, характерное для гуннов, обычно связывали только с так называемым готским кругом памятников и считали, что оно представляет простое его копирование. Однако факты показывают, что так называемый готский стиль, отличающийся, в частности, украшениями из комбинации камней, цветного стекла и драгоценного металла, отнюдь не может быть связан с какой-нибудь одной народностью или группой племен.

Вещи с инкрустациями все чаще и чаще начинают вскрываться на Востоке, и письменные свидетельства показывают, что они по большей части самостоятельно выделялись там же, а не были занесены с Запада. В Средней Азии известны

---

¹ О готском стиле см.: Л. А. М а ц у л е в и ч. Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верхне реке Суджи. ИИ АИМК, вып. 112, 1934. Там же литература вопроса.

такие находки в Киргизии (раскопки Гейкеля),¹ Казахстане (раскопки Козырева в ур. Кара-агач)² и случайная находка у оз. Боровое.³ Ныне нам известны новые районы с памятниками этого стиля: могильник Туп Хона в Гисарском районе Таджикистана и находки в Беграме.

Этот прием украшений был известен в древности среднеазиатским племенам юечжей. Так, в китайской истории Северных дворов указывается: «В царствование государя Тайву (424, — А. Б.) жители владения юечжи, производившие торговлю в столице, объявили, что они умеют из камней плавить различные цветные стекла; почему добыли руду в горах, и в столице произвели опыт отливания. Опыт удался, и стекло блеском своим даже превосходило стекла, привозимые из западных стран, почему государь указал ввести сии стекла в тронных. Около ста человек обучались отливанию. Стекла были блестящих красок и прозрачны: все, смотря на них, приходили в изумление и считали божественным произведением. С сего времени цветные стекла подешевели в Среднем государстве, и перестали считать их драгоценностью».⁴

Не отрицая факта торговли и обмена (и грабежа), в результате которых предметы западного искусства попадали на Восток, следует учитывать и самостоятельную роль, в частности, племен Средней Азии в развитии культуры того типа, творцами которой до недавнего времени принято было считать готские племена. Характерно, что расцвет этого типа искусства относится к послеготскому периоду, ко времени движения гуннов в Западную Европу.

К другой группе находок должно отнести массивные украшения — застежки, пряжки, — представляющие собой стилизацию (в редких случаях реальную передачу) птиц и других зверей. Эта группа вещей, например знаменитый клад Петросса,⁵ рассматривается в буржуазной археологической литературе, как искусство, перенесенное из Азии, чуждое будто бы Восточной Европе. Между тем, изображение птиц на украшениях известно в Восточной Европе задолго до гуннского нашествия, например в районе Прикамья, примерно с конца Ананьинской, точнее с начала Пьяноборской эпохи. Изображение птиц, несмотря на ряд изменений, в Прикамье

¹ Traveaux Ethnographiques, VII. Helsinki, 1918.

² ИАК, вып. 16.

³ Издание коллекции подготавливается нами к печати в статье под названием «Находки у оз. Боровое».

⁴ Бичурин, ч. 3, стр. 172.

⁵ Andreas Alföldi. Archäologische Spuren der Hunnen. Germania, 1932, April, вып. 2.

существовало довольно долго.¹ Вообще птицевидные украшения распространены от Китая до Венгрии.

К характерным вещам гуннской эпохи следует отнести также большие котлы на высокой, полой внутри ножке, имеющей форму усеченного конуса, с двумя полукруглыми, иногда украшенными ручками. Котлы служили для изготовления пищи во время стоянок кочевников, и высокая ножка позволяла легко разводить огонь. Объем каждого котла показывает, что пища в нем готовилась на большое количество людей. Следовательно, можно предполагать, что родовой строй был еще в достаточной степени силен и что основой сохранения обычаев родового строя, вероятно, являлась большая семья. Только таким условиям соответствовали размеры и формы котлов. Форма котлов — традиционная: она имеет аналогии в древних котлах юго-восточной Европы, Минусинского края и Северного Китая.²

Керамика гуннского времени разнообразна. Здесь и местная баночной формы посуда, и амфороподобные кувшины с ручками, и острореберная посуда, и как бы керамическое повторение деревянной полусферической чаши, и т. д. Разнообразен и орнамент, геометрический в основе. Следует особо выделить зигзагообразную плавную линию между двумя параллельными, символизирующую течение реки.³

Богатый материал для суждения об экономике и культуре аваров дают археологические памятники их эпохи в Венгрии. В письменных источниках по этому вопросу почти не имеется данных.

В Паннонии, по прекрасным берегам Дуная, авары оставили следы своего пребывания в виде многочисленных могильников. На основании добытого здесь материала можно получить общую характеристику экономики и культуры аварского каганата. В могильниках Юташ и Ошкю (Венгрия),⁴ содержащих 244 и 77 погребений, было обнаружено, напри-

¹ А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сб. МАЭ VI, стр. 125—164.

² Ср.: А. Бернштам, СА, XI.

³ А. Бернштам. Рецензия на работу С. Trever. Excavations in the Northern Mongolia в ПИДО, № 9—10, 1934.

⁴ Су. Rhé und N. Fettich. Jutas und Öskü. Zwei Gräberfelder aus der Völkerwanderungszeit in Ungarn. Скифика, 4. Прага, 1931. Надо отметить, что археологический материал по аварам усиленно собирается и изучается в Венгрии, и факты, конечно, не ограничиваются вышеуказанными могильниками. Могильники Юташ и Ошкю взяты в качестве примера. Уже после написания настоящей работы мы получили возможность ознакомиться с новыми отчетами о раскопках могильников аварского времени — Улло и Кишкереш (в 28 и 108 км от Будапешта), материал которых подтверждает наши выводы. См.: Tibor Horvath. Die Avarischen Gräberfelder von Ullö und Kiskörös. АН, XIX, Budapest, 1935.

мер, большое количество вещей аварского периода. Характерным инвентарем мужских погребений являлись украшения одежды и конского снаряжения, оружие, конская сбруя, керамика, кости домашних животных. В женских погребениях, как правило, встречаются серьги, бусы, принадлежности туалета, кости домашних птиц и яичная скорлупа.

Инвентарь могил, будучи в основном типично кочевническим, включает, однако, и объекты, не совсем характерные для кочевников. Так, например, из костей домашних животных были найдены бык, лошадь, овца, свинья.

Наличие свиньи свидетельствует о том, что авары были в это время полуоседлыми, ибо свинья в составе стада кочевников быть не может. На известную оседлость указывают и остатки домашней птицы, также несовместимые с хозяйством кочевника. О том же говорят приписываемые аварам оседлые станы — городища, обнесенные валом ринки, открытые (но почти не исследованные) по Дунаю. Встречались среди могильного инвентаря предметы, напоминающие собой железные наконечники мотыг.

Таким образом несомненно, что у аваров были элементы оседлости, обеспечившие развитие, пусть в небольших размерах, и земледелия в его ранних и примитивных формах. Несомненно, что местное земледелие намного превышало уровень аварского, будучи древнейшим занятием населения.

Многочисленны находки оружия, сделанного из железа. Состояло оно из лука, меча и копья. Найдены: костяные обкладки лука, показывающие, что лук был составной, больших размеров; трехгранные наконечники стрел с черенком, судя по которым можно говорить о большой стреле, т. е. и о большом луке; трехгранные, цельные со втулкой наконечники тяжелых копий; железные вытянутые боевые топоры-секиры с плоским приплюснутым обухом. На смену тяжелому сарматогуннскому мечу появляется сабля, форма и конструкция которой тесно связаны с мечом. Она имеет одно лезвие и лишь слегка выгнута. Рукоять — с мечеподобным перекрестием и шляпкой.

Конское снаряжение имеет характерные черты так называемого тюркского типа. Стремена с узким подножьем, с прямоугольной петлей для крепления ремня, удила литые, древнего типа с костяными, иногда железными псалиями. Пряжки конской сбруи, как и одежды, с вытянутым основанием, клювоподобным язычком и овальной рамкой. Украшения ремней в виде бляшек на шпеньках, вытянутые, с одним прямым краем и другим полукруглым, либо слегка заостренным. Поверхность накладки орнаментирована.

Среди прочего инвентаря следует отметить более мелкие

предметы, как-то: ножи, кинжалы, ножницы для стрижки шерсти и т. п.

В отдельных случаях исследователи наблюдают более развитую по сравнению с гуннами керамику. Керамика без гончарного круга, плоскодонная, баночной формы со слегка отогнутым венчиком, мало орнаментированная; тесто керамики плохо промешано, черное в изломе. Наряду с такой грубой керамикой «кухонного» типа наличествует и более совершенная, например баклажки-фляги с двумя ручками, узким горлышком, односторонне выпуклые, с характерным волнистым орнаментом в виде параллельных волнистых линий по кругу, заключенных между параллельными прямыми.¹

В одном могильнике была найдена любопытная вещь — дудка из двух стволов, сделанная из кости. Подобные дудки типа флейты имеют чрезвычайно большое распространение у кочевых народов.²

Находки предметов искусства аваров дают материал об их идеологических представлениях, культурных и исторических связях. Особенно выразителен в этом отношении орнамент. Он разделяется на два типа: геометрический и звериный. Первый в виде плетенки, елочный и тому подобных геометрических форм, является результатом влияния традиций западноевропейских племен, и, как показывают исследования, оказался у аваров в результате влияния их западных соседей, прежде всего лангобардов. Но и орнаментика лангобардов выросла на местной более древней почве.

В этой группе следует выделить геометрический орнамент отнюдь не западноевропейского происхождения, генезис которого следует искать в попытке художника передать наиболее скупыми средствами первоначальную звериную основу рисунка. Данный тип геометрического орнамента тесно связан еще с переживаниями реалистических мотивов в аварском искусстве и носит название стиля «Кестеляй».

В стиле «Кестеляй» орнаментированы украшения сбруи, одежды, вооружения, в виде бронзовых наременных накладок, например из могильника Надихеш. Изображения животных на этих накладках, хотя и втиснуты в определенные нормы геометризации, но сохраняют еще известную живость, реалистический характер.

Мастер-художник, как видно, хорошо знал животное и

---

¹ См., например: D. Csallany. Der Grabfund von Szentes Lapisto aus der Völkerwanderungszeit. Dolgozatok, IX—X, вып. 1—2, 1933—1934, стр. 213—214. — Он же. Avarische und aus den IX—XIII Jahrhundertes stammende Ungarische Funde im Museum zu Szentes. Там же, стр. 242—247.

² Dénes v. Bartha. Die Avarische Doppelschalmei von Janoschida. AN, XIV. Budapest, 1934.

мог сохранить в своем изображении, несмотря на геометричность рисунка, элементы реальности.¹ Более четко последнее прослеживается в графитти по кости, найденном в могильнике Ютас; изображения оленя и кабана здесь чрезвычайно реалистичны, и техника исполнения весьма напоминает аналогичное графитти из Алтая (могильник Кудыргэ). В этом стиле исследователи справедливо видят, наряду с местными, самобытными чертами, струю восточных влияний.

Предметы украшения, как правило, массивные, однако встречено большое количество и ажурных украшений. Немного меньше найдено вещей аналогичного типа (обычно из благородных металлов) с инкрустациями. Камни, использованные для украшения, расположены редко, в выпуклых гнездах на фольговой подкладке. Поле, на котором расположены камни, орнаментировано геометрическим узором.

Анализ украшений и орнамента показывает, что аварское искусство представляет собой новую ступень в развитии варварского искусства. Оно шло по пути схематизации, геометричности рисунка. В нем отразилась преемственность от прошлого гуннского (инкрустация), отчасти — влияние западных соседей; в нем прослеживаются не утраченные связи с Востоком. Характерны в этом отношении звериные сюжеты, которые в это (и более позднее) время продолжают существовать на Востоке, например на Алтае в аналогичных, иногда идентичных формах.

Эта связь с окружающими странами более всего отражена в таком памятнике аварского времени, каким является Перещепинский клад. В нем представлены три категории вещей: 1) византийские, например блюдо Патерна и др., 2) сасанидское блюдо с изображением Шапура II и др.,² и 3) так называемые собственно аварские вещи, среди которых исследователи отмечают местные ремесленные традиции, антского происхождения.³

Как указывал К. Феттих в аварском искусстве, наряду с влиянием Запада, шедшим через Византию и от лангобардов,⁴ имеются сильные пережитки гуннского стиля.

---

¹ См. аналогичный процесс в развитии киргизского орнаментального искусства, на что мы обращали внимание в вводной статье к альбому «Киргизский национальный узор» (Л., 1948).

² А. А. Бобринский. Перещепинский клад. Материалы по археологии России, № 34, табл. I и VI. — Л. А. Моисеев. К изучению Перещепинского клада. ИАК, 1913. — Л. А. Мацулевич. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжка. *Seminarium Kondakovianum*, 1927. См. в перечисленных статьях литературу вопроса.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 100 сл.

⁴ N. Fettich. *Das Kunstgewerk der Avarenzeit in Ungarn*. AN, I, Budapest, 1926, стр. 64.

Собственно аварские вещи (стремена, сосуды, сделанные из золота и серебра) — типично тюркские, абсолютно идентичные с находками в тюркских могильниках VI—VIII вв. Средней и Южной Сибири. Богато представлены в Перещепинском кладе оба типа инкрустации (перегородчатая и гнездовая). Перещепинский клад — богатейшая находка аварского времени. Будучи различным по своему происхождению из разных ремесленных центров, он прекрасно характеризует одну сторону жизни аваров — торговые или военные связи, показывая значительный территориальный размах этих связей.

Раскопки аварских могильников и изучение антропологического материала показывает неоднородный и расовый тип аваров. Это обстоятельство указывает, во-первых, на многоплеменность аварского каганата, во-вторых, на изменение физического облика кочевника в связи с изменением его хозяйственной деятельности.

Археология аваров показывает также историческую преемственность аварского каганата от гуннского племенного союза, многоплеменность его, развитие международных связей от Востока (Алтай, Средняя Азия и Иран) — до Запада (Византия—лангобарды). Их культура, будучи в основе репликой предшествующей, имеет существенные черты нового этапа развития варваров, быть может последнего, заключительного этапа.

Характерными чертами археологических памятников аварского периода являются: сохранение местных, доаварских, т. е. в значительной степени славянских, традиций и скрещение восточных мотивов с разнообразными культурами.

А. Альфöldи в специальной сводке археологического материала западных гуннов отмечает, с формальной стороны, ряд влияний в инвентаре могил: азиатские формы, галлыштат, латен, античные пальметки, дунайские элементы орнамента в керамике, сделанной на гончарном круге, с разными линиями в орнаменте, ромбовидной сеткой, роксолано-язигзское влияние и т. д.¹

Подчеркивая сейчас ложность выводов о преимущественном значении Запада в сложении культуры аваров,² укажем, что эта разнохарактерность вполне объяснима и вполне закономерна. Как уже упоминалось, и для культуры аваров устанавливается эта разнохарактерность стилей (лангобарды, Византия, Иран, Средняя Азия и Алтай, из них последние два:

---

¹ Andreas Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. АН, IX, Budapest, 1932, стр. 39 сл

² Там же, стр. 58.

района в первую очередь). Остается до сих пор еще не совсем ясной роль культуры славян в сложении культуры аваров.

Отдельными исследованиями установлены нехарактерные для кочевников элементы, например в архитектуре.¹

Разнохарактерность культуры западных гуннов вытекает из социального строения их племенного союза.

В своей основе этот союз — кочевой. Гунны-кочевники, завоеывая новые территории и забирая в плен рабов, в сильной степени смешивались с другими племенами и народами.

Гунны-кочевники сохраняли прежде всего в вещах личного пользования и в конском снаряжении те элементы, которые были присущи им до выступления на мировую арену еще в восточных областях. Эти элементы — звериный стиль.

Как преобладающая часть племенного союза, гунны воплощают в своем искусстве классические образцы искусства кочевников и охотников, воплощают в искусстве идеологию кочевой знати, которая генетически тесно связана с теми явлениями искусства, которые все буржуазные ученые называют «азиатскими», «алтайскими», «срединноазиатскими» и т. д. В действительности это искусство является самобытным, сформировавшимся из искусства племен Восточной Европы, правда в связи с Востоком — Средней Азией прежде всего. Поэтому так называемые «азиатские» элементы в культуре гуннского периода — классическое выражение культуры кочевников вообще, в их частном, локальном своеобразии.²

---

¹ F. V a m o s. Attilas Hauptlager und Holzpaläste. Seminarium Kondakovianum, V.

² Надо указать, что в буржуазной науке уже делаются попытки разбить мифическое единство звериного стиля и выявить отдельные районы его происхождения. По этому вопросу имеется огромная литература; кроме указанной ранее, отмечу еще работы З. Такач. См., например: Z. T a k a c s. L'art des Grouds Migrations en Hongrie et en Extreme-Orient. RAA, VII, 1931, вып. 1 и 2. — Он же. From Northern China to the Danube. OZ, 1936, вып. 5. — Carl H e n t z e. Beiträge zu den Problem des Eurasischen Tierstyles. OZ, 1936, вып. 3/4. На памятниках звериного стиля подвизались и откровенно фашистские «ученые». См., например: K. B l a u e n s t e i n e r. Die Ausstellung «Nomadenkunst und Tierstil» in Wiener Kunsthistorischen Museum. OZ, 1934, вып. 6. Одна из последних сводных работ по данному вопросу: E. H. M i n n s. The Art of the Northern Nomads. London, 1942. Характерна также работа: J. A n d e r s s o n. Der Weg über die Steppen. ВМЕА, I 1929, стр. 143—163. Автор пытается установить четыре провинции происхождения звериного стиля — Китайскую, Минусинскую, Причерноморскую и Ананьинскую, — а в связи с этим и локальные его отличия (стр. 148—149). Еще более показательной является статья: A. T a l l g r e n. Zum Ursprungsgeliet des sog. Skythischen Tierstils. Acta Archaeologica, IV, вып. 2—3, Копенгаген, 1933, стр. 258—269. Талльгрэн утверждает, что звериный стиль возникает на определенной ступени хозяйственного развития — охоты или собирательства — у различных племен Азии, Европы, Африки (стр. 263).

Из числа западных племен гунны, как известно, включили в свой союз германские племена и местные (Восточной Европы), например славянские, аланские и др., которые имели теснейшую связь с Римской империей. У гуннов было немало рабов из этих племен. Так, например, Приск отмечает, что раб «архитектор» построил дом Аттиле, баню и дом Онигисию и т. д. В архитектуре явно выступают традиции древнерусского деревянного зодчества. Эти три условия — 1) включение в гуннский союз других племен, с другой экономикой и культурой, 2) рабство и 3) связь с другими странами (война, грабеж, торговля) — объясняют разнохарактерность (разнородность) элементов гуннской культуры. Сильное влияние сармато-аланских и так называемых «готских» элементов в гуннском искусстве вызвано было, в первую очередь, тем, что эти племена в большей степени, чем остальные, были связаны с гуннами, во-вторых, тем, что полуномад — полуземледелец, будь он гот или алан, находился на той ступени развития, к которой очень близка была и племенная верхушка гуннского общества.

Социальный строй гуннов дал возможность реалистическим мотивам их искусства прожить еще некоторое время.

В аварскую эпоху имело место продолжение гуннских традиций. Это доказывается и историческим материалом и вышеприведенным анализом термина «вархуни» и т. п. Преемственность здесь историческая. Авары, которые заканчивают период «варварства», отразили это в своем искусстве. В ряде случаев на смену реалистическому искусству гуннов приходит почти «феодалная» орнаментика, геометрического типа, аваров. У аваров наблюдаются почти идентичные с азиатскими формы орнаментации. Несомненно проникновение азиатских форм, но точно доказать пока это (кроме формального сопоставления) трудно, так как еще мало известны могильники с вещами такого же или близкого типа по пути из Алтая и Монголии в Венгрию.¹ Нам важно только подчеркнуть местную преемственность. Выяснение поставленной проблемы — дело дальнейших исследований.

Можно ли говорить, что культура гунно-аварского периода была механически соединенной из отдельных элементов? — Отнюдь нет.

В целом культура гуннов и аваров имеет общие черты, выступает как культура племен определенного исторического этапа развития. Это известное единство вызвано тем, что уже в условиях патриархально-родового племенного союза некото-

---

¹ Особенно важны в этом отношении открытия на Волге, главным образом раскопки И. В. Синицина.

рая нивелировка общественных отношений сказывается, хотя и в меньшей степени, и на культуре только в определенных социальных слоях.

По сравнению со скифской цельностью в гуннской культуре этого единообразия почти нет.¹ Единство в искусстве сохранено лишь кочевой знатью, в виде порожденной ею тематики звериного стиля. Однако сложение гунно-аварского союза происходило в особых условиях, несколько отличающихся от условий образования восточногуннского союза.

Вместе с тем, оба объединения имели и общие черты, именно «азиатские», созданные некоторыми общими условиями происхождения их племенной аристократии. Окружавшие восточных гуннов племена были почти такими же, как гунны, кочевниками-охотниками, в редких случаях еще земледельцами. Это обусловило большую связь культуры восточных гуннов с предшествующими традициями, большую стойкость и однородность ее, и, вместе с тем, как более цельная, культура восточных гуннов оказала большое влияние на соседящий с ней Китай.²

---

¹ Даже расовый тип аваров, как отмечают буржуазные ученые, неоднороден. См. Gy. Rhé und N. Fettich, Jutas und Öskü, «Скифика», 4, Прага, 1931. — L. Bartucz, там же.

² На применении теорий влияний, заимствований и т. п. основаны почти все соответствующие буржуазные исследования. Отвергая выводы и методы доказательств буржуазных авторов, мы должны в то же время сказать, что взаимодействия между кочевниками и такими государствами, как Китай на Востоке и Рим на Западе, имели место, но о них следует говорить особо. Отметим некоторые из основных работ буржуазных ученых: И. Толстой и П. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, вып. 3, СПб., 1890. — М. Ростовцев. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль. «Скифика», Прага, 1929 (См. рецензию: W. Meistern, OZ, 1935, вып. 1—2). Обширная литература указана и в работе М. Ростовцева; The Animal Style in South Russia and China. Princeton Monographs in Art and Archaeology, XIV, 1929; см. его же: L'art gréco-sarmate et l'art chinois de l'époque des Han. Arethuse, Avril, 1924 [рец. В. М. Алексеева (ЗКВ, IV), отметившего слабое использование китайского материала]. Литература вопроса: G. V o g o v k a. Skythian Art. London, 1927. Древнейшим влияниям Китая посвящены работы: Zoltan de Takacs. Huns et Chinois. Turan, 1918, вып. 5, стр. 273—285. — Н. Толль. Скифы и гунны. Прага, 1926. Изучение кочевников «евразийского мира» участниками белоэмигрантского органа (Толль, П. Савицкий и др.) служило интересам и чаяниям белоэмигрантской клики; их высказывания тесно перелетались с новейшими фашистскими «теориями». К работам указанных лиц примыкают и более старые исследования, хотя и с другой политической ориентацией (M i n n s. Skythians and Greeks. Cambridge, 1913) и более новые, например указанная работа Альфольди. Критику см.: Г. П. Сосновский. Дерестуйский Кутлук. ПИДО, № 1—2, 1935, стр. 175—176.

Таким образом, археологический материал восточных гуннов и западных гунно-аваров подтверждает основную историческую характеристику указанных обществ, где выделялась племенная аристократия, пытавшаяся сохранить старые традиции культуры кочевого «скифского облика». Остается открытым вопрос о путях и ступенях автохтонного образования соответствующих племенных союзов на Западе, знать которых сохраняла не только восточноскифские, но и местные традиции. Здесь требуются дальнейшие специальные изыскания.

История аваров не совсем похожа на предыдущую историю гуннов времен Аттилы. Развитие классовой дифференциации, появление и развитие земледелия снизили роль кочевых объединений. Из бывшего кочевого варварского союза выделяются все разновидности «уйгур», сабиры, болгары и т. д. Остается непосредственно гуннский род, названный в ту эпоху «абарами», «аварами» или «обрами». В это время усиливаются западные тюрки Средней Азии, которые играют значительную роль в истории юго-восточных обществ Восточной Европы.

Авары ищут укрепления своей силы и на Западе, что засвидетельствовано их связью с лангобардами. Но и здесь значительно разнящиеся формы хозяйства служили препятствием такому объединению. Внутри племен возвышались, соперничавшие с вархонитами (гуннским родом) новые роды и фамилии. Союз, основанный на варварских началах, в условиях скотоводства, был невозможен.

Ослабление и распыленность племен юга Восточной Европы способствовали, очевидно, как новому расселению восточнославянских племен, так и процессу «славянизации» кочевников. В этом расселении окончательно растворяются ранее господствовавшие скотоводческие племена. Их экономическая база была подорвана, а растущая классовая дифференциация привела к тому, что славянским племенам было сравнительно легко их окончательно победить.

«Погибоша аки обры» — образное выражение гибели аваров, гибели, подготовленной их историей, гибели, прервавшей в Восточной Европе тюркский этногенез и давшей возможность восторжествовать этногенезу славянскому, для которого в данных районах почва уже имелась издавна. Следы гунно-аварского периода, однако, окончательно не стерлись.

На месте кочевого объединения племен гунно-аварского периода в южных степях Восточной Европы позднее появляются новые кочевые объединения, известные под различными наименованиями: печенеги, торки-узы, половцы и т. д.

Из них особо надо отметить печенегов.¹ Удалившиеся под предводительством Ирнаха и Денгизиха на восток после смерти Аттилы гунны продолжают свое существование и являются важным компонентом в дальнейшем развитии скотоводческих племенных образований.

В истории печенегов мы видим продолжение этногенетического процесса «тюркоидного типа», начавшегося еще в гуннскую эпоху. Тюркский язык среднеазиатского происхождения как и письмо печенегов, их место в истории древней Руси, а особенно в Угрии — Венгрии, равно как и связи их с Византией, вещественные памятники этой эпохи — все это свидетельствовало, что печенежское общество — ранне-классовое общество кочевников, что печенеги — первое, известное для Руси тюркское образование, выросшее на основе скрещивания остатков гунно-аварского племенного союза и нового появления кочевников из-за Волги.

Печенеги — завершение этногенетического процесса тюркского типа в южнорусских степях. В этом процессе этногенез ряда племен, в силу многих исторических условий (не вполне еще историкам ясных), был нарушен и изменен, но свидетельством «восточнотюркского» вклада в этногенетический процесс племен южной России гунно-аварского времени служат данные о таких обществах, как волжские болгары, тюркские памятники среди дунайских болгар, хазары и т. д.

Не останавливаясь на всем ряде вопросов о роли гуннов в позднейших обществах (например в сложении чувашей), отметим, что переживания их культуры, языка и всего этнического облика в поздних классовых обществах чрезвычайно многочисленны.

Мы встречаем в научной литературе² попытки связать позднейшие образования (чувашей, венгров) с гуннами. Большая, в основном, буржуазная литература, посвященная выяснению этнического состава средневековых образований, стремится связать тюркские и монгольские элементы в исто-

---

¹ См.: Nemeth, Zur Kenntnis des Petschenegen. KCzA, II, 1926, Ср. его: Inschriften des Schatzes Nagy Szent Miklos. AOH, II, 1932. В них (особенно во второй работе) доказан тюркский характер печенегов.

² См. например: В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1927. — Ср.: KCzA, II, 1926, стр. 80; Бартольд считал, что чувашский язык связан с гуннским. См. брошюру—Чуваши и их соседи. Чебоксары, 1926; там же литература вопроса о венграх и их связях с гуннами. См. Гроот. Моравия и мадьяры с половины IX до начала X в. Зап. Ист.-фил. фак. Петр. унив., ч. 9. — Z. Combosz. Bulgarisch-Türkische Lehwörter in der ungarischen Sprache. MSFOug, XXX, Helsinki, 1912. — Н. В. Ашмарин. Болгары и чувашаи. Казань, 1902. См. формальный библиографический обзор К. А. Иностранцева. Вообще литература по данному вопросу огромна.

рии Восточной Европы с передвижением урало-алтайских племен. Индоевропеистика и теория миграций господствует в этих вопросах и в археологии.

Марксистская теория исторического процесса не отрицает передвижения племен и народов, но не ими только объясняет исторический процесс. Необходимо тщательное изучение всех местных элементов, в соприкосновение с которыми входят племена пришельцев. Успеху движения кочевников Востока на Запад и, в частности, успеху тюркского этногенеза способствовало то обстоятельство, что со времени гуннов в Восточной Европе обосновались «союзники» восточных пришельцев.¹

Перед советскими исследователями стоит задача изучения внутреннего состояния отмеченных обществ, чтобы на основе данных о социально-экономической структуре понять их историческую роль и значение в этногенезе народов Центральной Азии, с одной стороны, с другой — в истории многочисленных народов СССР и выявить общую их роль в историческом процессе Европы и Азии.

Установлению контуров этих проблем на фоне истории гуннов и была посвящена настоящая работа.

---

¹ Большое значение имело бы изучение эпонимики гуннов и сродных терминов, зафиксированных разнообразными источниками, прежде всего византийскими. Опыт такого анализа см.: G. Moravcsik. *Byzantinoturcica. Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker*. Budapest, 1942, II, 1943. О гуннах см. стр. 36—39.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗНАЧЕНИЕ ГУННСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Нам осталось суммировать основные заключения по истории гуннов.

1. Буржуазная наука о гуннском обществе поставила две проблемы: а) этнической принадлежности гуннов, б) переселению гуннов в Европу. Разрешение этих проблем происходило на основе анализа данных: а) письменных (главным образом китайские и византийские источники), б) этнографических (особенно пользовались этнографическими параллелями сторонники монголизма), в) антропологических, г) археологических (единство скифского и гуннского звериного стиля), д) лингвистических (объяснение из тюркских, монгольских и тунгусских языков отдельных слов гуннского языка, записанных китайскими источниками).

На основе этих материалов и методологических установок индоевропеизма, теорий миграций, расовой теории и т. д. возникли три, в основном, теории об этническом составе гуннского общества: теории «турчизма», «монголизма» и «финизма»; для западных гуннов — еще теория славянского их происхождения.

2. Марксистско-ленинская теория исторического процесса требует, при рассмотрении вопроса о гуннах, учитывать: а) степень исторического развития гуннского общества; б) взаимоотношение гуннского племенного союза и государств типа Китая, Средней Азии, Ирана и Рима как единство «кочевой и оседлой части»; в) развитие классовых противоречий и сложение государства, на базе гуннского племенного союза; г) в связи со сложением классовых отношений — процесс сложения народности и проявление тюркского этногенеза в языке гуннского племенного союза.

Для дачи правильного ответа на вышеставленные вопросы следует учесть разработанную Ф. Энгельсом проблему высшей ступени варварства, на которой общество, несмотря

на развитие классовых отношений, в частности рабства, сохраняет еще пережитки первобытно-общинных отношений. Только сложение классового общества имеет своим результатом первый завершённый этап этногенеза, выражающийся в сложении народности.

3. Описание гуннского племенного союза по китайским летописям необходимо сопоставлять с археологическим материалом (могильники Оглахты, Ильмовая падь, Катанда, Ноин-ула и т. д.). Проверка китайской летописи на основании археологического материала даёт возможность установить формы хозяйства гуннов, не одинаковые в разных районах: на юге преобладает сплошное кочевание, основной состав стада — лошадь, на севере в составе стада увеличивается крупный и мелкий рогатый скот. Находки из курганов и могил указывают на три группы вещей: а) местного производства, б) китайского, в) западного. Продукты местного производства, в частности керамика и ткани, носят следы использования китайской рабочей силы. Звериный стиль гуннского времени — логическое продолжение предшествующего скифского звериного стиля.

4. Социальный строй гуннского общества определяется главным образом на основе анализа: а) археологического материала, б) описаний китайскими летописцами, в) форм взаимоотношений гуннов и Китая.

Наличный материал даёт возможность утверждать, что социальный строй гуннов был различен в разных районах. Быстрее проходило классовое расслоение среди южных гуннов.

В гуннском племенном союзе долго сохранялся развитый родовой строй, явившийся основой (как исторически созданная форма) кооперации труда: а) организации кочевого хозяйства, б) военной организации, в) системы управления.

Классовое расслоение выражалось: а) в эксплуатации раба, заменявшего в домашнем хозяйстве мужскую рабочую силу, занятую в скотоводстве и на войне; б) в отрыве от основной массы гуннских племен шаньюйского рода, узурпировавшего родовую власть, уничтожившего выборность и заменившего ее наследственностью. Борьба против узурпации органов родового строя приводит к смене шаньюев, к попытке шаньюя эмансипироваться путем увеличения рабовладения, что приводит к созданию родовой рабовладельческой аристократии, усилению противоречий между нею и гуннскими племенами, толкает первую на поиски поддержки среди правящей верхушки Китая.

Внутри кочевой общины растет имущественное расслоение, порождающее противоречия с шаньюйским родом, имущественной знатью.

5. Развивающееся классовое расслоение внутри племенного союза не подрывает еще до конца родовых отношений. Гуннский союз выступает союзником крестьянских движений и восстаний рабов в Китае. Гунны — социальный резерв восстаний эксплуатируемого населения Китая. Этим объясняются удачные походы гуннов в Китай и перебежка к гуннам подневольного китайского населения.

Борьба между кочевой общиной и родовой аристократией приводит: а) к разделению гуннов на южных и северных; б) к подчинению южных гуннов Китаю. Измена родовой аристократии ведет к разрыву между шаньюйским родом и гуннскими племенами. Рост и обогащение родовой аристократии в значительной степени убыстряется искусственным путем — в результате поддержки ее со стороны правящей верхушки Китая.

6. Племенные образования Центральной Азии (ухуань, сяньби и т. д.) выступают в историческом процессе в роли «реставраторов» варварских отношений. Калейдоскопическая смена отдельных образований есть не что иное, как процесс «варваризации» племенных союзов. Суть «варваризации» заключается в том, что племена, стоящие на более низкой ступени общественного развития, чем господствующее племя, в процессе завоевания и уничтожения родовой знати производят своеобразную реставрацию старых форм первобытно-общинных, родовых отношений.

После раскола орды на южных и северных гуннов, последние образуют среднеазиатскую ветвь. Гунны являются ведущим ядром варварской периферии среднеазиатской античности. Среднеазиатская ветвь гуннов в свою очередь расщепляется на две части. Одна из них, следуя на Запад, образует самостоятельную западную ветвь — западногуннский племенной союз, в состав которого вошли прежде всего восточноевропейские племена, количественно в нем преобладавшие; другая часть осталась в Средней Азии. Эти остатки гуннов способствовали возникновению эфталитского государства, являвшегося первым «варварским» дофеодальным государством кочевников в Средней Азии, унаследовавшего культуру кушанского государства и сыгравшего важную роль в этногенезе народов Азии, прежде всего огузов и в какой-то степени афганцев.

В восточной группе гуннов (и отчасти среднеазиатской) формируются также и древнеуйгурские племена (гаогюй), которые на протяжении всей своей истории имели тесную связь с кочевыми народами Средней Азии, прежде всего огузами, предками туркмен. Начало их участия в истории народов Сыр-дарьи и Припамирья падает на V в. — век расцвета эфталитского государства.

7. На основании вышеизложенного следует, что гуннский племенной союз надо рассматривать как общество патриархально-родового строя, являвшегося основой возникновения дофеодалных государственных образований среди кочевников, на древнетюркской и древнемонгольской племенной основе. В процессе феодализации, ставшем возможным после исчерпания основного «варварского» резерва Центральной Азии, часть племен не вошла в состав дофеодалных образований, сохранив у себя пережитки старого строя времени гуннского племенного союза. Таким обществом для Востока являются якуты. На юге России последствием гунно-аварского периода (аналогичного дотюркскому периоду Центральной Азии) оставались, например, чувашаи.

Орхоненнисейское общество VI—VIII вв. и печенежское на юге России суть древнейшие проявления тюркского этногенеза, и возникновение этих народностей падает на эпоху формирования дофеодалного государства в среде кочевых племен.

Законченного этногенеза в смысле создания народности в гуннском племенном союзе не было. Образование этого союза на Западе явилось результатом объединения кочевых скотоводческих племен Восточной Европы в связи с проникновением в Европу среднеазиатской ветви гуннов. Племенное название «гунны» встречается в западных источниках задолго до появления гуннов в 370 г. н. э., свидетельствуя, тем самым, о раннем просачивании восточных гуннов на запад.

Разгром гуннами политической организации готов объясняется тем, что готское общество было в значительной степени классово расслоенным, в то время как гуннское было более первобытно-общинным, хотя и стояло на последних ступенях его существования. Набеги гуннов на Рим облегчаются тем, что внутри Римской империи находилось значительное количество рабов из гуннской среды. Таков был, например, период после поражения гуннов готами под предводительством Ульдиса.

Разгром готов, в свою очередь, дал толчок дальнейшему развитию славянских племен, а они, впоследствии, оказали решающее влияние на культуру гуннов.

Аттила и его время — предельное развитие патриархально-родовых, военно-демократических отношений. Назревающие классовые отношения приводят гуннский союз к гибели. В целях уменьшения внутренних противоречий Аттила организует поход на Запад, но гуннские племена, подточенные классовыми противоречиями, погибают под ударами западноевропейских племен. Авары — продолжение гуннского периода, но в меньших масштабах, подобно тому как эфталиты продолжали

в известной мере традиции кушанской империи. Фактически здесь происходит окончательный переход к классовым дофеодалным отношениям. В аварское время имеется связь с западно-тюркским каганатом, в тесной связи с которым и складывается хазарское царство.

8. Гуннская проблема включает в себе ряд вопросов: 1) о высшей ступени первобытно-общинного строя и соотношении кочевых и оседлых обществ; 2) о синтезе между кочевыми патриархально-родовыми и классовыми обществами; 3) о процессе формирования народности в результате сложения классовых отношений и государства в кочевом обществе; 4) об имевших место (но в сравнительно небольших размерах) связях Востока и Запада.

9. Особую роль сыграла среднеазиатская ветвь гуннов, с выходом которой на историческую арену фактически начинается важнейший этап «Великого переселения народов» и крушение среднеазиатской античности. Среднеазиатские гунны, во-первых, подготовили наступление кочевников на восточные окраины средиземноморской античности и немало содействовали ее разрушению, во-вторых, активно участвовали в развитии исторических событий в Средней Азии, Иране и Афганистане, создав условия для нового этапа этногенеза, этапа создания народностей.

10. Племена, населявшие в гуннский период современную территорию СССР (Енисей, Алтай, Казахстан, Средняя Азия, южнорусские степи) и втянутые в племенной союз, получили условия для своего объединения и включения в основные зоны всемирно-исторического процесса. Их роль в разгроме рабовладельческих, античных отношений должна быть оценена как прогрессивное явление, как участие в событиях, родивших новую социально-экономическую формацию — феодальную.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. КИТАЙСКИЙ ИСТОЧНИК ЦЗИНЬШУ О ГУННАХ

Северные варвары Сюнну¹

12^б. Сюнну все вместе называются северными варварами. Сюннская земля на юге соединяется с уделами Янь и Чжао, на севере достигает Шамо, на востоке примыкает к северным И, на западе доходит до шести Жунских (племен). Из рода в род сюнну сами управлялись старшинами и чиновниками и не приносили даров Китаю (не подчинялись Китаю). Самые северные (народы) при династии Ся назывались «Сюньюй», при династии Инь назывались «Гуй-фын» (букв. Чортова страна), при династии Чжоу называлась Сяньюнь (и), при династии Хань назывались Сюнну. Они (то) усиливались, (то) слабели, (то) возвышались, (то) приходили в упадок. Их обычаи были хорошими. Места, в которых (они) находились, все перечислены в предшествующих историях.

В конце династии старшей Хань Сюнну сильно взбунтовались. Пять шаньюев боролись за престол и Хуханье шаньюй потерял свое государство. Возглавив кочевья, он вошел вассалом в Китай. Хань хвалили его стремление, выделили северную часть Бинчжоу для того, чтобы успокоить его. Затем сюннских 5000 с лишним кочевий вошли (в Бинчжоу) жить во всех округах северной страны и с китайцами смешанно находились.

Хуханье растрогался от Ханьской милости и пришел (поклониться) к императорскому двору. Хань посему оставил его, пожаловал ему дворец (место при дворе), также, далее, собственное наименование, согласившись именовать (его) шаньюем. В год выдавал: шелковые нити, тафту, деньги, хлеб имел

---

¹ Публикуемый текст взят из 97-й главы китайской династийной истории Цзиньшу (265—400 гг. н. э.).

Набранные жирным шрифтом цифры — страницы подлинника. В круглые скобки заключены добавления, сделанные при переводе.

Перевод текста на европейский язык сделан впервые нами. См.: ВДИ, № 3—4, 1940, стр. 221—228.

(он) так же (как и) удельные князья (и) потомство наследовало (в) поколениях непрерывно.

Его кочевья последовали (за ним). Во всех уездах и округах управляли ими одинаково с местными жителями, и (они) не вносили даней. В последующее время (их) население постепенно размножалось и заполнило (весь) север (так как) трудно было запретить.

В конце младшей династии Хань в Китае (начались) беспорядки. Все чиновники испуганно говорили: **13а** «Варваров много. Боимся, (что) непременно (они) будут делать набеги. Следует раньше всего создать против них оборону, для того, чтобы успокоить (их).

Вэйский Уди учредил впервые разделение массы (сюннов), сделав пять отделов. В (каждом) отделе поставили из их среды тех, которые (были) благородными, и сделал их предводителями. Выбрал китайцев, сделал их начальниками для наблюдения за ними (сюннами).

В конце Вэйской династии снова переменял предводителей (шуай), сделав их дуюями. Их восточного отдела дуюй управлял примерно 10 000 с лишним семейств с местопребыванием в Тайюань, древний округ Цзыши; западного отдела дуюй (управлял) примерно 6000 тысячами с лишним семейств, с местопребыванием в округе Пэй; южного отдела дуюй (управлял) примерно 3000 тысячами с лишним семейств, с местопребыванием в округе Пуцзы; северного отдела дуюй (управлял) примерно 4000 тысячами с лишним семейств, с местопребыванием в округе Синьсин; среднего отдела дуюй (управлял) примерно 6000 тысячами с лишним семейств, с местопребыванием в округе Тайлин.

По вступлении на престол Уди (265) на границе за Великой китайской стеной (роды) Дашуй, Сайни, Хэнаньские и другие 20 000 с лишком семейств приняли (китайское) подданство. Император, приняв их, отправил на местожительство в Хэси под древний город Иян, и затем снова (они) смешались с цзиньскими людьми. Затем (в) Пинян, Сихэ, Тайюань, Синьсин, Шандин, Лопин, во всех округах не было (округа) (в котором) не было бы (гуннов).

В 272 г. шаньюй Мэн взбунтовался в военных поселениях города Кунсе. Уди отправил Лоухоу и Хэчжена с императорскими полномочиями наказать их. Чжэн (как) обычно, сообразил (что) Мэнские гунны были дерзки и злы и то, что их нельзя усмирить малым количеством солдат, и тайно побудил восточной части управителя (по имени) Ликэ убить Мэна. После этого гунны, испугавшись, покорились. В течение долгих лет (гунны) не осмеливались опять бунтовать. После этого, из-за небольшой причины разгневались и избили

(китайского) посланника. Постепенно гунны на границе (начали) производить бедствия.

Шиюйши (цензор) (области) Сихэ (по имени) Гоцинь представил императору доклад: «Жунские варвары сильны (и) издавна причиняют бедствия (Китаю). В начале династии Вэй людей мало (было) в северо-западных округах, все было местопребыванием жунов. Теперь, несмотря на то, что они покорились, если 100 лет пройдет, военные беспорядки 13^б снова возникнут. Варварская конница от Пиняна, Шандаа не пройдет и трех дней как достигнет Мэнцинъя (переправы в пров. Хэнань). Северные земли Сихэ, Тайюань, Пини, Аньдин, Шанцзюнь — все являются варварским домом. Следовало бы внушить им страх подобно успокоению У». Советник отважно докладывает: «Северные земли, Сихэ, Аньдин, опять Шанцзюнь, Пини в Пиняне самые северные округа одиноки (надо) взять смертников и сослать их в Саньхэ, Саньвэй, для присмотра (за границей) (в количестве) 40 000 семейств, и сосланные не дадут дикарям причинять беспокойство Китаю. Постепенно ссыльные в Пиняне расширят земледелие в Вэйцзюнье, Цзинчжао и Шандине быстро смешаются с варварами. Варвары (будут) втянуты в защиту. Последующие и прошлые князья так управляли отдаленными местностями, долгие годы непрерывно». Император не принял (его предложений). В 5 год Тайкан (391) опять появился гуннский Хутайахоу, предводительствуя своими аймаками 29 300 человек, принял подданство. В 7 год (393) затем сюннский Худудабо, а также Вэйсоху, каждый предводительствуя (своими) аймаками большими и малыми, в общем 10 000 душ, продвинулись в Юнчжоу. Губернатор, князь (района) Фуфын быстро покорил (их).

В следующей год (394) сюннские предводители, Дадоу, Дэи, Юйцзюй и др., снова, предводительствуя своими аймаками, большими и малыми в количестве 11 500 душ, 22 тысячами коров, 115 тысячами баранов, колесницами и кибитками и другим скарбом неисчислимым — пришли покориться, вместе с приношением дани (из) вещей их страны. Император ласково принял их.

Северных варваров аймаки разделялись на части. Из них вошедших в пределы Китая (следующие) имеются: Тугэ род, Сяньчжи род, Коутоу род, Утань род, Чидэ род, Ханьчжи род, Хэйлан род, Чиша род, Юйбин род (Юйби или Юйбэй), Вэйсо род, Тутун род, Боме род, Цянцзюй род, Хэлай род 14^а Чжунци род, Далоу род, Юнцзюй (Юнцзюе) род, Чжэньшу род, Лицзе род, всего 19 родов. Все имели стойбища и не смешивались. Род Тугэ был самым храбрым и благородным,

и поэтому (из него) могли быть шаньюи. Начальники всех родов их государства назывались: Восточный Сяньван, западный Сяньван, Восточный Иливан, Западный Иливан, Восточный Юйлу князь, Западный Юйлу князь, Западный Цзяньшан князь, Восточный Цзяньшан князь, восточный Шофан князь, западный Шофан князь, восточный Дулу князь, Западный Дулу князь, восточный Сяньлу князь, Западный Сяньлу князь, восточный Аньло князь, западный Аньло князь, всего 16. Все ставились из шаньюевых родственников — детей и младших братьев. Их Восточный Сяньван самый благородный (знатный), и старший сын получал это место. У них четыре (знатных) фамилии: род Хуянь, Бу, Лань и Цяо, но род Хуянь самый знатный. Также имеются: восточный Жичжу и западный Жичжу (и) наследственно несли должность род Бу, также восточный Цзюйцюй и западный Цзюйцюй из рода Лань, также восточный Данху и западный Данху из рода Цяо, также восточный Духоу и западный Духоу, а также Чэян, Цзюйцюй. Остальные места (посты) по-разному назывались, подобно китайскому чиновничеству. В их государстве люди имели (еще) род Цзиму (и) род Лэ; все были смелые и храбрые и любили бунтовать.

Во время Уди имелись верховный надзиратель (Циду) (рода) Цзиму (по имени) Цяньсефау и Гунцяньчиша дуоюй. При Хуйди (290—307 н. э.) в 291 г. сюннский Хаосань разбил Шандин и убил Чжанши, вошли и защищали Шандзюн. В следующий год (292 г. н. э.) младший брат (Хао) Сань по имени Дуюань также управлял Пини. Северной земли Цянские варвары разбили и рассеяли два округа. С этого времени и далее северные варвары постепенно распространяли беспорядки в Китае (Чжунюань).

II. РОДОСЛОВНАЯ ГУННСКИХ ШАНЬЮЕВ (БЕЗ СЕВЕРНЫХ)¹

- V. „Восточный лули-князь Ичжиси сам объявил себя шаньюем“.
- VIII. „По малолетству сына его (Ушылу,—А. Б.) хунны шаньюем поставили дядю его, меньшего брата Увей шаньюева западного чжуки-князя Гюйлиху“.
- IX. „Хунны поставили шаньюем младшего его брата (Гюйлиху,—А. Б.) восточного Великого Дуойцзюйдихэу“.
- XII. Гунны „на престол возвели сына восточного лули-князя под наименованием Хуаньди“.
- XIII. Восточный чжуки-князь.

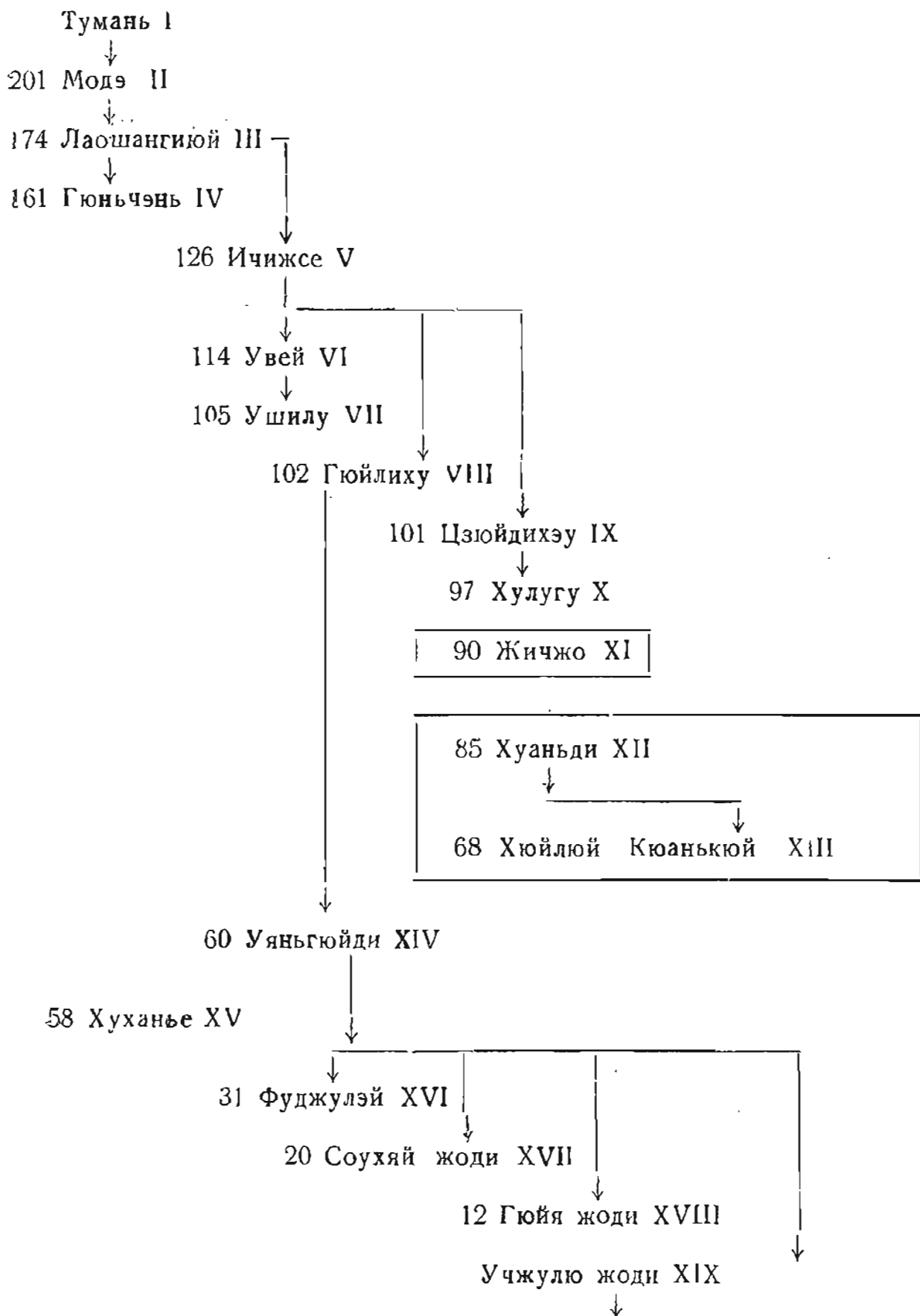
¹ В рамках — имена шаньюев-узурпаторов. Отсутствие связующих линий обозначает, что предка шаньюя установить не удалось (либо — узурпатор, либо выбран из числа „знатных“ членов одного из господствующих родов). Римскими цифрами обозначен порядок царствования шаньюев, арабскими — год вступления в звание данного шаньюя. Примечания нумерованы соответствующими римскими цифрами, порядковыми при именах шаньюев.

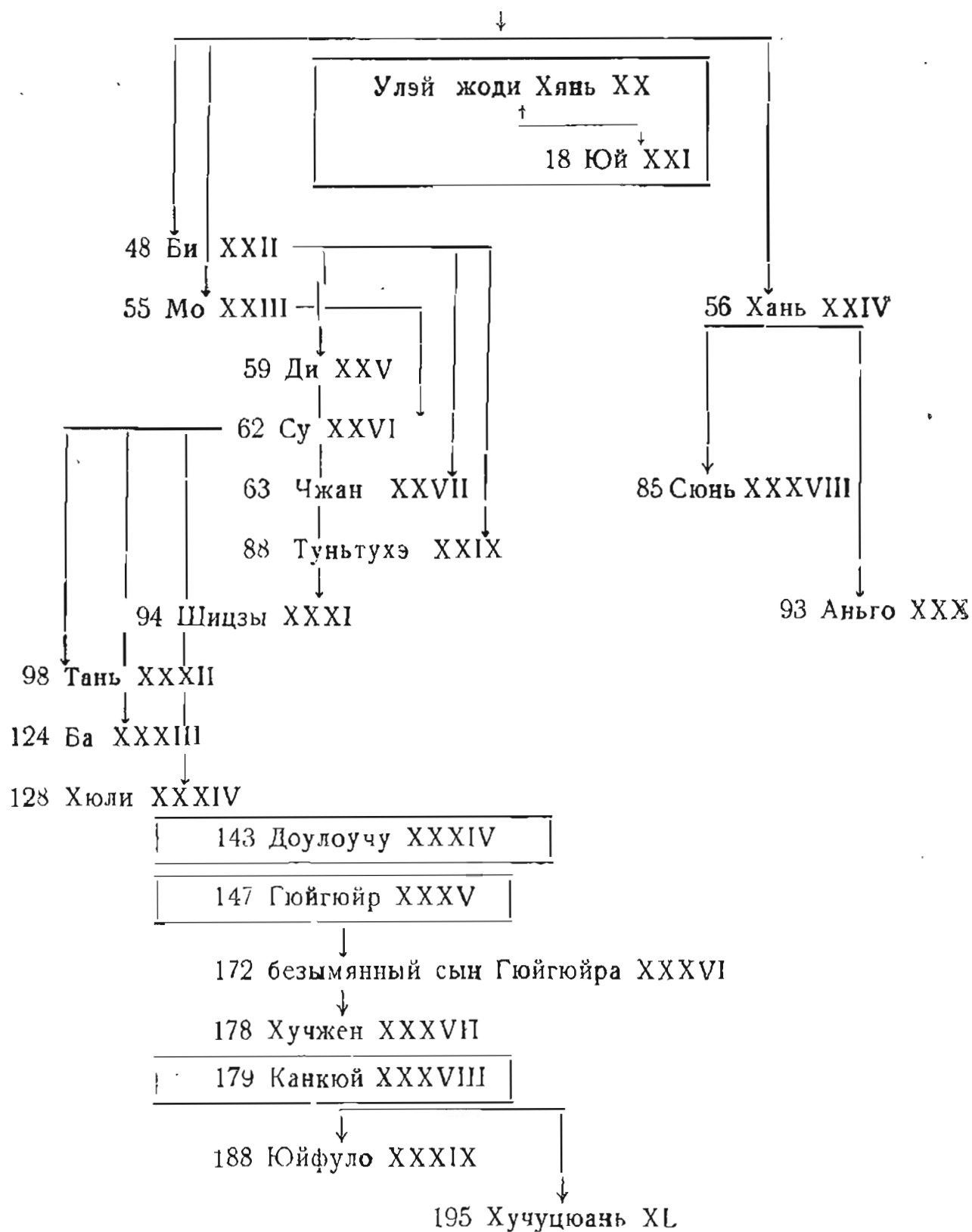
XIV. Западный чжуки-князь.

XV. Старейшины восточной стороны выбирают Хуханье шаньюем.

В 55 г. Чжичжи объявляет себя шаньюем (Восточный чжуки-князь).

От него начинается родословная северных гуннов.

III. К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЛЕГЕНДЫ ОБ ОГУЗ-КАГАНЕ

Изучение фольклорной темы об Огуз-кагане вызвало к жизни многочисленные исследования. С той поры как в научный обиход был включен текст Абулгази о родословной тюрок, вокруг мифического Огуз-кагана появились многочисленные суждения исследователей, поставивших перед собой задачу выяснить исторические судьбы этой личности и связанных с ним народов.

Новые материалы и, прежде всего, издание на русском языке И. Березиным части сочинения Рашид-ад-Дина, а несколько ранее Д'Оссоном пересказа труда Рашид-ад-Дина на французском языке, — закрепляли огузскую тематику в трудах востоковедов.

Широкое распространение названного сюжета среди многих тюркских племен и народов, последующие издания новых вариантов этого сюжета не могли не оказать также своего влияния на непрекращающийся поток исследований. «Огузиада» будет, вероятно, исчисляться многими сотнями, а быть может, и тысячами названий.

Не прошли мимо «Огузиады» и советские востоковеды, развивавшие эту тему в новом аспекте и закрепившие на новых позициях приоритет русской науки в изучении цикла легенд об Огуз-кагане, как одной из важнейших проблем тюркологии.

Уже И. Бичурин (1828) сопоставил Огуз-кагана из сочинения Абульгази с гуннским шаньюем (князем) Модэ. Точка зрения И. Бичурина была поддержана другими исследователями, например Казембеком (1841). С той поры к данной теме возвращались многие исследователи, не оспаривавшие этого сопоставления.

Попытку проанализировать сюжет легенды произвели и мы в статье «Историческая правда об Огуз-кагане».¹ Нет сомнения в том, что фольклорные мотивы в легенде воспроизводят цикл исторических событий разных времен, нескольких народов и различных исторических деятелей, приписываемых одной, ставшей уже легендарной, личности. Несомненно также, что ядром огузского эпоса является историческое событие. Реальна в эпосе пока гуннская действительность, прежде всего в рассказах о формировании эпического героя — Огуз-кагана. Совпадения основной структуры его биографии с биографией шаньюя Модэ несомненны, и образ этого шаньюя почти до деталей совпадает с эпическим Огузом.

При учете, что гунны включали в свой состав многие тюркские племена и народы, становится возможным объяснить факт широкого распространения этого цикла преданий среди различных тюркских племен и народов, прежде всего так называемого огузского происхождения, т. е. от уйгуров до туркмен.

Если распространение этого цикла преданий столь широко, то, следовательно, первоначальные носители данной эпической традиции обладали также широкой распространенностью, а быть может, и политической властью, — учитывая персонификацию легендой этой власти в облике Огуз-кагана.

¹ См. прил. II.

Вот эти вопросы о происхождении и некоторых трансформациях облика Огуз-кагана и интересуют нас в настоящем исследовании. Мы не будем повторять сопоставление биографий Огуз-кагана и Модэ. Ссора сына с отцом (отец — Тумынь у Модэ, Кунхан у Огуза), война между ними и захват престола путем убийства отца — вот основные сюжеты, повторяющиеся буквально в китайской версии о жизни Модэ и в легенде об Огуз-кагане. Совпадают и второстепенные моменты: нелюбовь Модэ к яньчжи (жене) и Огуза к первой жене. Перечисленные сюжеты, по-моему, свидетельствуют о борьбе патриархального начала с материнским. В уйгурской версии об Огуз-кагане это документировано образом уйгурской «Иштари» — матери Огуза — Ай-каган, что мы уже ранее отмечали.

Почему исчезло имя «Модэ» и заменилось именем «Огуз»? Чем вызвано расхождение имен, при таком поразительно точном сохранении основной канвы исторической биографии и эпического сказания? Разбирая этот вопрос, мы пришли к несколько неожиданным выводам.

Имя «Модэ» транскрибируется тем же *Мао-Тунь*. Уже Ф. Хирт показал, что *Мао-Тунь* — не что иное, как китайская транскрипция *багадур*, где дифтонг *ao* в слове *Мао* сигнализирует о возможном выпадении интервокального *γ*, а конечное *n* в слове *тунь* соответствует звуку *p*, что доказано уже целой серией аналогичных реконструкций. Напомню китайские транскрипции *Аньси* = *Арсак*, *гяньгунь* || *гяргур* = *кыргыз*, и т. п.

Таким образом *Модэ* = *Маотунь* — это имя-прозвище *багадур*, позднейшее *батыр*, русское *богатырь*. И в этом варианте оно, следовательно, не имеет прямого отношения к имени *Огуз*.

Однако, связь гуннов с культом быка со всей очевидностью выступила после раскопок П. К. Козловым Ноинулинских курганов в 1924—1925 гг. В одном наиболее богатом кургане были найдены две серебряные бляхи с изображением быка-яка. Это изображение Альфольди, а вслед за тем и я, сопоставили с легендой об Огуз-кагане. Разрабатывая далее темы, связанные с историей гуннов, мне удалось доказать, что шестой курган, в котором были найдены эти бляхи, является захоронением гуннского шаньюя Учжулю жоди (1 г. до н. э. — 13 г. н. э.), а следовательно, и весь Ноинулинский могильник является шаньюйским, т. е. княжеским некрополем.

Учжулю жоди шаньюй принадлежал, как показывает составленная мною генеалогия гуннских шаньюев,¹ к знатному роду гуннов, восходящему к основателям гуннского племени-

¹ См. прил. II.

ного союза Тумыню и Модэ, т. е. к знатнейшему гуннскому роду. Этот знатнейший гуннский род неоднократно отмечается китайскими источниками и носил имя «Хуянь».¹ Китайцы пишут, что «Хуянь, Лань и впоследствии Сюйбу — три знаменитые рода». Комментатор летописей Шицзи и Цяньханьшу, Яньшигу (VII в. н. э.), пишет, что «Хуянь и Сюйбу всегда были в брачном родстве с шаньюем».

В Хоуханьшу указано, при описании южных гуннов, что «из знаменитейших при (китайском) дворе посторонних (т. е. гуннских, — А. Б.) родов считалось четыре: Хуянь, Хэйбу, Циолинь и Лань. Эти четыре «дома» считались знаменитыми при дворе и всегда были в брачном родстве с шаньюем».² Род Хуянь считался старшим, роды Лань и Хэйбу — младшими. Комментатор добавляет, что шаньюй только из этих родов брал себе жен.

Наконец, в Цзиньшу, где перечислены 19 родов южных гуннов, сказано: «У них четыре (знатные) фамилии: роды Хуянь, Бу, Лань и Цяо, но род Хуянь самый знатный».³

Из этих цитат видно, что наиболее древними являются роды прежде всего Хуянь и Лань, затем Сюйбу (Хэйбу или Бу) известный еще в источниках Шицзи и Цяньханьшу. Впоследствии выделяется еще род Циолинь (Цяо).

Различные транскрипции (Хуянь, Хуань, Хоянь),⁴ которые давал этим родам И. Бичурин, не оправданы. Проверка по тексту показала, что во всех случаях фигурирует одна и та же иероглифика.

Таким образом, из всех текстов явствует наибольшее значение рода Хуянь. Очевидно, что деление этого рода на фратрии приводило к формированию новых родов. Так, вначале были роды Хуянь и Лань «впоследствии Сюйбу», однако в брачное родство вступали Хуянь и Сюйбу. Очевидно, что фратрии — роды Хуянь и Лань — были экзогамны. Это привело не только к выделению рода Сюйбу, но и появлению впоследствии четвертого знатного рода Циолинь.

Но возвратимся к основной теме. Самым знатным родом был род Хуянь. К этому роду принадлежал Учжулю жоди, если признать наши выводы о том, что шестой Ноинулинский курган является его могилой. Очевидно, тотемом этого рода был бык, который изображен в эмблемах-гербах шаньюя — серебряных бляхах (рис. 10 и 11). Каково же соотношение между изображением тотема-герба (если это действительно эмблема — герб, восходящий к тотему Учжулю жоди)

¹ ЦХШ, гл. 94а, л. 7а.

² ХХШ, гл. 119, л. 6а.

³ ЦШ, гл. 97, л. 14а; см. прил. I, стр. 219.

⁴ Ср. также: ХХШ, гл. 78, л. 45.

и именем знатного рода «Хуянь»? Или последнее имя и не имеет отношения к находкам в шестом кургане? Для выяснения этого вопроса мы обратились к анализу термина «Хуянь». Во всех источниках, где встречается это имя, как мы уже

Рис. 10. Серебряная бляха из шестого кургана (Ноин-ула, Монголия) Гос. Эрмитаж.

выше отметили, оно передано одними и теми же иероглифами 呼衍.

Уже само произношение этого имени на основе пекинского диалекта доказывало, что иероглифы можно читать *Хуяр*, а наличие двух гласных позволяло предполагать об утраченном интервокале. Следует учесть, что здесь идет речь о транскрипции иностранного для Китая слова из области архаичной монголо-тюркской лексики. Предположения оправдались и данными аналитической китайской фонетики.

Первый иероглиф *ху* звучал в древности *хио* и, как замечает Б. Карлгрэнн, *χ* — это придыхание.¹ Второй иероглиф звучал *'iän < gän*.² Близкие к нему формы дают произношение *k'iän*. Следовательно, учитывая необходимость замены конечного *n* в *r*, мы получаем древнее чтение этого имени [*χ*] *uogär*.

Наличие придыхания с начала слова — явление, достаточно распространенное в древних языках Центральной Азии. Напомню, что в отношении монгольских языков даже XIII—XIV вв. об этом писал П. Пелльо.³ Аналогичное явление, очевидно, было известно и языкам Восточного Туркестана (тохарскому) и среднеазиатским. В отношении последних мы пытались это показать на примере произношения термина «усунь», запечатленного в той же китайской транскрипции в форме *хюсюнь*, затем закономерно перешедшего в *кусан=кушан*.⁴

Любопытно, как нам указал К. К. Юдахин, у ферганских узбеков (заселяющих область древних хюсюнь) слово «бык» произносится *хюкюз*.

Следовательно, наличие *χ* в этом слове — придыхание, соответствующее не столько видовой языковой разновидности, сколько спирантной ветви язы-

Рис. 11. Серебряная бляха из шестого кургана (Ноин-ула, Монголия) Гос. Эрмитаж.

¹ В. Karlgren. *Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese*. Paris, 1923, стр. 58.

² Там же, стр. 96.

³ P. Pelliot. *Les Mots a H Initiale aujourd'hui Amuie dans le mongol de XIII et XIV siècles*. JA, апрель-июнь, 1925.

⁴ А. Бернштам, СЭ, вып. 3, 1947.

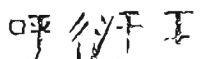
ков; другими словами — это явление, характеризующее ранний период в развитии языка. Вряд ли кто-либо предложит рассматривать эту спирантизацию в восточнотуркестанских или среднеазиатских языках III в. до н. э. — I — III вв. н. э. как результат влияния монгольского языка.

Следовательно, основу имени шаньюйского рода составляет термин *ouger*. Нетрудно видеть, что из этой основы мы получаем:

1) генезис термина *uigur*, на чем мы остановимся несколько далее;

2) термин *ïker* мнг. *бык*, являющийся фонетическим архетипом тюркского *oγuz*, т. е. тоже *бык*.¹

Следовательно, наши розыски, приведшие к утверждению, что тотемом шаньюйского рода гуннов был бык, подтвердились связью с названием «знатнейшего рода гуннов», являющегося не чем иным, как именем *Бык*, названием, отраженным в изображении на серебряных бляхах шестого кургана.

Если имя знатного рода было *Бык*, то, следовательно, представитель этого рода, генеалогический потомок, имел полное право наряду со своим личным именем-прозвищем именоваться и именем своего рода. Он мог иметь «имя и фамилию». Имя фактического основателя гуннского племенного союза было *Модэ*, фамилия — *Огуз*, а в буквальном переводе *бык* — *богатырь*. О том, что это не простые домыслы, указывает следующий факт. В описании западных гуннов отмечен «Хуянь князь» ( )² Как видно из приведенной иероглифики,

это то же название (и те же иероглифы) знатного рода гуннов. Здесь предводитель гуннов носит имя своего знатного рода. Явления эти не одиноки. Носил же предводитель эфталитов имя *Эфталан* (Ср. гунны-кидариты и имя *Кидар*, кит. *Цидоло*). Очевидно, употребление имени знатного рода было делом обычным, и тот же *Модэ* мог с успехом именоваться *Огузом*.

Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что имя *Огуз-каган* может быть возведено как к имени *Огуз-богатырь*, так и к другим дериватам и свидетельствует прежде всего о гуннском по времени происхождении *Огуз-кагана*. Не будет преувеличением сказать, что сим заканчивается период догадок, и мы окончательно становимся на почву абсолютной достоверности, что *Огуз-каган* — гуннского происхождения, а сходство его этнической биографии с биографией

¹ G. J. Ramstedt. The relation of the Altaic Languages to other Language Groups. YSE Ong, LIII, Helsinki, 1946—1947, стр. 25.

² XXIII, гл. 78, л. 4а.

Модэ позволяет видеть в них обоих — два проявления одного и того же исторического реального лица.

Однако круг возможных сопоставлений и выводов на этом не оканчивается в связи с вскрытием имени шаньюйского рода.

Выше мы отмечаем, что истинное значение имени шаньюйского рода было *uogär*. Стяжение дифтонга дает форму *ukär* = *oγuz*. Однако сама форма *ougär* не может быть не сопоставлена с именем *uigur*. Мы считаем возможным ставить знак равенства между термином *'uigur* и *oγuz*, из которых первая *uigur* — лишь более древняя форма. Об этом прежде всего свидетельствует ротацирующее окончание. *Uigur*, как этноним, мы рассматриваем как производное от одноименного тотемного имени.

В своих работах мы уже останавливались на том, что основной этноним *gur* получил на среднеазиатской языковой почве фонетическое переоформление в *гуз*.¹ Распространение этого этнонима произошло вместе с его носителями — гурскими племенами гаогюй, вытесненными еще в конце V в. в степи Средней Азии жуаньжуанями. Не исключена возможность, что эти протоуйгурские племена проникли на территорию Средней Азии еще раньше, в связи с движением северогуннских племен в середине I в. до н. э. (Чжичжи шаньюй), в конце I в. н. э. при борьбе их с южным шаньюем Туньгухэ, наконец, в начале II в. н. э., когда Хуань князь распространял свою власть от Баркуля до Каспийского моря.

Проникновение гуннов и гуров документировано не только данными письменных источников, но и археологическим материалом. Последний показал, как происходило растворение гуннских (и гурских) племен в местной среднеазиатской среде. Скрещенный характер гунно-эфталитской племенной среды «болотных городищ» Приаралья описал С. Толстов.² Совершенно очевидно, что здесь гунны прежде всего скрестились с сармато-аланским массивом нижней Сыр-дарьи и Приаралья.

Одним из результатов этого скрещения явились гунно-эфталитские массивы Сыр-дарьи, в которых, по нашему мнению, родились новые этнические образования, вскоре заявившие о своем существовании в Восточной Европе под именем *гунно-авар*, *гуннов-кидаритов*, *вархунитов*, *кермихионов* и т. д. Среди этих этнических биномов обращает на себя внимание

---

¹ Ср., например, нашу статью: Уйгуры в Семиречье. Сб. С. Е. Малову, Фрунзе, 1945.

² По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 209 сл.

«монгольская» форма множественного числа на 'т' в этнониме *вархунит*, с чем согласуется монгольская семантика имени аварского князя *Баян — богатый*. Эти факты подтверждают жуаньжуаньский, монгольский характер аваров.

Но в данном случае нас интересует другое. Гунно-авары и вархуниты по существу одно и то же, только в разных сочетаниях *гунн+авар ~ вар+гунн*. Настойчиво выступает термин *вар* как определение к племенному *гунн*. Нам представляется возможным видеть в имени *вар* значение *поселения* (ср. авест. *вар*) и тем самым переводить *гунно-авар*, *вархуниты* как *гунны поселений*, т. е. гунны «болотных городищ» Приаралья. К этому склоняет и третья форма *керм+хион*, т. е. хионы ~ гунны «керма», где *керм* не что иное, как тот же город, поселение. Другими словами, все эти «гунны поселений» — полуоседлые кочевники гунно-эфталиты, которые выступают на исторической арене IV—V вв. в Средней Азии.¹

Об этих эфталитах источники сообщают, что они частью кочевники, а частью живут в городах. Одни авторы называют их «белыми гуннами», а другие племена «еда» или «идань». Эти племена и знало Приаралье в IV—VI вв., где местная, сармато-аланская среда скрестилась с восточными пришельцами — гуннами и гурами. Скрещенность языка эфталитов засвидетельствована китайским источником Бэйшу в негативной форме, когда последний говорит, что наряду с родством эфталитов с народами Средней Азии «язык жителей (еда — эфталитов, — А. Б.) совершенно отличен от языков жужаньского (монгольского, — А. Б.), гаогюйского (уйгурского, — А. Б.) и согдийского»:²

言語與蠕蠕高車及菑胡不同

Подчеркиваю согдийского, так как у И. Бичурина ошибочно иероглиф *ху* как всегда переведен в значении *тюркский*, а не согдийский, что особенно ясно в данном контексте.

Из этой формулы видно, что эфталитский язык в целом отличен от монгольского, тюркского и согдийского. С другой стороны, некоторые обычаи эфталитов сходны с гуннскими. Характерный у эфталитов «многорогий» головной убор известен у поздних гуннов. В Хоуханьшу при описании южных гуннов упоминается, что шаньюйская родовая знать называлась «четырехрогоими» и «шестьюрогоими»³ (очевидно, по этнографически типичным для этих родов головным уборам).

Перечисленными фактами, в дополнение к тем богатым

¹ С. Толстов. Города гузов. СЭ, вып. 3, 1947.

² ВШ. гл. 102, л. 136.

³ XXIII, гл. 119, л. 6а.

данным, которые привлечены С. Толстовым и К. Тревер¹ при характеристике эфталитов и их культуры, мы стремимся доказать активное вторжение гунно-гурских элементов в Среднюю Азию, на Сыр-дарью. Здесь они способствуют сложению нового этнического образования — эфталитов; здесь скрещение их с местными сармато-аланскими элементами закладывают основы огузской этнонимии и огузской патриархальной генеалогии, унаследованной туркменами. Гунны тюркизируют местные племена.

Первым результатом этого скрещения явилось формирование огузов-туркмен. Не случайно, что по своим антропологическим данным (своеобразная монголоидность на долихоцефальной основе) и по такой устойчивой традиции, как искусственная деформация черепа, туркмены-кочевники стоят ближе всего, как возможные антропологические потомки, к кенкольцам и культуре гуннов Средней Азии. В свою очередь, ослабленная монголоидность кенкольцев, находящая себе аналогии в антропологических материалах Лоу-Лани, скорее всего может быть по этим признакам сопоставлена с уйгурами.

Тем самым кенкольцы и их культура устанавливают связь с уйгурами, с одной стороны, и туркменами — с другой. Но эти данные восполняются множеством других, прежде всего фактом принадлежности туркмен и уйгуров к огузской группе племен, т. е., как мы пытались показать, — к гуннскому племенному союзу. Эта принадлежность выявляется в огузском генеалогическом цикле преданий, который общ туркменам и уйгурам, в общей этнонимии, в списке 12 племен, запечатленных как тохарскими текстами VIII в., так и более поздними вариантами и текстами, прежде всего у Рашид-ад-Дина.

Архаичный пласт гуннского цикла племен на территории Центральной и Средней Азии выявляется, как мы указали, данными языка и прежде всего фонетикой, два элемента которой бесспорны — это спирант в начале слова при гласном и ротацирующий суффикс. Эту древнюю форму сохранил монгольский язык, всегда выступающий по отношению к тюркскому, в части общей лексики, как более архаичный пласт первого. Быть может, это относится и к семантическим явлениям. Напомню, что *гур* в монгольском значит *народ, люди*, что вполне синонимично, с точки зрения древних понятий, с обобщенным понятием этой «массы людей», выступающих под именем тотема.

Соединение этих людей в союз и могло выявить к жизни префикс *уй* — *соединяться, слепляться*, отмечающий соедине-

---

¹ См. главу об эфталитах К. Тревер в истории Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950.

ние племен в один союз. Такие префиксы, как *сары*, *кут*, *он*, *от*, отмечали части бывшего союза гаоگوی IV—V вв. н. э.

Древний характер языков гуннского времени находят себе параллель в древних же формах языков племен Средней Азии, где они отмечены суффиксом *ар* и его дериватами.

Напомню, что по всему пространству Семиречья до Волги выступают этнонимы и топонимика с этим суффиксом. Античные племена *комар*, *тохар*, упомянутые мною разновидности *гуров*, раннесредневековые *авар*, *хазар*, *сувар*, *булгар*, племена *кангар* ~ *канглы*, род *кабар*; города — названия которых несомненно восходят к этому же циклу племенных названий, как-то: *Отрар*, *Турар*, *Кедер*, *Кердар* и т. д. *Кангар* ~ *кенгер*, которые в древности китайцами транскрибировались *кангюй*, подсказывают возможное чтение *гаоگوی*, как *гаогар* ~ *гаогур*, т. е. вариант древнего *γuogar'*, который, как мы показали, является прототипом (*уй*) *гур* = *укер* = *огуз*. Другими словами, при гуннах и гаоگوی сохраняется, очевидно, одна и та же языковая форма. На этом этапе тщетно мы будем искать форму *огуз*. Она выступала в ином фонетическом оформлении, близком к монгольской разновидности *'uker* ~ *uγur*. Закающее окончание *uγur* = *uγuz'* засвидетельствовано только с VIII в. при сохранении пережиточного ротацизма на востоке — в этнонимах, на западе — и в другой лексике в чувашском языке.

Вместе с тем, образ Огуза, сложившись в гуннское время на основе реальной личности Модэ, превращался со временем в эпического героя с дополнительными чертами его биографии, которые наращивались вокруг огузских племен в силу развития их конкретной истории. Обогащенный этими новыми событиями, он возвратился (точнее, возвращался) в исходную древнеуйгурскую среду с теми дополнительными чертами, которые не могли быть известны при Модэ в III—II вв. до н. э. Таковы взаимоотношения Огуз-кагана с Урум-каганом и Урус-каганом.

Как мы пытались показать в другом месте, эти события могут быть уловлены только в печенего-половецких событиях и скорее всего в печенего-русских взаимоотношениях X—XI вв. Напомню, что казахский фольклор не знает огузского цикла преданий, следовательно трудно полагать отражение в этих легендах русско-половецких отношений. Поскольку в биографии эпического Огуз-кагана выявляются эти взаимоотношения, следует признать, что окончательный вариант народной поэмы сложился на племенной основе Средней Азии, а не Восточного Туркестана или Монголии.

Это и дает мне право заявлять, что Огуз-каган *возвратился* в свою первоначальную среду, обогащенный конкретными историческими событиями взаимоотношений племен и

народов Средней Азии и Восточной Европы. Путь этого «возвращения» и возможности обратного влияния были разнообразны и многочисленны, особенно если учесть роль кочевников Семиречья в караханидский период XI—XII вв., когда значительная часть Восточного Туркестана, где жили уйгуры, входила в состав караханидского государства. Да и в караханидском государстве уйгуры имели немалый удельный вес. Не случайно в легендах о генеалогическом предке караханидских династов Сатук Богра хан выступает как переоформленный Огуз-каган.¹

Поскольку в уйгурском списке XV в. легенды об Огуз-кагане, у Рашид-ад-Дина и Абульгази явно отсутствуют черты общественного строя и конкретных исторических событий монгольского и послемонгольского периода, окончательное оформление эпоса об Огуз-кагане следует отнести к домонгольскому времени и датировать наиболее вероятно XII в., когда живет Огуз-каган и его двойник Сатук Богра хан.

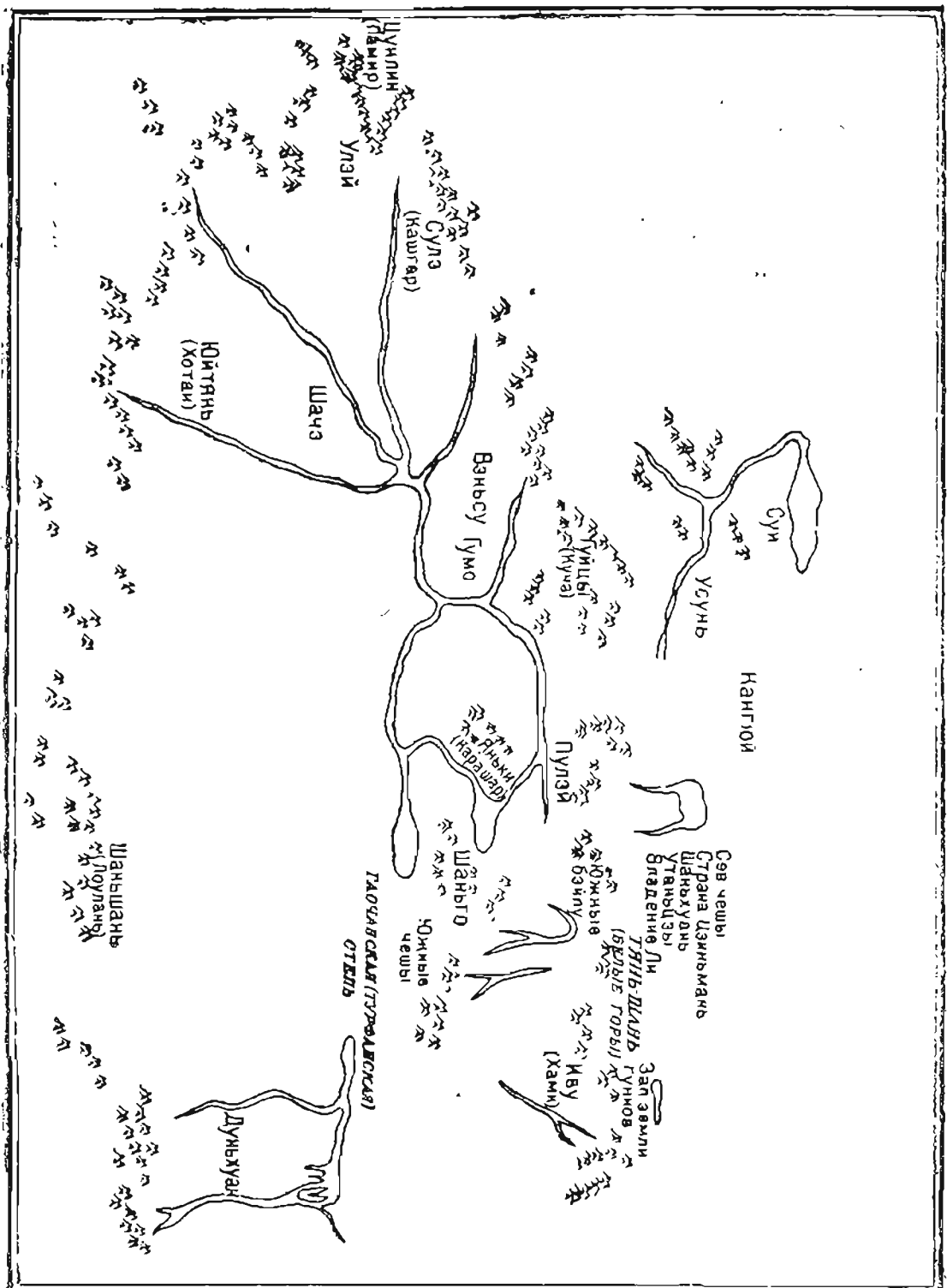
Выработанная тюркская лексика, утрата фонетической архаики, исламизированный Сатук свидетельствуют о том, что эпос редактировался, по крайней мере, с VI по XII в. Это — второй этап жизни эпического Огуз-кагана, этап его «возмужалости», в которой он утратил свою генеалогическую связь с «гуннским детством». Именно в это время он из «богатыря» превращался в «царя».

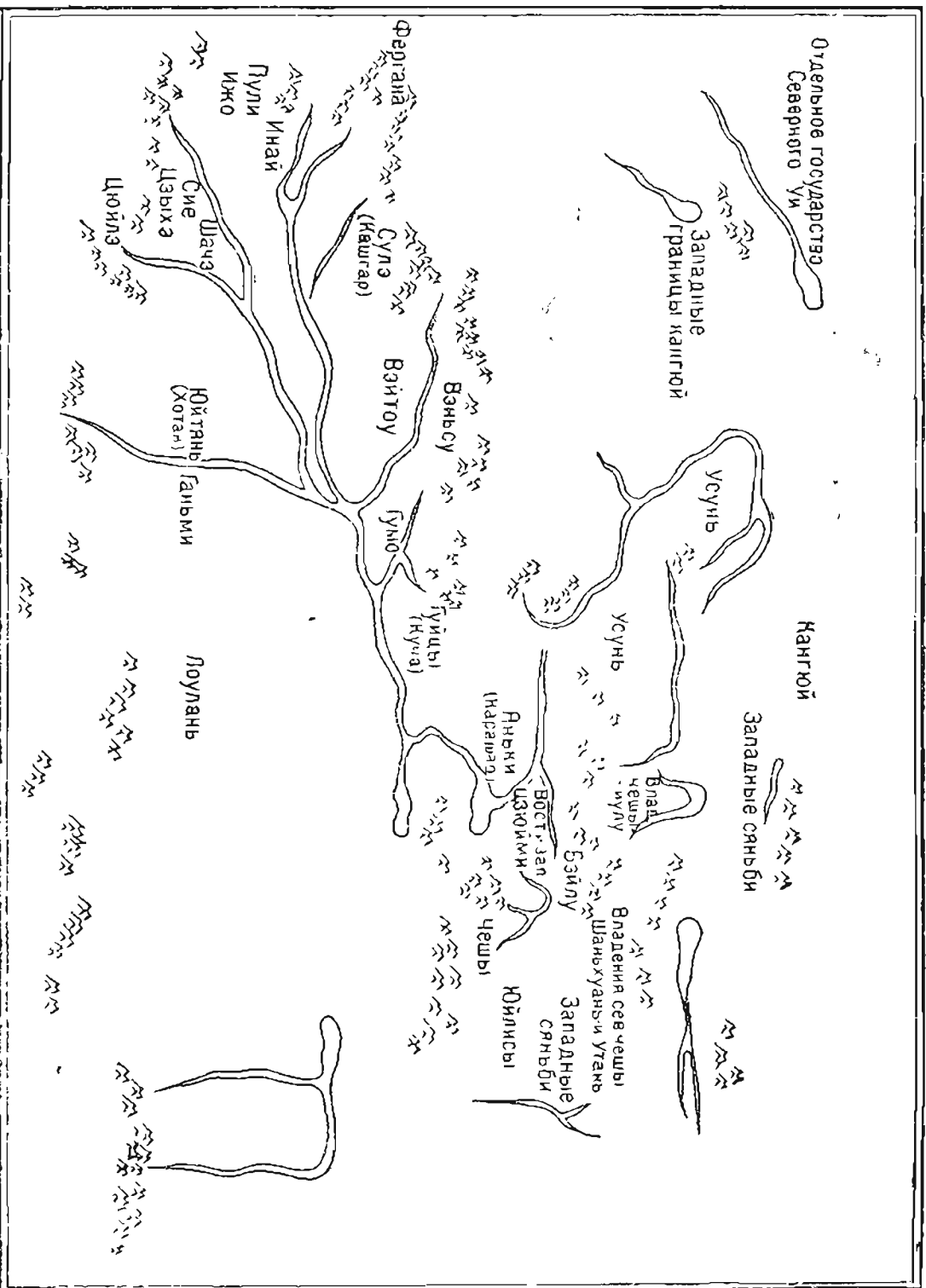
¹ M. F. Grenard. La Légende de Satok Boghra Khân et L'Histoire JA, янв.—февр. 1900, IX сер., т. XV.

Центральная и Средняя Азия в I–II вв. н. э.
 (Китайская карта XVIII в.).

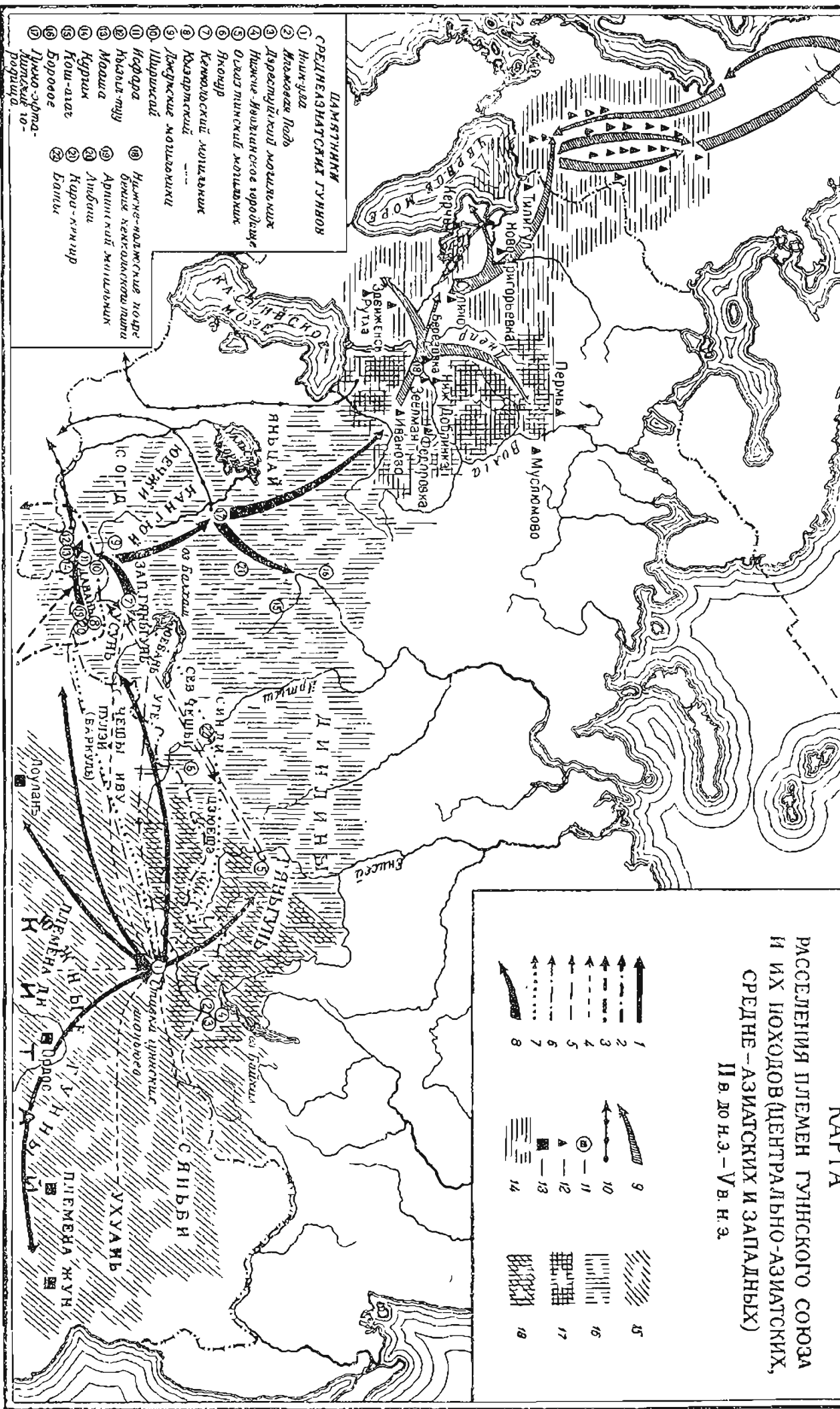

Центральная и Средняя Азия в период "троецарствия" III – IV вв. н. э.
 (Китайская карта XVIII в.).

РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН ГУННСКОГО СОЮЗА
И ИХ ПОХОДОВ (ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ,
СРЕДНЕ-АЗИАТСКИХ И ЗАПАДНЫХ)
II в. до н.э. — V в. н.э.

- ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГУННОВ**
- 1 Ничуча
  - 2 Мажогае Подь
  - 3 Деревянный молельник
  - 4 Тяньшаньское городище
  - 5 Овсагинский молельник
  - 6 Янчур
  - 7 Кемольский молельник
  - 8 Казарский
  - 9 Казарские молельники
  - 10 Шаньский
  - 11 Нефара
  - 12 Калай-туу
  - 13 Мааша
  - 14 Курта
  - 15 Кош-ата
  - 16 Бордое
  - 17 Дзено-эбда-Патиский по-родрид
  - 18 Нижне-нальские погребки
  - 19 Аринский молельник
  - 20 Анбаш
  - 21 Кара-чичур
  - 22 Банчи

1 — походы гуннов; 2 — путь Чжанцяня во II в. до н. э.; 3 — поход Литванги во II—I в. до н. э.; 4 — походы против гуннов во II—I в. до н. э.; 5 — походы Чжицзи шаньюя в 55—47 гг. до н. э.; 6 — движение северных гуннов в 87—89 гг. н. э.; 7 — поход Туньтухэ в 90 г. н. э.; 8 — движение гуннов в Средней Азии; 9 — походы гуннов в IV—V вв. н. э.; 10 — движение белых гуннов, или эфратитов, в V в. н. э.; 11 — Каталунская битва; 12 — памятники западных гуннов; 13 — памятники восточных гуннов; 14 — западные гунны; 15 — восточные, центральноеазиятские гуны; 16 — среднеазиятские гуны; 17 — район скрещений среднеазиятских и западных гунов; 18 — район скрещений среднеазиятских и восточных гунов

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АОСК — А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе. 1941.
- Бичурин — И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. II изд. М.—Л. 1950, тт. I—II.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ВИ — Вопросы истории.
- ВизИ — Византийские историки. Пер. С. Дестуниса. СПб., 1861.
- ВЛУ — Вестник Ленинградского государственного ордена Ленина Университета.
- ЖМНПр — Журнал Министерства народного просвещения.
- ЗИАН — Записки императорской Академии Наук.
- ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов.
- ЗРГО — Записки Русского географического общества.
- ИАК — Известия Археологической комиссии.
- ИАН — Известия Академии Наук.
- ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
- ИЗ — Исторические записки.
- Изв. ИИАЭ АН КССР — Известия Института истории и археологии АН КССР.
- Изв. СИФ — Известия Отделения истории и философии АН СССР.
- Изв. ООИ — Известия Отделения общественных наук.
- ИКПСК — А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского Канала. Фрунзе, 1943.
- ИГ — История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет ИИМК), ч. 1—4, М. — Л., 1939.
- КОДЖ — Комиссия по изучению одомашнения животных.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- ЛИЖВЯ ТТС — Ленинградский институт живых восточных языков, Труды Тюркологического семинария.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МЭ — Материалы по этнографии.
- Записки НИИКЭ — Записки Научно-исследовательского Института Культуры и Экономики. Улан-Удэ.
- ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
- ПИМК — Проблемы истории материальной культуры.
- ПСТД — А. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.
- СА — Советская археология.

- Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии.
 СВ — Советское востоковедение.
 СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
 СК — Л а т ы ш е в. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I (вып. 1—3), греческие писатели; т. II (вып. 1—2), латинские писатели.
 СЭ — Советская этнография.
 ТВО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества.
 ТГИМ — Труды Государственного исторического музея.
 ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Роеийской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
 ТТКОПОРГО — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отдела Приамурского отделения Русского географического общества.
 УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского Государственного ордена Ленина университета.
 УЗСГУ — Ученые записки Саратовского Государственного университета.
 АА — *Artibus Asiae*.
 АМ — *Asia Major*.
 АН — *Archaeologia Hungarica*.
 АО — *Archaeologica Orientalica*.
 АОН — *Archaeologia Orientalis Hungarica*.
 ВМЕА — *Bulletin the Museum for Easterh Antiquities*.
 BSOS — *Bulletin of the School of Oriental Studies*.
 ChR — *China Review*.
 De Groot — J. J. M. De Groot. *Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens*, ч. I, Berlin — Leipzig, 1921, ч. II—1926.
 FF — *Forschungen und Fortschritte*.
 JA — *Journal Asiatique*.
 JAI — *Journal of Anthropological Institut*.
 JAOS — *Journal of American Oriental Society*.
 JRAS — *Journal of Royal Aşatic Society*.
 JSFOug — *Journal de la Société Finno-Ougrienne*.
 JNCBRAS — *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*.
 KCzA — *Körösi Czoma Archiv. Zeitschrift für Türkische Philologie und Verwandte gebiete*.
 MRDTB — *Memoirs of the Research Departament of the Toyo Bunko (The Oriental Library)*.
 MSFOug — *Memoires de la Societe Finno-Ougrien*.
 MSOS — *Mitheilungen Seminars Oriental Sprachen*.
 OZ — *Ostasiatische Zeitschrift*.
 PMAA — *Princeton Monographs in Art and Archaeology*.
 PS — *Paleontologia Sinica*.
 RAA — *Revue des Arts Asiatiques*.
 RO — *Revue Orientale*.
 SBAW — *Sitzungsberichte Bayerichen Akad. d. Wissenschaft*.
 SKAW — *Sitzungsberichte d. Kaiserlichen Akademie d. Wissenschaft zu München*.
 SKAW zu Wien — *Sitzungsberichte Kaiserliche Akademie d. Wissenschaft zu Wien*.
 TE — *Traveaux Ethnographiques*.
 TP — *T'oung Pao*.
 ZDMG — *Zeitschrift fur Deutsche Morgenländischer Gesellschaft*.
 ZE — *Zeitschrift für Ethnologie*.

ШИФРЫ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ШЦ — Шицзи (II—I в. до н. э.).

ЦХШ — Цяньханьшу (II—I в. до н. э.).

ХХШ — Хоуханьшу (I—II вв. н. э.).

ЦШ — Цзиньшу (III—IV вв. н. э.).

ВШ — Вэйшу (V—VI вв. н. э.).

СТШ — Синтяншу (VII—X вв. н. э.).

ВСТК — Венсяньтункао (Литературная энциклопедия XIV в.).

Указатель исторических имен¹

- Абульгази 64, 224, 225, 235
Авзоний 136, 138
Аврелий Виктор 136, 148
Адарик 160, 164
Айди 32
Ай-каган 66, 226
Альбуин 180
Амвросий 137
Аммиан Марцеллин 136, 139, 141—
144, 159
Анатолий 155
Анахуай 126
Аньго 120, 224
Аньчжеу 125
Апсих 179
Аристей Проконисский 98
Арриан 89, 90
Атанарих 150
Аттила 64, 79, 153—156, 158 —
162, 164, 165, 168, 169, 172, 180,
207, 209, 210, 215
Аудигун 180
Аэций 168
Аэйций Теодорик 161
- Ба 120, 224
Баламбер (Валамир) 142, 143,
152, 160
Балмах 174
Баньбу 119
Баньгу 57
Баньчао 79
Бахрам Гур 186
Баян 176, 178, 180, 181
Би 118, 224
Бледа 153, 154
- Валент 137, 150, 152, 179
Ванман 81
Вардан Барцрбердаци 188
- Вардапет 184
Вегаций 138
Вейцин 69
Вигила 156
Видемир 160
Вуди 69
Вэйсоху 221
Вэньди 68, 129
- Ганьяньшоу 78, 109
Гаохоу 57, 58
Гаин 151
Германарих 149, 150
Геродот 89, 90, 98, 99
Герольд Баварский 182
Гипед 181
Гонория 162
Гоцинь 221
Григорий Турский 161, 179
Гунлю 25
Гунимуд 150, 181
Гунтер 169
Гюйгюйр 120, 224
Гюйлиху 70, 222, 223
Гюйя жоди 223
Гюньчэнь 69, 223
- Дадоу 221
Денгизих 164, 166, 170, 210
Джувейни 40, 41
Ди 224
Дидор 89
Дионисий Периегет 135, 136
Дорофей 174
Доулоучу 224
Дуюань 222
Дэи 221
Дэулунь 173
Дэусянь 110, 120, 145

¹ Указатели составлены И. Б. Бентович.

- Евсевий 137, 138
 Едалидо 183
 Ермий Созомен 141, 152
 Жаньмин 126
 Женевьева (Геновефа) 161
 Жичжо 223
 Забендер 180
 Заберган 173
 Зарина 89
 Земарх 179
 Зосим 136, 137, 150, 151
 Ибн Хордадбех 172
 Игит Иркыл Ходжа 65
 Иездегерд II 186, 187
 Иероним 137, 138
 Икунимон 176
 Илигер 174
 Илимун 78, 109
 Иньи 42
 Иоанн из Туроца 79
 Иоанн Католикос 188
 Иордан 137, 144, 145, 149, 150,
 154, 159, 162, 164, 170
 Ираклий 174
 Ирпах 164, 170, 191, 210
 Исла 153
 Ичжисе 69, 222, 223
 Кавад 186—189
 Кандих 176
 Канкюй 224
 Кансин 5
 Кар 135
 Кара-хан 64, 65
 Карл Великий 181
 Квинт Курций 90
 Кедрин 184
 Кидар 230
 Киракос Гандзакский 188
 Клавдий Клавдиан 137—139, 141
 Константин Багрянородный 178
 Котрагиг 176
 Крека 158
 Кримгильда 168
 Кун-хан 65, 226
 Кутилисиз 174
 Кушнавар 170
 Лаврентий 180
 Лазарь Парпский 184, 188
 Ланчжун Хоун 77
 Лаошан (Цзюй) 66, 68, 69, 83,
 97, 129, 223
 Лигуанли 71
 Ликэ 220
 Лилин 71, 73, 74
 Лоухоу 220
 Луфан 118
 Любань (Гаоцзу) 63
 Люло 124
 Лююань 124, 125
 Мадуаньлин 58
 Максимин 156
 Маннах 179
 Маотунь (см. Модэ) 64, 80, 226
 Марин Тирский 98
 Маркиан 162
 Масуди 184
 Маэс 98
 Мезамир 176
 Менандр 176, 178, 184, 185
 Минди 119
 Михаил Сирийский 184
 Мо 224
 Модар 151
 Модэ 57, 58, 61—68, 79, 83, 97,
 108, 122, 223, 225, 226, 230,
 231, 234
 Моисей Каганкатуйский 142, 184,
 188
 Моисей Хоренский 135, 170
 Мочжо 40
 Мугулюй (Моколу или Мукуру)
 127
 Мугянь 125
 Мундзук 153
 Муюн Хой 125
 Мынтянь 61
 Мэн 220
 Нагай 173
 Огуз-Каган 40, 63—67, 224, 225,
 226, 230, 234, 235
 Онигисий 157, 158, 207
 Орозий 137, 148
 Оуар 176
 Павел Диакон 178, 180
 Пероз 184, 186,—188
 Пипин Италийский 182
 Плинф 154
 Приск Панийский 136, 153, 155,
 156, 157, 158, 159, 162, 163,
 164, 165, 166, 167, 170, 198, 207
 Прокопий 165, 170, 184, 187, 188
 Проспер Аквитанский 151, 169
 Пруденций 137
 Птолемей 89, 98, 99, 100, 135
 Пыньчун 118

Рашид ад-дин 64, 65, 225, 233,
235
Ругила или Руга 152, 153, 154
Сальвиан 158
Сангилах 153
Сандилах 174
Сарос 177
Сатук Богра хан 235
Сенатор 155
Сигиберт 179
Силзивул 176
Соуву 71, 73
Соухяй жоди 223
Страбон 89, 90, 98, 100
Су 224
Сюнь 224
Сымацянь 29, 41, 57, 71, 97
Табари 184, 186
Тан 25, 120
Тань 224
Таргитий 181
Тайву 200
Тайцзун 27
Теодомир 160
Тиверий 179
Тимур 180
Тиридат Великий 135
Тобавэй 126
Тобагуй 46, 126
Тоба-Ито 111
Торнэмэд 161
Трог Помпей 98, 100
Тудун 182
Тумань 61, 128, 223, 226
Туньгухэ 110, 120, 224, 231
Турксанф 179
Таньшихуай 46, 111, 123, 124
Увэй 70, 223
Уди 220, 222
Улян 26
Ульди 151, 152, 153
Ульдис 215
Ульфила 149
Урум-каган 234
Урус-каган 234
Усдивад 181
Уцзюгу 109
Учжулю жоди 32, 38, 47, 81, 82,
223, 226, 227
Ушилу 70, 222, 223
Уяньгюйди 223
Феодосий 150, 151, 152, 155, 162
Феодул 155
Феофан 184, 185

Феофилакт 171, 184, 185
Фердоуси 184
Филимер 137
Филосторгий 136, 137, 151
Фритигерн 150
Фуджулэй 223
Фуфын 221
Хань 224
Хаосань 222
Хели 120
Хелхал 158
Хондемир 64
Хормизд III 186
Хосрой Ануширван 186
Хрисафий 156
Худудабо 221
Хулугу 75, 223
Хуни 171
Хуаньди 120, 223
Хутайахоу 221
Хуханье 57, 77, 78, 119, 219,
223
Хучжен 224
Хучуцюань 224
Хэчжен 220
Хюли 224
Хюйлюй Кюанькюй 223
Хуиди 75
Хуйди 222
Цайюн 123
Цзюйдихэу 71, 222, 223
Цидоло 230
Чжан 224
Чжаосинь 69
Чжанцянь 70, 79, 97, 108
Чжанши 222
Чжичжи 77, 78, 80, 83, 109, 112,
119, 223, 231
Чжунсинюе 39, 66, 68
Чжунхинюе см. Чжунсинюе
Чингиз 180
Чэньтань 78, 109
Шейгань 126
Шелунь 127
Шилэ 124, 125
Шицзы 110, 120, 224
Шуньвэй 25
Эдикон 156
Эпиген 154
Эрибо 182
Эрик Фриул 182
Этцель 168
Эфталан 184, 190, 230

Юаньди 77
Югянь 118
Юлю 120
Юстиниан 173, 176, 178, 181

Юй 25, 224
Юйлюй 111, 126
Юйфуло 224
Юйцзюй 221

Указатель географических названий

- Абакан 45
Аблайкит 106
Адрианополь 150
Азия 16, 136, 137, 146, 147
Азия Северная 21, 22
Азия Средняя 1, 5, 7, 11, 15, 22, 45, 53, 56, 70, 71, 79, 80, 83, 85, 90, 92, 97—102, 106, 112, 116, 117, 130—132, 163, 164, 167, 168, 183—187
Азия Центральная 5, 7, 10, 13, 14, 16, 18, 21—23, 26, 46, 48, 56, 66, 83, 122, 126—132, 211, 215, 233
Азовское море 173, 180
Айритам 91, 95
Аквилея 161
Акмолинская обл. 113
Аламышик 85, 87, 100, 102, 104, 113
Алай 96, 103—105
Алайские долины 84
Албания 174
Алма-Ата 86, 88, 90, 91, 94, 95
Алма-атинская обл. 97
Алтай 21, 22, 28, 34, 45, 51, 52, 63, 83, 96, 98, 106, 111, 148, 183, 204, 205, 207, 216
Амида 189
Аму-дарья 184, 197
Андогайские курганы 52
Аньдин 221
Арач 187
Арпа 100, 102, 105, 113, 193
Армения 174, 188
Атбаш 100, 113, 193
Афганистан 183, 186, 216
Афросияб 194
Бадамча Даван 115
Бадиянь (Бамиан) 183, 195
Бактрия 71, 187
Балхаш 88, 91, 108
Бамиан см. Бадиянь
Баркуль (Пулэй) 110, 111, 231
Батени 45
Баты 114
Беграм 200
Безансон (Безонтион) 161
Бельгийские провинции 160
Берккара I 86, 87, 95, 97
Берккара II 103, 104
Бинчжоу 219
Бицзуву 23
Борисфен 135, 149
Бор-Корбаз 115
Боровое 113, 114, 200
Бородаевка 112
Боспор 136, 173
Боспорское царство 144
Буг 177
Буранинские курганы 96, 104
Бурмачап II и III 102
Бурят-Монгольская АССР 34
Бухарский оазис 194, 195
Венгрия 148, 177, 201, 207, 209
Византия 174, 175, 179, 180, 190, 198, 204, 205, 210
Волга 112, 135, 198, 207, 234
Вормс (Ворбетомар) 161
Восточный Туркестан 25, 61, 78, 88, 96—98, 100, 106, 109, 111, 125, 183, 186, 187
Восточноримская империя 150—152, 157, 195
Вревская 102, 114
Вуюань 70
Вэйцзюнь 221
Галлатия 174
Галлия 160, 161, 195
Ганьвэй 110
Ганьсу 22, 23, 25, 59—61, 97

- Гаолихай 23
 Гаочан 125
 Гендю 28
 Германия 147
 Ги 84
 Гибинь (Кашмир) 99
 Гиньвэйшань 145
 Гиссарский р-н
 Горго 187
 Грекобактрийское царство 98
 Греция 196
 Гуджирте 34
 Гуй-фын 219
 Гунновар см. Днепр
 Гуши 71
- Давань 83
 Дакия 136
 Далматия 178, 180, 181
 Дандуцзу 23, 25
 Джида 50
 Джуантепинский могильник 104
 Джумгал долина 102
 Дзурумте 34
 Днепр 149, 156, 165, 170
 Днестр 150, 151
 Добруджия 154, 165 (Добруджа)
 Дон 135, 173
 Драва 182
 Дукла 177
 Думная гора 45
 Дунай 153, 154, 159, 160, 173, 177,
 178, 181, 182, 201
 Даньхуан 77
 Дэрестуйский могильник 50, 51
- Европа 13, 14, 16, 17, 78, 127,
 136, 143, 146, 151, 163, 167, 172,
 177, 212, 215
 Европа Восточная 1, 6, 7, 14, 16,
 18, 79, 113, 135, 137, 144, 145,
 148, 149, 165, 167, 170, 173, 175,
 176, 191, 200, 201, 207, 209, 211,
 231
 Европа Западная 16, 17, 18, 113,
 148, 162, 168, 169, 179, 195, 200
 Евтахия 174
 Евфрат 174
- Желтая река 59, 69
- Забайкалье 22, 45, 48, 51
 Закаспий 165, 176, 184, 191
 Западное море 110
 Западные Карпаты 160
 Или 91
- Иллирик 154, 155
- Ильмовая падь 34, 48, 50, 63
 213
 Илийская долина 85, 103, 104,
 105, 145
 Имаус 114
 Индия 183
 Индия Северная 71, 183, 186
 Иньшань 26
 Иран 11, 71, 92, 164, 174, 180,
 183, 185—188, 193, 197, 198,
 205, 212, 216
 Иртыш 63, 104, 106, 114
 Исет 98
 Истра 136, 150, 154, 156, 181
 Иссык-куль 86, 94, 102, 113
 Исфара 101, 102, 105, 115, 192
 Италия 161
 Иян 220
- Кавказ 135, 137, 164, 165, 188
 Кавказ Северный 95, 148, 174
 Казахстан 22, 88, 90, 96, 97, 113,
 114, 200, 216
 Калган 61
 «Каменный город» 106
 Каменское плато 86
 Канглы 234
 Каппадокия 174
 Кара-агач 200
 Кара-Кенгир 113, 114
 Картал 104
 Каратау 96, 104
 Каратегин 197
 Кара-чоко I 85, 86
 Кара-чоко II 103
 Карашар 183
 Каргалы I 90, 91, 95
 Каргалы II 103
 Карпаты 150
 Карс 154
 Каспийские ворота 174
 Каспийское море 111, 136, 231
 Кастра Мартис 151
 Катанда 22, 45, 52, 213
 Катунь 52
 Каунчи 102, 114
 Кашгар 183
 Кегень 91
 Кедер 234
 Келесская степь 101
 Кенкол 5, 34, 101, 102, 105, 111—
 115, 117, 193
 Кердар 234
 Киликия 174
 Киргизия 45, 97, 200
 Киррестика 174
 Кискерос 201

Житай 11, 13, 14, 22, 24—29, 33, 36, 39, 40, 46, 48, 52, 53, 58—63, 68—71, 73—78, 80, 81, 93, 95, 98, 100, 109, 111, 118—127, 129—131, 135, 163, 165, 186, 194, 201, 208, 212, 214, 219, 220, 222, 228

Кобдо 78

Коксу 104, 115

Константинополь 153, 170, 177, 181

Корея 28, 34

Кош-агач 114

«Красный Октябрь» с/х 112

Кронийское море 136

Крым 173

Ктесифон 189

Кудыргэ 204

Кульджа 123

Кунсе 220

Кургак 96, 101—104

Куча 145

Кыз-арт 100—102, 113

Кызылтуу 101—103, 193

Кырчин 96, 100, 102

Кян 60

Кяхта 34

Ледовитый океан 137, 139

Лэуфань 25, 26

Лингюй 69

Линьху 26

Ло 59

Лоб-нор 63, 71, 111

Лопин 220

Лоулань 71, 111, 112

Лоюени 107

Лоян (Хэнаньфу) 124

Луговское 45

Люанбин (Пекин) 93

Лютеция (Париж) 161

Лякан 116

Лянчжоу 145

Ляодун 125

Ляохэ 123

Мааша 101—103, 193

Майнц 161

Макаровка 112

Маньчжурия 24, 25, 123

Марг 154, 155

Марна (Матрона) 161

Массилия 158

Мерв 186

Мец 161

Мизийский город 154

Милан (Медиолан) 161

Минг-тепе 114, 115

Минусинская котловина 21, 44, 47

Минусинский край 34, 44, 46, 52, 93, 201

Миян-Кол 102, 115

Монголия 22, 25, 45, 46, 51, 61, 79, 96, 106, 109—111, 123, 125, 128, 207, 234

Морава 154

Мэнцзинь 221

Мэотийское озеро 136, 139

Муянчэн 24, 72

Надихеш 203

Наисса 156

Нарын 86, 91, 94, 104, 113

Нарына долина 85, 102

Небесные горы (Тяньшань) 110

Неккар 160

Нижне-Иволгинское городище 50, 51

Нинпинь 60

Новы Фракийские 156

Ноин-ула 5, 27, 28, 31—34, 38, 40, 42—47, 50, 51, 113, 213

Нура 90

Оглахтинский могильник 44, 45, 47, 213

Одесса (Варна) 155

Оксус 186

Орлеан 161

Ордос 23, 24, 26, 61, 69, 93

Орхон 78, 110

Оскю 201

Отрар 234

Отукчи 116

Ош 105

Пазырыкские курганы 14, 22, 27, 52

Памир 88, 114

Памиро-Алай 193

Паннония 153, 156, 180, 201

Паннонский Подунай 177

Паргона 84

Парфия 71

Пекин 24

Пермский край 148

Пини 222

Пинян 220, 221

Понт 174

Приаралье 85, 113, 190, 191, 231, 232

Приаральские степи 149

Прикамье 200

Приуралье 149

- Причерноморье 163
 Причерноморье античн. 11, 14
 Пскент 114, 115
 Пскентский могильник 102
 Пуцзы 220
 Пэй 220
 Пяндж 197

 Равенна 161
 Рейн 160
 Рим 11, 14, 127, 151, 153—155,
 163, 164, 173, 194—196, 207,
 208, 212, 215
 Римская империя см. Рим
 Рипэйские горы 136
 Россия 26, 62, 79, 135, 136, 147,
 215

 Сава 181
 Салона 178
 Саньвэй 221
 Саньхэ 221
 Семипалатинск 78
 Сибирь 26, 129, 204
 Сибирь Южная 14, 22, 23, 52,
 53, 56, 62, 96, 100, 204
 Сианьфу (см. Чанвань)
 Сирмия 158, 180, 181
 Синьсин 220
 Сихэ 220, 221
 Скандзы (Скандинавия) 137
 Скифия 137
 Скифия Малая 165
 Согд 69, 71, 89, 112, 131, 192,
 193
 Сох 101, 102, 105, 115, 197
 Средиземноморье 71, 11
 Срединная Империя 60, 77, 81,
 200
 Среднеазиатские степи 112, 231
 Среднеазиатское Междуречье 83,
 85, 192
 Страсбург (Аргенторат) 161
 Стырь 177
 Суджинское кладбище 45
 Судзукте 34, 43
 Судэ 112, 171, 193
 Сусе 84
 Сюаньхуэ (Хубэй) 93
 Сюньюй 219
 Сян (Шуньдэфу) 125
 Сянтао 60
 Сяньюн 25, 219
 Сыр-Дарья 56, 83, 84, 89, 107,
 112, 114, 115, 116, 146, 191,
 193, 197, 231, 233
 Сычуань 60

 Табажек 52
 Татрские горы 177
 Такламакан 25
 Талас 34, 45, 84, 91, 94, 97, 102,
 105, 107, 109, 192
 Таласская долина 85, 87, 100
 Таштык 45
 Тайлин 220
 Тайюань 220, 221
 Тамды 87, 96, 104
 Танаид 136, 137
 Тарбагатай 78, 108, 109
 Тарим 75
 Ташкент 101, 105
 Ташкентский оазис 94, 101, 102,
 103, 104, 114—116, 131
 Термез 186, 194
 Тимок 180
 Тисса 173, 182
 Тохаристан 192
 Трир 161
 Труа 161
 Тулейкен 104, 105
 Туп-Хона 200
 Турар 234
 Туркестан 70
 Турфан 75, 76, 125
 Тхухэ 125
 Тюп 86, 94
 Тюпский залив 94
 Тюрингия 173, 180
 Тяньшань 34, 56, 63, 78, 80, 83
 85, 87, 97—100, 102—104, 109—
 111, 113, 115, 131, 144, 145, 193

 Узун-агач 90
 Узунагачский р-н 90
 Узун-Ата 115
 Узунбулак 102, 115
 Улло 201
 Урга 34
 Усатово 112
 Уту долина 106
 Уйбатский чаатас 47

 Фергана 69, 71, 83, 84, 87, 101,
 102—106, 107, 114—116, 131,
 132
 Фракия 136, 151, 152, 155
 Фрунзе 88
 Фуму 84

 Хакас 71—73
 Хами (Иву) 111
 Хангай 106
 Херсонес Фракийский 155
 Хорасан 186

Хорезм 84, 148, 192, 194, 196
Хотан 183
Хуанхэ 22, 59, 61
Хубэй 24
Хуннухэ, Гуннская река 110
Хуньюй 25, 59
Хэдунь 118
Хэланьшань 60
Хэси 220
Хэнань 22, 23, 97, 221
Хэнаньфу (см. Лоян)
Хэюнь 110
Хэйшуй 60
Хюньюй 59
Хюсюнь 84
Хяньюнь см. Хюньюй

Цзинчжао 221
Цзыши 220
Ци 60

Чакмак 104, 105
Чаньань (Сианьфу) 37, 82, 124
Чар-Дара 115
Чаткальская долина 101, 102, 115
Черное море 153, 180
Черноморские степи 165
Чертомлык 93
Чесная 45
Чжаньлюй 70
Чжао 219
Чиимташ 87
Чимтюе 91, 95
Чон-алай 101, 102, 104, 105, 114,
193, 197
Чу 94, 107
Чубань см. Юебань
Чу-Илийское Междуречье 85

Чуйская долина 85, 86, 104
Чуйской степи курганы 52

Шамо 219
Шандин 220, 221, 222
Шангу 77
Шанлинь 37, 38
Шанцзюнь 221, 222
Шаньдун 28, 82
Шаньси 27, 59, 61
Шаньчжун 25
Шарт 104, 105
Шачжоу 60
Шварцвальд 160
Шегнаксай 115
Шеньси 69
Шибэ 22
Шипово 113
Ширинсай 101, 102, 105, 192
Шое горы 110
Шофан 69, 70
Шпейер (Новиомаг) 161
Шуньдэфу (см. Сян)

Эльба 179, 180

Юегянь-Ургенч 84
Юени 84
Южнорусские степи 79, 80, 112,
141, 145, 210, 216
Юнчжун 46
Ютас 201, 204
Ючжеу 126
Юйлюй 126

Яконур 114
Яксарт 85, 89
Янь 219

Указатель племенных названий

- Абары, см. авары
Абдаль 185
Абдел 185
Авары 4, 14, 16, 18, 127, 137, 166, 170—172, 174—182, 190, 191, 198, 201—203, 205—209, 215, 232, 234
Аварский каганат 166, 173, 174, 177, 178
Аварский союз племен см. аварский каганат
Азиатские племена 146
Акациры — акатиры 156, 160, 164, 165
Аланы 79, 85, 114, 136, 142, 143—145, 147—150, 159, 160, 165, 177, 207, 231, 232
Аланские племена 112
Алтай 21, 22, 28, 34, 45, 51, 52, 63, 83, 96, 98, 106, 111, 148, 183, 204, 205, 207, 216
Алтайцы 10
Амилзуры 153
Анты 160, 176, 177
Апар-апурым см. авары
Апар-апурум см. авары
Аристеи 84, 105
Арси 84, 99
Асии 84, 98, 99
Афганский народ (афганцы) 197, 214
- Бастарни 135
Болгары 4, 165, 175, 180—182, 209, 210, 234
Болгарские племена 176
Боме 221
Бу 222
Бургунды 160, 168, 169
Буряты 41
- Вархониты 171, 174, 178—180, 191, 209, 231, 232
- Вархуни см. вархониты
Венгры 79, 182, 210
Вестготы 148, 150
Византийцы 174, 181, 189
Востоногуннский племенной союз см. Гунны восточные
Восточноевропейские племена 17, 98, 147, 168, 190, 206, 207, 214, 215, 235
Востоноиранские племена 116
Востонокангюйские племена 85
Востонославянские племена см. славянские племена
Войски 153
Вэйби (сяньби) 60
Вэйсо 221
- Гандариды 137
Гаогюй 146, 173, 183, 214, 231, 234
Гениды 160, 164, 173, 179, 181
Германские племена 17, 207
Германцы 11, 12, 54
Герулы 160
Готы 136, 137, 138, 142, 144, 145, 149, 150, 151, 159, 162, 163, 165, 169, 207, 215
Готы-тетракситы 173
Гуаньжун 25
Гузы 116
Гунно-авары 165, 172, 231, 232
Гунно-фруны 197
Гунно-хионы 171
Гунны 1, 3, 6, 7—9, 13—17, 18, 21, 22, 26—29, 31, 34—36, 39—41, 44, 46—63, 66, 68—71, 74—83, 97, 99—102, 104, 105, 107—109, 111—116, 118, 120—126, 128—131, 135—139, 141—154, 156—170, 172, 175, 178, 180, 181, 185—187, 189—193, 197, 198, 205—207, 210, 212—215, 220, 221, 225, 226, 230—234

- Гунны азиатские 67, 145
 Гунны-акатирь 164, 165
 Гунны белые 173, 183, 185, 187, 188, 232
 Гунны восточные 4, 5, 9, 14, 16, 55, 80, 85, 118, 137, 148, 185, 187, 208, 209, 214, 215
 Гунны восточноевропейские 144, 145, 165
 Гунны европейские 6, 7, 138, 148
 Гунны западные 4, 14, 16, 18, 80, 111, 117, 135, 144, 148, 149, 152, 165, 185, 198, 205, 212, 214, 230
 Гунны-кидариты 164, 165, 185, 230, 231
 Гунны-киммерийцы 173
 Гунны китайские 117
 Гунны северные 34, 53, 78, 79, 83, 85, 109, 110, 111, 113, 114, 118, 119, 120, 122, 130, 143, 214, 223, 231
 Гунны Семиречья (Тяньшаня) 197
 Гунны среднеазиатские 4, 17, 111, 112, 113, 117, 122, 131, 149, 197, 214, 215, 216, 233
 Гунны центральноазиатские 131, 145
 Гунны чоналайские 114
 Гунны южные 79, 82, 110, 118, 120, 125, 129, 130, 213, 214, 227, 232
 Гуннский племенной союз см. Гунны
 Гуньчжу 25
 Гуры 173, 231—234
 Гяньгунь 47, 48, 63, 108, 109
- Далматы 174
 Далоу 221
 Данху 222
 Дахя 70
 Джунгария 62
 Ди 25, 31, 58—61, 126
 Дивань 25
 Дигоры 148
 Динлины 44, 46, 47, 48, 60, 62, 76, 78, 108, 109, 123, 128
 Древнеславянские племена 159
 Дулебы 177
 Дулу 105
 Дунху 25, 61, 62, 122
 Духоу 222
 Дуань 125
- Еда 183, 190, 232
 Ефталы 185
- Жичжу 222
 Жуаньжуань 124, 127—129, 171, 172, 177, 178, 183, 231
 Жужани 113, 166, 190, 191
 Жун 25, 26, 31, 55, 58—61, 219, 221
- Западногуннский племенной союз см. Гунны западные
 Западноевропейские племена 162, 215
- И** 219
 Идань 232
 Идалян (идал) 184
 Индийские племена Сев. Америки 146
 Икюй 25
 Иранские племена 55, 90, 149, 197
 Иранцы 185, 189
 Иртыша племена 104
 Исседоны 96, 98, 99, 100, 106
 Исседоны «серские» 98
 Исседоны скифские 98
 Итимары 153
- Казахи 1, 10, 17, 61, 97, 107
 Кангюй 78, 83, 84, 85, 107, 109, 116, 145, 146, 172
 Кангюй восточные 96, 107
 Каракитай 74
 Каспийцы 136
 Катиск-кадусии 184
 Квады 160
 Кенкольцы 233
 Кермихионы 171, 191, 231
 Кыргызы 1, 17, 47, 48, 78, 97, 108, 113, 114
 Китайцы 36, 53, 60, 61, 68, 69, 71, 74—76, 81, 96, 99, 107, 108, 113, 123, 125—128, 184, 220, 227
 Комар 234
 Котсагиры 180
 Коутоу 221
 Кумедские племена 105
 Кумеды 84, 115, 197
 Кутургуры 165, 166, 172—174, 176, 180, 181
 Кушаны 69, 71, 83, 112, 183—185, 189, 190, 192
 Кыпчаки 63, 106, 107
- Лангобарды 173—179, 181, 203—205, 209

- Лань 222
Лицзе 221
Лэ 222
- Маркоманы 160
Массагето-юечжийские племена 84
Массагеты 83, 99, 116, 183, 190, 191
Монголы 6, 16, 41, 55, 65, 171
Муюн 124 (янь), 125, 126, 129
- Нафтал 185
- Обры см. авары
Огоры (Угуры) 164, 170, 174
Огузские племена 197, 233, 234
Огузы 214, 233, 234
Онугуры (Оноугуры) 164, 170, 172, 174, 181
Осетины 148
Остготы 148, 149, 160
Остяк 107
- Парикании 84
Парфяне 70, 71
Пасианы 98, 99
Персы 187
Печенеги 116, 166, 168, 209, 210
Поволожья племена 144
Половцы 168, 209
Приалтайские племена 99
Приволжские кочевники 80
Припонтйские кочевники 80
Приуралья племена 144
Псевдоавары см. авары
- Римляне 151, 153—157, 165, 176, 177, 181, 187, 189
Роксаланы 135, 149, 160
Россоманы см. Роксаланы
- Сабиры (Савиры) 148, 170, 173, 174, 209
Сарагуры (Сараугуры) 164, 165, 170, 172, 181
Сакарауки 98, 99
Саки 89, 90, 91, 96, 99—100
Саки Афганистана 90
Саки восточные 90
Саки парадарайя 88
Саки североиндийские 90
Саки семиреченские 89
Саки сырдарьинские 89
Саки тяньшаньские 89, 105
Саки яксартские 89
- Саки-тиграхауда 85, 89
Саки-хаомоварга (амюргийские) 85, 89
Сакоусуньские племена 83, 85
Сакские племена 88, 89, 98, 99, 100
Сарматы 115, 116, 144, 232
Северное Припамирье 84, 85, 99
Северные варвары 219
Семиречье 45, 56, 63, 74, 78, 83, 85, 87, 88, 90—96, 99, 100, 102, 104—106, 108—111, 113, 115, 145, 193, 194, 234
Сербы 174
Синли племена 106
Скифский племенной союз см. скифы
Скифы 13, 17, 21, 26, 79, 136, 137, 144, 149—152, 158, 166, 188
Скифы-абии 84
Скифы царские 136, 154
Славяне 6, 14, 79, 180, 181, 206
Славянские племена 17, 160, 162, 163, 176—178, 215
Среднеазиатские племена 17, 112, 117, 145, 172, 189, 234, 235
Соросги 154
Сюнну 7, 219, 220
Сяньби 44, 46, 47, 60, 79, 109, 110—113, 120—130, 214
Сяньчжи 221
- Таджики 10
Танху 60
Тарнахи 180
Тайфалы 151
Тедал 184
Тедалтзи 184
Това 46, 111—113, 120, 122—124 (дай) 125, 126 (дай), 127—130, 194
Тохары 70, 71, 84, 98, 148
Тибетские племена (кяны) 60
Тоносуры 153
Тохар 234
Тугэ 221
Тунгусские племена 55
Туркмены 1, 10, 17, 214, 233
Тугун 221
Тюринги 160
Тюрки 6, 16, 21, 40, 63, 65, 66, 70, 97, 127—129, 147, 166, 168, 172, 176—180, 185—187, 190, 195, 209
Тюрки голубые 15
Тюрки-кумиджни 197

- Тюркские племена 55, 56, 89, 100,
106, 107, 113, 131, 178, 195, 225
- Уге 108, 109, 111
- Угры 113
- Угрофинские народы 148, 178
- Уйгурские племена 51, 214
- Узбеки 10, 229
- Уральские народы 148
- Уйгуры 40, 41, 61, 67, 78, 113,
146, 172, 173, 209, 233, 235
- Уйгуры желтые см. уйгуры
- Усути 63, 71, 74—76, 78, 80, 81,
83, 84, 89, 90, 93, 96—100, 104—
109, 111, 116, 128, 145
- Усуни восточнотуркестанские 100
- Усуни тяньшанские см. усунь
- Утань 221
- Утургуры 165, 166, 172, 173, 174,
176, 179, 181
- Ухуаньцы 76, 80, 81, 120, 121
(ухуань), 122, 123, 214
- Ухун(уге) племена 113
- Уш 84
- Финны 6
- Франки 160, 162, 176, 179, 182
- Хазары 60, 164, 165, 167, 172,
210, 234
- Ханьчжи 221
- Хайлантюрк 184
- Хайтал 184
- Хептал 184
- Хиониты 185
- Хионы см. хоны
- Хоны 144, 232
- Хуа и Хуадунь 183, 184
- Худэ 106
- Хусе 108
- Хуянь 222
- Хэлай 221
- Хэйлан 221
- Центральной Азии племена 148,
190, 214
- Цзиму 222
- Цзылу хюн-ну 60
- Цзюешэ см. кыпчаки
- Цзюйцюй 222
- Цяньцюй 221
- Цяо 222
- Чешские северные 106, 108, 111
- Чжунцы 221
- Чжэньшу 221
- Чидэ 221
- Чиша 221
- Чоль 185
- Чуваши 210, 215
- Чэян 222
- Эфталиты 14, 112, 114, 137, 164,
165, 172, 173, 174, 177, 183—
192, 194, 197, 215, 230—233
- Эфталиты индийские 186
- Юебань 105, 109, 111, 113, 145
- Юечжи 62, 63, 69—71, 83, 98, 108,
183, 187, 200
- Юечжийские племена 98, 190
- Южносибирские племена 98, 99
- Юнцюй 221
- Юйбин (Юйби или Юйбэй) 221
- Яксарты 84
- Яксарты-апаснаки 84, 89
- Якуты 10, 215
- Японцы 34
- Ятии 84
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	4
От автора	3
Введение	6
<i>Часть первая. История восточных гуннов</i>	
Глава I. Гунны, их экономика и социальный строй	21
Глава II. Модэ шаньюй и сложение военно-демократического строя гуннов	57
Глава III. Гунны до их разделения на южных и северных	68
Глава IV. Раскол гуннского племенного союза	77
Глава V. Сакоусуньские племена Средней Азии накануне гуннского вторжения	83
Глава VI. Гунны в Средней Азии	102
Глава VII. Падение гуннов и проблема «варваризации». Жуаньжуани	118
<i>Часть вторая. История западных гуннов</i>	
Глава VIII. Происхождение западных гуннов	135
Глава IX. От Валамира до Атиллы	143
Глава X. Атиллы и гунны в его время	154
Глава XI. Распад западно-гуннского племенного союза	164
Глава XII. Аварский каганат	170
Глава XIII. Белые гунны (эфталиты) и авары	183
Глава XIV. Роль эфталитов в Средней Азии.	192
Глава XV. Археологические памятники гунно-аварского периода	198
Закключение. Значение гуннских завоеваний в историческом процессе	212
<i>Приложения</i>	
I. Китайский источник Цзиньшу о гуннах	219
II. Родословная гуннских шаньюей (без северных)	222
III. К происхождению легенды об Огуз-кагане	224
Список принятых сокращений	240
Шифры китайских источников	242
Указатель исторических имен	243
Указатель географических названий	247
Указатель племенных названий	252

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Ст.
От редакция	4
От автора	3
Введение	6
<i>Часть первая. История восточных гуннов</i>	
Глава I. Гунны, их экономика и социальный строй	20
Глава II. Модэ шаньюй и сложение военно-демократического строя гуннов	57
Глава III. Гунны до их разделения на южных и северных	68
Глава IV. Раскол гуннского племенного союза	77
Глава V. Сякоусуньские племена Средней Азии накануне гуннского вторжения	83
Глава VI. Гунны в Средней Азии	102
Глава VII. Падение гуннов и проблема «варваризации». Жуаньжуани	118
<i>Часть вторая. История западных гуннов</i>	
Глава VIII. Происхождение западных гуннов	135
Глава IX. От Валамира до Атилы	143
Глава X. Атилы и гунны в его время	154
Глава XI. Распад западно-гуннского племенного союза	164
Глава XII. Аварский каганат	170
Глава XIII. Белые гунны (эфталиты) и авары	183
Глава XIV. Роль эфталитов в Средней Азии.	192
Глава XV. Археологические памятники гунно-аварского периода	198
Заключение. Значение гуннских завоеваний в историческом процессе	212
<i>Приложения</i>	
I. Китайский источник Цзяньшю о гуннах	219
II. Родословная гуннских шаньюев (без северных)	222
III. К происхождению легенды об Огуз-кагане	224
Список принятых сокращений	240
Шифры китайских источников	242
Указатель исторических имен	243
Указатель географических названий	247
Указатель племенных названий	252

Подписано к печати 26-VI-1951 г. Печ. л. 16. Уч.-изд. л. 18,0. Тираж 3000. М-31353. Заказ 887

Типография Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета.
Университетская набережная, 7/9.